

ПРАВОСУДИЕ JUSTICE

2026
Том 8, № 2

2026
Vol. 8, no. 2

Научный журнал

Scientific Journal

Учредитель и издатель:

Российский государственный
университет правосудия
имени В. М. Лебедева

Founder and Publisher:

Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev

Издается с сентября 2019 года
Периодичность издания – 4 раза в год

Published since September 2019
Publication frequency: quarterly

E-mail: vestnik@rsuj.ru
<http://justice.study>

Научный журнал «Правосудие/Justice» публикует оригинальные, соответствующие установленным требованиям статьи, в которых исследуются наиболее значимые для отечественной и зарубежной юридической науки проблемы, относящиеся к следующим направлениям: теория и история права и государства, глобализация и правосудие, современные правовые доктрины, судопроизводство, судебные реформы и судебные системы отдельных стран, цифровизация и право. Издатель созданием журнала ставит цель представить научному сообществу результаты научных исследований российских и зарубежных ученых по специальному кругу вопросов, касающихся осуществления правосудия.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

С целью экспертной оценки каждого поступающего в редакцию материала осуществляется научное рецензирование. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Редакция журнала направляет копии рецензий при поступлении соответствующего запроса в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Журнал следует стандартам редакционной этики согласно международной практике редактирования, рецензирования, издательской деятельности и авторства научных публикаций и рекомендациям Комитета по этике научных публикаций (COPE) и Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1), включен в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список» (3 уровень).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-76078 от 24 июня 2019 г.

Научный редактор Л. Б. Архипова (кандидат юридических наук)
Корректор К. В. Чегулова
Компьютерная верстка Г. С. Гордиенко

Адрес редакции:
Российская Федерация, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69
Тел.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

При перепечатке и цитировании
ссылка на журнал «Правосудие/Justice» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов,
опубликованных в журнале, допускается только с разрешения редакции

Отпечатано в ОАО «Паблит» (Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1).
Подписано в печать 22.06.2026, выход в свет: 30.06.2026
Формат 70×100/16
Объем 15,6 усл. печ. л.
Тир. 120 экз. Свободная цена

The academic and scientific journal “Pravosudie/Justice” publishes original articles in accordance with the established requirements, which research the most significant for the domestic and foreign legal science problems in the following areas: theory and history of law and state, globalisation and justice, modern legal doctrines, legal procedures, judicial reforms and judicial systems of individual countries, digitalisation and law. The publisher of the journal’s aims to present to the scientific community the results of scientific research carried out by the Russian and international scientists and to introduce to the scientific community publications on a special range of issues relating to the administration of justice.

The titles and contents of the rubrics of the journal correspond to the branches of science and Nomenclature of scientific specialities in which degrees are awarded.

All materials submitted to the editorial board undergo a scientific peer review process. All reviewers are recognised experts in the subject matter of the reviewed material. The editorial board sends copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

The journal follows the standards of editorial ethics according to international practices for editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE) and Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science are published (K1), included in the Unified State List of Scientific Publications – “White List” (level 3).

The Journal is registered in the Federal Service
for Supervision in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate: ПИ № ФС77-76078, 24.06.2019

Scientific editor L. B. Arkhipova (Cand. Sci. (Law))
Proof-reader K. V. Chegulova
Computer layout G. S. Gordienko

Postal address:
69 Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russian Federation
Tel.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

When reprinting or quoting,
the reference to the journal “Pravosudie/Justice” is necessary.
No part of this publication may be reproduced
without the prior written permission of the publisher

JSC “Pablit” (build. 1, 31B, Polyarnaya St., Moscow).
Signed to print 22.06.2026, publication date: 30.06.2026
Sheet size 70×100/16
Conventional printed sheets 15,6
Number of copies 120. Flexible price

Главный редактор

Корнев Виктор Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Редакционная коллегия

Антюшин Сергей Сергеевич (г. Москва, Россия), доктор философских наук, доцент, действительный член Академии военных наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Бирюков Павел Николаевич (г. Воронеж, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета

Бриллиантов Александр Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Бурдина Елена Владимировна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Габов Андрей Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук

Дорская Александра Андреевна (г. Санкт-Петербург, Россия), доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Жуков Вячеслав Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Качалов Виктор Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Кирпичев Александр Евгеньевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Колюшин Евгений Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Кононов Павел Иванович (г. Киров, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Корнев Аркадий Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Тисен Ольга Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Лапаева Валентина Викторовна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН

Монжаль Пьер-Ив (г. Тур, Франция), доктор публичного права, профессор Университета Франсуа Рабле

Нешатаева Татьяна Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Никитин Сергей Васильевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Прошунин Максим Михайлович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Скляр Сергей Валерьевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Спиридонов Андрей Алексеевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, заместитель директора Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса

Стародубцев Григорий Серафимович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Фаргиев Ибрагим Аюбович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Судья Верховного Суда Российской Федерации

Фролова Елизавета Александровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Editor-in-Chief

Viktor N. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Editorial board

Sergey S. Antyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Head of the Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Pavel N. Biryukov (Voronezh, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International and Eurasian Law Department, Voronezh State University

Alexander V. Brilliantov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Elena V. Burdina (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Organization of the Judiciary and Law Enforcement Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey V. Gabov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Acting Head of the Civil and Entrepreneurial Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Alexandra A. Dorskaya (St. Petersburg, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Vyacheslav N. Zhukov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

Viktor I. Kachalov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Radutnaya Criminal Proceedings Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Alexander E. Kirpichev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Business and Corporate Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Evgeny I. Kolyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation

Pavel I. Kononov (Kirov, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Civil and Administrative Procedure Department, Volga-Vyatka Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Arkady V. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Theory of State and Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Olga N. Tisen (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Rector of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Valentina V. Lapaeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Chief Researcher at the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

Pierre-Yves Monjal (Tours, France), PhD in Public Law, Professor at the Francois Rabelais University

Tatyana N. Neshataeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Sergey V. Nikitin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Civil and Administrative Proceedings Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Maxim M. Proshunin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Financial Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Sergey V. Sklyarov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Criminal Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Andrey A. Spiridonov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Deputy Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation 2nd class

Grigory S. Starodubtsev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the International Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Ibragim A. Fargiyev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation

Elizaveta A. Frolova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor at the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Серегин А. В.</i> Исследование организационных начал судебной власти славянских народов в эпоху Средневековья (XI–XV вв.): историко-правовой аспект	8
--	---

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Липчанская М. А.</i> К вопросу о системе публичной власти и месте судов в данной системе: доктринально-прикладные аспекты.....	19
<i>Чуева А. С., Соловьева С. В.</i> Финансово-правовой статус публичной администрации: понятие, особенности.....	33
<i>Войтович Е. А.</i> Федеративный характер Конституции Австралийского Союза	48

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Ершов В. В. (мл.)</i> . Пробелы в сфере правового регулирования фактических трудовых правоотношений	64
<i>Ткачук Д. В.</i> Правовое регулирование экологического туризма: российский и международный опыт	73
<i>Шелудяев В. В.</i> Самостоятельные и зависимые основания возникновения обязательств в гражданском праве.....	93

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Долгих Т. Н.</i> Особенности преодоления дефектов уголовно-процессуального закона	106
<i>Габрусёнок К. Н.</i> Право на судебную защиту как элемент правового статуса свидетеля в уголовном судопроизводстве.....	126
<i>Бодаевский В. П.</i> Конкуренция, коллизия и иные смежные явления, возникающие между предписаниями статей закона: пути их преодоления и разрешения в ходе уголовно-правовой квалификации воинских преступлений	140
<i>Баскакова Н. Н., Попов Л. Е.</i> Актуальные вопросы назначения комплексных судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с религиозным экстремизмом	156

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Галимов И. И.</i> Институциональные механизмы взаимодействия ВТО и международного инвестиционного арбитража	167
--	-----

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- A. V. Seregin.* A study of the organizational principles of judicial power among the Slavic peoples in the Middle Ages (11th–15th centuries): historical and legal aspects 8

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- M. A. Lipchanskaya.* On the issue of the system of public authority and the place of courts in this system: doctrinal and applied aspects..... 19
- A. S. Chueva, S. V. Solovjova.* Financial and legal status of public administration: concept, features 33
- E. A. Voytovich.* The federal nature of the Australian Commonwealth Constitution 48

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

- V. V. Ershov, Jr.* Gaps in the legal regulation of actual labor relations 64
- D. V. Tkachuk.* Legal regulation of ecological tourism: Russian and international experience 73
- V. V. Sheludyaev.* Independent and dependent grounds for the emergence of obligations in civil law 93

CRIMINAL LAW SCIENCES

- T. N. Dolgikh.* Peculiarities of overcoming the defects of the criminal procedure law 106
- K. N. Gabrusenok.* The right to judicial protection as an element of a witness's legal status in criminal proceedings 126
- V. P. Bodaevsky.* Competition, conflict, and other related phenomena that arise between the provisions of the law: ways to overcome and resolve them during the criminal qualification of military crimes 140
- N. N. Baskakova, L. E. Popov.* Actual issues of appointing complex forensic examinations in the investigation of crimes related to religious extremism 156

INTERNATIONAL LAW SCIENCES

- I. I. Galimov.* Institutional Mechanisms of Interaction between the WTO and International Investment Arbitration 167

Научная статья

УДК 34.01

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.8-18

Исследование организационных начал судебной власти славянских народов в эпоху Средневековья (XI–XV вв.): историко-правовой аспект

Андрей Викторович Серегин^{1, 2}

¹ *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация*

² *Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация*

¹ *andrei-seregin@rambler.ru*

Аннотация

Введение. Актуальной, но по-прежнему слабо изученной проблемой юридической славистики является сфера правоотношений, связанных с изучением организационных начал судебной власти славянских народов в период Средневековья, заложивших культурный, политический и национальный фундамент суверенной государственности в последующие исторические эпохи. Неискоренимое желание постоянного поиска наиболее справедливой системы правосудия ставит перед отечественными историками права важные задачи по исследованию закономерностей архаического правосудия всех славянских народов, связанных общностью языка, христианской цивилизации и геополитическими реалиями.

Методы. Целью настоящей работы является исследование организационных начал формирования средневековых органов судебной власти славянских государств в период XI–XV вв. Специфика уголовного и гражданского права не вошла в предмет изучения представленной научной статьи.

Доминирующими методами познания выступали: сравнительно-правовой, герменевтический, системный и нормативно-юридический.

Результаты исследования. В процессе исследования автор пришел к следующим выводам: а) правовые системы славянских народов являлись партикулярными по своей структуре, что соответствовало общеевропейским закономерностям юридического развития феодальной государственности; б) судебная власть была неотделима от власти законодательной и исполнительной в рамках как церковной, так и светской юрисдикций; в) пережитки судебных систем догосударственного периода сохранялись в славянских державах в институтах вечевого, общинного и присяжного (ротного) правосудия; г) юрисдикционные споры между различными

судебными системами разрешались смешными судами, состоящими из представителей различных судебных органов; д) славянская знать и купечество имели собственные судебные органы (Боярскую Думу, Иванское сто, Паны Раду и т. д.). *Обсуждение и заключение.* Судебные системы средневековых славянских государств соответствовали экономическим, политическим, культурным и социальным потребностям феодального общества.

Ключевые слова: славянские народы, славянские государства, средневековое право, судебная система, судебная власть, правосудие

Для цитирования: Серегин А. В. Исследование организационных начал судебной власти славянских народов в эпоху Средневековья (XI–XV вв.): историко-правовой аспект // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 2. С. 8–18. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.8-18.

Original article

A Study of the Organizational Principles of Judicial Power Among the Slavic Peoples in the Middle Ages (11th–15th Centuries): Historical and Legal Aspects

Andrei V. Seregin^{1, 2}

¹ *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation*

² *Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation*

¹ *andrei-seregin@rambler.ru*

Abstract

Introduction. A pressing, yet still understudied, issue in Slavic legal studies is the area of legal relations associated with the study of the organizational principles of judicial authority among Slavic peoples during the Middle Ages, which laid the cultural, political, and national foundation for the construction of sovereign statehood in subsequent historical eras. The ineradicable desire to continually seek the most just system of justice poses important challenges for Russian legal historians in exploring the patterns of archaic justice among all Slavic peoples, linked by a common language, Christian civilization, and geopolitical realities.

Methods. The purpose of this work is to study the organizational principles of the formation of medieval judicial authorities in Slavic states during the period from the 11th to the 15th centuries. The specifics of criminal and civil law were not the subject of study of this scientific article.

The dominant methods of cognition were: comparative legal, hermeneutic, systemic and normative-legal.

Results. In the course of the study, the author came to the following conclusions: a) the legal systems of the Slavic peoples were particularistic in their structure, which corresponded to the pan-European patterns of the legal development of feudal statehood; b) judicial power was inseparable from legislative and executive power, both within the framework of ecclesiastical and secular jurisdictions; c) vestiges of the

judicial systems of the pre-state period persisted in the Slavic states in the institutions of veche, communal, and jury (company) justice; d) jurisdictional disputes between different judicial systems were resolved by local courts consisting of representatives of various judicial bodies; fourth, the Slavic nobility and merchants had their own judicial bodies (Boyar Duma, Ivan's Hundred, Pany Rada etc.).

Discussion and Conclusion. The judicial systems of medieval Slavic states corresponded to the economic, political, cultural and social needs of feudal society.

Keywords: Slavic peoples, Slavic states, medieval law, judicial system, judicial authority, justice

For citation: Seregin A. V. A study of the organizational principles of judicial power among the Slavic peoples in the Middle Ages (11th–15th centuries): historical and legal aspects. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(2):8-18. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.8-18.

Введение

Весьма трудно переоценить значение судебной власти для характеристики цивилизационного развития сложноустроенных политических союзов людей. На протяжении всего периода социальной этатизации человечество нуждалось в эффективном механизме, способном разрешать неизбежные общественные конфликты.

Архаическое правосудие большинства европейских народов уходит своими корнями в средневековую эпоху, когда на руинах античной цивилизации варварские народы – германцы, славяне и финноугры создали государственность, базирующуюся преимущественно на феодальных экономических отношениях, предопределяющих сословный, религиозно-ориентированный и партикулярно-структурируемый характер правовой системы. Патримониально-вождистские подходы к институту судебной власти заставляли воспринимать ее в качестве реальной силы политического господства над подвластным населением, источником пополнения государственной казны за счет взимания различных судебных штрафов, а также средством защиты собственности, прав и привилегий [1, с. 351–352].

Средневековая судебная власть осуществлялась, как правило, государственными, церковными и общинными органами, одновременно выполняющими административные (исполнительные) и законодательные функции. Например, в романо-германском мире монарх, Римская курия, парламент, Генеральные штаты, кортесы, сотенные собрания и т. д. издавали нормативные правовые акты, разрешали споры между субъектами правоотношений и отдавали управленческие приказы¹. Аналогичным образом в период перехода от раннего к высокому и далее к позднему Средневековью (XI–XV вв.) в древнеславянских державах действовали многочисленные суды. Славянские князья, цари, короли, вечевые собрания, шляхетские сеймы, соборы знати, боярские думы и общинные сходы параллельно занимались законотворчеством, правосудием и избранием высших должностных лиц публичной власти [2; 3; 4, с. 95–99].

¹ Петров Е. В. Средневековая Европа: основные общественные процессы, управление, власть : учеб. пособие. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманитар. ун-та, 2008. С. 10–13, 59.

Методы

С методологической точки зрения исследование особенностей организации древнеславянских институтов судебной власти XI–XV вв. целесообразно проводить на основе приемов и способов сравнительно-правового анализа, включающего в себя три уровня компаративистского сопоставления юридических и нарративных источников: 1) политико-правовой доктрины, 2) законодательства и 3) правореализации.

Параллельно применялись герменевтические, системные и нормативно-юридические инструментарины анализа историко-правового материала.

Вследствие того, что целью такого анализа является определение организационных начал судебной власти славянских народов в средневековую эпоху, сравнительно-правовое исследование ограничено исключительно славянскими государствами и племенами.

Результаты исследования

В процессе эволюции древнеславянских родовых союзов, объединенных в племенные *вождества*, судебные функции военных предводителей, народных собраний и советов старейшин, направленные на разрешение острых социальных конфликтов, постоянно усложнялись на фоне формирования простейших государственных структур, организационно приобретающих все большую политико-правовую значимость.

Постепенно функции племенного вождя в условиях ранней древнеславянской государственности стали исполняться князьями, после христианизации получившими монархические титулы королей или царей. Так, в католической Хорватии король считался носителем верховной судебной власти по всем светским вопросам. Болгарские цари обладали правом созывать церковные соборы для борьбы с ересями и врагами веры Христовой, например, правитель Болгарии Борил в 1211 г. н. э. выступил инициатором соборного осуждения богомильского религиозного учения².

Тем не менее с точки зрения наиболее архаических догосударственных представлений славянских народов о княжеской власти князья вершили правосудие в качестве межплеменных и межобщинных посредников, способных обеспечить максимальную справедливость и объективность в разбирательстве судебных споров (*тужб и пра*), объезжая подвластные им общины или принимая истцов и ответчиков на особом княжеском дворе, в княжеских палатах в княжеских теремах или в княжеских сенях (ст. 9, 22, 23, 30, 47, 60 и др. Законов Винодола³ (далее – ЗВ); ст. 195, 262 Полицкого статута⁴ (далее – ПС).

В первую очередь княжескому суду подлежали люди, находящиеся на службе князя. В случае убийства княжеского человека на князе лежала обязанность добиваться компенсации с виновной стороны за потерю верного меч-

² Турилов А. А., Никитин С. И. Борила царя синодик // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 27–28.

³ Законы Винодола (1288 г.) // Собрание памятников древнеславянского права : учеб. пособие : в 4 т. Т. 3 : Средневековое законодательство южных славян / сост. А. В. Серегин. Ростов н/Д : Изд-во Юж. федерал. ун-та, 2014. С. 86–100.

⁴ Полицкий статут (XV в.) // Собрание памятников древнеславянского права. Т. 3. С. 134–184.

ника, огнищанина, тиуна и иного дружинника (ст. 29, 30, 35 ЗВ). В статье 23 Русской Правды (Краткой редакции)⁵ особо отмечается, что выплата двойной виры за убийство старшего конюха правителя была установлена князем Изяславом по результатам реального судебного разбирательства.

Во вторую очередь князья судили остальных жителей за совершение ими особо опасных преступлений, направленных против государства, – за измену, поджог, разбой и татьбу (ст. 6, 7, 9, 12, 56, 62, 70, 76 ЗВ).

Кроме того, преступления, совершенные за пределами границ общины, как правило, разбирались князем, в пользу которого выплачивались соответствующие судебные штрафы (ст. 8, 11 ЗВ). В Полицкой общине князь за выполнение судебной функции получал девять десятков овец в год (ст. 1 ПС).

По поручению князя, от его имени княжеский суд могли вершить лица, находящиеся на службе князя (ст. 40, 61 ЗВ), например воеводы, маршалаки, державцы и другие члены княжеской администрации⁶.

Славянские правители совместно с представителями знати и высшими должностными лицами государства нередко осуществляли коллегиальный суд, избегая персональной ответственности. Так, князь Великого Новгорода мог осуществлять правосудие исключительно совместно с городским посадником, представляющим интересы новгородской общины [5, с. 116]; король Богемии, бурграф Праги, наивысшие *коморник* и судья, а также 12 панов и 18 владък являлись членами *Земского суда Чешского королевства*, заседавшего под председательством монарха; в Корчуле местный князь судил совместно с Малым советом, состоящим из трех судей и трех советников, назначаемых непосредственно князем для отправления правосудия сроком на 12 месяцев (ч. 1 ст. XXIV Корчульского статута 1256 г.)⁷; Полицкий князь возглавлял судебную коллегию *ротников (заклетвенных судцев)*, рассматривающих споры, связанные с *племенщиной*, т. е. родовым имуществом, как правило земель (ст. 15, 115, 239 ПС). В Рагузской республике князь являлся частью суда, членами которого выступали лица, входящие в состав Малого веча (совета) [4, с. 95–99]. В большинстве славянских городов и общин Адриатической Хорватии князья не могли судить без судей, избранных народом в помощь княжескому правосудию [4, с. 95–99]. По мнению Ф. И. Леонтовича, южнославянские *ротники*, или *заклетвенные судцы*, по своему юридическому статусу были близки к древнерусским *целовальникам* и *лучшим людям* [4, с. 92], известным Судебникам 1497 и 1550 гг. н. э.⁸

⁵ Русская Правда (Краткая редакция) // Собрание памятников древнеславянского права. Т. 1 : Юридические источники Древней Руси и Московского царства (X–XVII вв.). С. 27–29.

⁶ Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Клочко. 1533–1540 / [подгот. В. А. Воронин и др.] ; отв. ред. А. А. Хорошкевич, Г. Я. Голенченко. М. : Наука, 2008. 525 с.

⁷ Корчульский статут (Краткая редакция) 1265 г. URL: www.vostlit.info/Texts/dokumentu/Kroatien/Kurcola_statut/text1.phtml?id=7063 (дата обращения: 28.11.2025).

⁸ Судебник 1497 г. // Политическая история России : хрестоматия / сост. В. И. Коваленко, А. Н. Медушевский, Е. Н. Моцелков. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 44–53 ; Судебник 1550 г. // Там же. С. 69–94.

Несмотря на общие черты, свойственные организации и порядку функционирования суда, состоящего из представителей народа и князя, институт полицких *ротников* имел только ему присущие особенные признаки:

- *ротники* Полицы избирались на народном собрании общины; в то время как в Дубровнике и в Сербском государстве присяжных подбирали тяжущиеся стороны самостоятельно;
- полицкие *ротники* всегда были выходцами из сословия *дидичей* и *властелей*; в отличие от сербских *поротников*, избираемых самостоятельно из доверенных лиц ответчика или истца;
- *ротники* Полицы выполняли судебские функции в течение трех месяцев, на которые они избирались народом, а сербские *поротники* являлись законными судьями только в том деле, для которого их определили стороны;
- полицкие *ротники* не просто были присяжными, имеющими право оправдать или признать виновным обвиняемого, но и вершили правосудие посредством назначения конкретного наказания преступнику, виновность которого была доказана во время судебного разбирательства [4, с. 99–100].

В условиях развитого славянского народовластия вечевое правосудие сохраняло важное политико-правовое значение в республиканских общинах и городах (например, в Полице, Будве, Великом Новгороде, Пскове, Вятке, Орлове Котельниче и др.⁹) [6].

Как правило, свободные люди имели право потребовать народного правосудия в рамках вечевого собрания по любым гражданским, административным и уголовным делам (ст. 8, 235 ПС).

Славянская знать, особенно в государствах с сильным политическим влиянием родовой и служивой аристократии, имела собственные судебные органы. Например, хорватские и боснийские соборы, состоящие из церковных и светских феодалов, вершили правосудие по земельным спорам, возникающим между представителями правящего класса¹⁰.

Восприятие в эпоху Средневековья славянскими государствами и народами христианства в качестве государственной религии закономерно распространяло судебную юрисдикцию церковных учреждений на общественные отношения, в первую очередь затрагивающие вопросы веры, нравственности и семьи. Процессы юридической христианизации проходили не линейно: властям приходилось преодолевать пережитки языческого правопорядка и различных еретических учений, сотрясающих последователей Нового Завета.

Например, в середине XIV в. н. э. для борьбы с богомилами, исихастами и иудеями глава болгарской православной церкви Феодосий Тырновский созывал два церковных собора, во главе которых стоял болгарский монарх [7, с. 172]. Суду католического епископа в Винодоле подлежали миряне, совершившие церковные преступления, и клирики – за любые уголовные и иные противоправные деяния (ст. 3 ЗВ).

⁹ Малиновский И. А. Лекции по истории русского права / под ред. и ст. от ред. В. А. Попелюшко. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 227.

¹⁰ Грамота бана Степана II 1332 г. // Стари српски повелѣи и писъма / Скупио и средѣ Стојановић Љ. // Зборник за историју, језик и књижевности српског народа. I одељење. Књ. 19. Београд : Ср. Карловци : Србска манастирска штампа-рија, 1929. С. 44.

На Руси в Новгородской республике архиепископ совместно с князем, княжеским наместником, посадником, двумя представителями от боярства, а также двумя выборными от *житых людей* участвовал в светском суде высшей инстанции, имевшем право на пересмотр судебных решений, принятых нижестоящими судами по наиболее тяжким уголовным обвинениям, например в государственной измене¹¹.

Пережитком глубокой древности догосударственного периода славянской истории являлись общинные суды, осуществлявшие правосудие преимущественно по старинному обычаю, о чем красноречиво свидетельствуют ст. 14–73 ЗВ. Для надзора за общинным судом в Винодоле от князя присутствовал *дворский* человек, подтверждавший законность судебного заседания выбранных народом *сатников* (*сотников*) и *судцев* [4, с. 22].

Судебные функции Загребской общины (*господы*) осуществлялись избираемыми старейшинами (*majores civitatis*); присяжными заседателями *assessoris* и добрыми мужами (фактически славянскими *шефенами*) [4, с. 54].

В Литовско-Русской державе общинные (*копные*) суды сформировали особое *копное* право, основанное на народных обычаях, моральных нормах сельского населения и собственной судебной практике [8, с. 127; 9, с. 126–127]¹².

Наряду с общинными судами славянские народы знали институт третейского правосудия, действовавшего по совести и обычному пониманию справедливости. В Полице третейские судьи назывались «*суци облublени*» (ст. 133 ПС).

Специализированные автономно организуемые суды купеческого сословия рассматривали преимущественно дела, связанные с коммерческими спорами негоциантов, говоря современным юридическим языком – предпринимателей.

В Новгороде тысяцкий совместно с избираемыми представителями городского купечества разрешал споры между торговцами. Наряду с данным судом при церкви Ивана Предтечи новгородское купечество в рамках профессионального союза коммерсантов *Иванского сто* формировало отдельный независимый суд, состоящий из *купцов, житых людей и тысяцкого*, уполномоченных вершить правосудие по торговым вопросам. Если одной из сторон судебного спора выступал иностранный купец, то председателем судебного заседания *Иванского сто* являлся новгородский посадник. В Пскове, ставшем самостоятельным государством, отделившимся от Новгородской земли в 1348 г., действовал особый судебный орган купеческого сословия – «*братчина*», судивший псковских торговцев по торговым вопросам и спорам (ст. 113

¹¹ Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб. : Тип. Праца, 1848. С. 92 ; Малиновский И. А. Указ. соч. С. 227–228.

¹² Королевский приказ дворянину Томковичу присутствовать въ качествѣ вижа на копѣ при разборѣ поземельныхъ споровъ. 1552 г. Октября 14 дня // Акты издаваемые Виленскою археографическою комиссіею. Т. XVIII : Акты о копныхъ судахъ. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1891. С. 1 ; Рѣшеніе копы по дѣлу о покражѣ пчѣль. 1560 г. Мая 6 дня // Там же. С. 4 ; Рѣшеніе копы объ уплатѣ за покраденные лошади. 1560 г. Апреля 24 дня // Там же ; Разсѣдованіе копы по поводу совершенного убійства. 1562 г. Февраля 3 дня // Там же. С. 10 ; Разсѣдованіе на копе по делу о покраже лошадей. 1560 г. Іюня 10 дня // Там же. С. 10–11.

Псковской судной грамоты 1467 г.¹³). Для осуществления успешной коммерческой деятельности моряки средневекового Сплита с середины XIV столетия объединялись в союз, обладающий судебными полномочиями в отношении своих членов [10].

Становление русского централизованного государства в XV–XVI вв. протекало в постоянной борьбе между сепаратистскими и унитарными тенденциями в организации политико-правового управления единого державного механизма. Великие Московские князья, проводя объединительную политику по собиранию русских земель под скипетром *«Третьего Рима»*, первоначально допускали существование правового партикуляризма на территориях, недавно признавших власть государей *«Всея Руси»*. Например, Василий I (с 1389 г. Великий князь Московский и Владимирский), присоединивший к своим владениям нижегородские земли, сохранил уделы местным князьям в Городце, Посурье и Суздале, запретив им самостоятельно сноситься лишь с Золотой Ордой [11, с. 231]. Василий Темный (1415–1462) санкционировал права ростовских бояр на осуществление правосудия по местным стародавним обычаям и законам [12, с. 29], даровав им право вотчинного суда над подвластным им сельским населением. При смешении юрисдикционных прав вотчинников, удельных князей и церкви в Северо-Восточной Руси правосудие вершилось в *смесных (вобищих) судах*, сформированных из великокняжеских наместников, волостелей, тиунов, митрополита, архиепископа, епископа, игумена и иных представителей православного духовенства [13, с. 27].

Полномочия и порядок организации *смесных судов* устанавливались, как правило, договорами между правителями удельных княжеств. От каждого княжества в *смесной суд* избиралось по одному боярину, которые приносили присягу (целовали крест) о том, что будут судить по правде. Если судьи *смесного суда* не могли решить дело единогласно, тогда они обращались к третьей стороне, например к митрополиту [13, с. 27–28].

При рассмотрении уголовных дел (татьбы, душегубства и т. д.) *смесной суд* собирался по месту совершения преступления, а при гражданском судопроизводстве – по месту оседлости, коим считалась местность, в которой располагалось недвижимое имущество ответчика [13, с. 32].

Смесной суд Новгорода еще во второй половине XV столетия заседал в городе в точно определенном месте – на Городище, где новгородский боярин совместно с великокняжеским боярином разбирали дела о порубежных грабежах и убийствах. Исчезновение *смесного* правосудия было обусловлено укреплением политического единства в Московском государстве не только в области государственно-территориального устройства, но и в сфере публичного управления церковной и светской власти.

Обсуждение и заключение

Подводя итоги проведенному анализу организации судебной власти в древнеславянских державах, следует сделать ряд выводов:

1) полиюридический, т. е. партикулярный, характер правовых систем средневековой европейской государственности способствовал формирова-

¹³ Псковская судная грамота 1467 г. // Собрание памятников древнеславянского права. Т. 1. С. 61–73.

нию конкурирующих между собой видов правосудия: общегосударственного, церковного, корпоративно-цехового, общинного и вотчинного;

2) светское правосудие в средневековых славянских государствах могли единолично или совместно с иными служащими осуществлять князь, король, бан или иной монархический правитель;

3) вечевое (общенародное) правосудие пользовалось безусловным авторитетом в республиканских городах Хорватии и Древнерусского Северо-Западного края (в Новгороде, Пскове и Вятской земле);

4) общинные суды выступали архаическим пережитком родоплеменного строя;

5) патримониальные, т. е. вотчинные, права славянских феодалов, как правило, включали привилегии судить подвластное им население;

6) церковные суды функционировали автономно или совместно с представителями светского правосудия;

7) славянская знать в рамках органов сословного представительства имела собственные судебные органы (Боярскую Думу, Паны Радугу и др.);

8) для урегулирования судебных споров смешанной юрисдикции между светской и духовной властями формировались *смесные суды*, состоящие из представителей двух публичных властей;

9) купеческое сословие могло формировать собственные суды, имеющие право вершить правосудие по торговым делам;

10) присяжные заседатели из народа, образующие институт *ротников*, – архаический механизм судебной власти славянских племен, применяемый независимо от англосаксонского аналога.

Таким образом, можно утверждать, что судебные системы, сложившиеся в средневековую эпоху у славянских народов, вставших на путь государственного развития, полностью соответствовали потребностям своего времени, детерминированным закономерностями экономического, политического, социального и культурного уровня цивилизационного развития.

Поскольку каждая разновидность древнеславянского суда заслуживает отдельного научного исследования, автор предлагает всем заинтересованным специалистам в области юридической медиэвистики присоединиться к изучению средневекового славянского правосудия.

Список источников

1. Блок М. Феодалное общество / пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 504 с.
2. Ермолович В. И. Судостроительство средневековой Сербии и Великого княжества Литовского (теоретические и исторические аспекты) // Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 22. Минск : Беларус. гос. ун-т, 2011. С. 117–136.
3. Иванов Ю. А. Суд и судопроизводство западных славян в Средние века // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 271–277.
4. Леонтович Ф. И. Древнее хорватско-далматинское законодательство. Одесса : Тип. Л. Нитче, 1868. 155 с.
5. Кочкина А. М. Своеобразие княжеского суда в Новгороде // Право и государство: теория и практика. 2013. № 3 (99). С. 116–119.

6. Серегин А. В. Юридическая характеристика формы правления средневековой Будвы // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9, № 2. С. 155–161. DOI: 10.20310/2587-9340-2025-9-2-155-161.
7. Польшивяный Д. И. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново : Иванов. гос. ун-т, 2000. 290 с.
8. Леонтович Ф. И. Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства. СПб. : Тип. В. С. Балашева и К., 1894. 410 с.
9. Юхо И. А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. Минск : Изд-во БГУ, 1978. 144 с.
10. Москаленко А. Е. К вопросу о социально-экономических отношениях в Сплите в XIV в. // Византийский временник. 1958. Т. XIII. С. 136–161.
11. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М. : Наука, 1984. 350 с.
12. Михайловъ М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до уложения 1649 года. Сочинение написанное для получения степени магистра гражданского права. СПб. : Тип. Карла Крайя, 1848. 132 с.
13. Ланге Н. Древние русские смѣсные или вобщіе суды. М. : Тип. А. И. Мамонтова и Ко., 1882. 250 с.

References

1. Blok M. *Feudal society*. Transl. from French by M. Yu. Kozhevnikova. Moscow: Sabashnikovs Printing House; 2003. 504 p. (In Russ.)
2. Ermolovich V. I. Judicial system of medieval Serbia and the Grand Duchy of Lithuania (theoretical and historical aspects). *Law and Democracy*. Collection of scientific works. Issue 22. Minsk: Belarusian State University; 2011. Pp. 117–136. (In Russ.)
3. Ivanov Yu. A. The organization of judiciary and process of western slavs in the middle ages. *Sudebnaya vlast' i ugovnyy protsess = Judicial Power and Criminal Procedure*. 2016;(2):271–277. (In Russ.)
4. Leontovich F. I. *Ancient Croatian-Dalmatian legislation*. Odessa: Typography of L. Nitche; 1868. 155 p. (In Russ.)
5. Kochkina L. M. Originality of the princely court in Novgorod. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*. 2013;(3):116–119. (In Russ.)
6. Seregina A. V. Legal characteristics of the form of government of medieval Budva. *Current Issues of the State and Law*. 2025;9(2):155–161. (In Russ.) DOI: 10.20310/2587-9340-2025-9-2-155-161.
7. Polyvyany D. I. *Cultural originality of medieval Bulgaria in the context of the Byzantine-Slavic community of the 9th–15th centuries*. Ivanovo: Ivanovo State University; 2000. 290 p. (In Russ.)

8. Leontovich F. I. *Essays on the history of Lithuanian-Russian law. Formation of the territory of the Lithuanian state*. St. Petersburg: Typography of V. S. Balasheva and Co.; 1894. 410 p. (In Russ.)
9. Yukho I. A. *Legal status of the population of Belarus in the 16th century*. Minsk: Publishing House of the Belarusian State University; 1978. 144 p. (In Russ.)
10. Moskalenko A. E. On the issue of socio-economic relations in Split in the 14th century. *Vizantijskij vremennik = Byzantine Timeline*. 1958;(XIII):136-161. (In Russ.)
11. Kuchkin V. A. *Formation of the state territory of North-Eastern Rus' in the 10th–14th centuries*. Moscow: Nauka; 1984. 350 p. (In Russ.)
12. Mikhailov M. *History of the formation and development of the system of Russian civil proceedings before the Code of 1649*. Work written for the attainment of a master's degree in civil law. St. Petersburg: Typography of Karl Kraj; 1848. 132 p. (In Russ.)
13. Lange N. *Ancient Russian common law courts*. Moscow: Typography of A. I. Mamontov and Co.; 1882. 250 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Серегин Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Института правоведения Российского государственного гуманитарного университета (Российская Федерация, 125047, Москва, пл. Миусская, д. 6, стр. 6); доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Высшей школы права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (Российская Федерация, 115054, Москва, Стремянный пер., д. 36).

Andrei V. Seregin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the History and Theory of State and Law Department, Institute of Jurisprudence, Russian State Humanitarian University (6, build. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russian Federation); Associate Professor at the Civil Law Disciplines Department, Higher School of Law, Plekhanov Russian University of Economics (36 Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 23.12.2025; принята к публикации 28.04.2026.
The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 23.12.2025; accepted for publication 28.04.2026.

Научная статья

УДК 342.565

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.19-32

К вопросу о системе публичной власти и месте судов в данной системе: доктринально-прикладные аспекты

Мария Александровна Липчанская

Российский государственный университет правосудия

имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

Lipchan_maria@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4410-0578>

Аннотация

Введение. В 2025 году исполнилось пять лет, как в результате конституционных поправок 2020 г. в Российской Федерации был конституирован термин «публичная власть» и начался новый этап трансформации единой системы публичной власти, принципов ее построения и функционирования. До настоящего времени в научном сообществе отсутствует однозначная интерпретация понятия «публичная власть» и, соответственно, ведутся споры о системе органов, составляющих ее единство. В данном контексте представляет научный интерес полемика относительно места и роли судов в единой системе публичной власти. Нельзя не отметить, что Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», указав, что местное самоуправление – это форма самоорганизации граждан, внес определенный диссонанс в понимание единства системы публичной власти, поскольку органы местного самоуправления наряду с органами государственной власти (к которым относятся и суды) входят в данную систему. Видится, что данная ситуация объективно актуализировала потребность в осмыслении доктринальной и прикладной сути единства системы публичной власти и места судов в этой системе.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу настоящего исследования составляют научные труды ученых в области теории государства и права, конституционного права и муниципального права. В работе использованы общенаучные методы (системного анализа, диалектический, формально-логический) и специальные методы исследования (системно-правовой, сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический).

Результаты исследования. Во-первых, доказано, что в контексте конституционных поправок 2020 г. осталась не до конца разрешенной проблема соотношения таких базовых для правотворчества и правоприменения понятий, как «публичная власть», «система публичной власти», «органы публичной власти». Во-вторых, выявлена правовая дихотомия: местное самоуправление является формой

и обладает признаками самоорганизации граждан, при которой население создает органы, имеющие публичные функции и наделенные публично-властными полномочиями. Сделан вывод, что в действующей парадигме разделения властей суды по своей правовой природе не должны исходить из принципа согласованного функционирования с органами, входящими в единую систему публичной власти, поскольку у судов совершенно иное социальное предназначение.

Обсуждение и заключение. В целях формулирования теоретико-правовых выводов о современной конституционной коннотации единства публичной власти и места судов в этой системе проведен анализ научных исследований теоретиков права и ученых-конституционалистов, занимающихся проблемами публичной власти в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: конституционные поправки 2020 г., публичная власть, единая система публичной власти, органы государственной власти, органы местного самоуправления, федеральные суды, мировые судьи

Для цитирования: Липчанская М. А. К вопросу о системе публичной власти и месте судов в данной системе: доктринально-прикладные аспекты // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 2. С. 19–32. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.19-32.

Original article

On the Issue of the System of Public Authority and the Place of Courts in This System: Doctrinal and Applied Aspects

Maria A. Lipchanskaya

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*

Lipchan_maria@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4410-0578>

Abstract

Introduction. In 2025, it will be five years since the 2020 constitutional amendments in the Russian Federation established the term “public authority” and marked the beginning of a new stage in the transformation of the unified system of public authority, its principles of construction, and functioning. To date, there is no clear interpretation of the concept of “public authority” in the scientific community, leading to ongoing debates about the system of bodies that make up its unity. In this context, the discussion regarding the place and role of courts in the unified system of public authority is of scientific interest. It should be noted that Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025, “On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Power,” which states that local self-government is a form of self-organization of citizens, has introduced a certain dissonance into the understanding of the unity of the public power system, as local self-government bodies, along with state authorities (including courts), are part of this system. It appears that this situation has objectively actualized the need to understand the doctrinal and applied essence of the unity of the public authority system and the place of the courts in this system.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of this study is based on the scientific works of scholars in the field of state and law theory, constitutional law, and municipal law. The study uses general scientific methods (system analysis, dialectical,

and formal-logical) and special research methods (system-legal, comparative-legal, historical-legal, and formal-legal).

Results. Firstly, it has been proven that in the context of the constitutional amendments of 2020, the problem of the relationship between such basic concepts for lawmaking and law enforcement as “public authority,” “system of public authority,” and “bodies of public authority” remains unresolved. Secondly, a legal dichotomy has been identified: local self-government is a form and has the characteristics of self-organization of citizens, in which the population creates bodies that have public functions and are endowed with public authority. By extrapolating these conclusions to the system of public authority, its legally established goals, and its characteristics, it is concluded that in the current paradigm of separation of powers, the courts, by their legal nature, should not be based on the principle of coordinated functioning with the bodies that are part of the unified system of public authority, as the courts have a completely different social purpose.

Discussion and Conclusion. In order to formulate theoretical and legal conclusions about the modern constitutional connotation of the unity of public power and the place of courts in this system, the analysis of scientific research by legal theorists and constitutional scholars dealing with the problems of public power in historical retrospect has been carried out.

Keywords: constitutional amendments of 2020, public authority, unified system of public authority, state authorities, local governments, federal courts, justices of the peace

For citation: Lipchanskaya M. A. On the issue of the system of public authority and the place of courts in this system: doctrinal and applied aspects. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(2):19-32. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.19-32.

Введение

Известно, что Федеральным конституционным законом от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»¹ внесены поправки в Конституцию России, в том числе направленные на создание единого правового пространства публичной власти в целях ее эффективной реализации. В связи с этим к прерогативам Президента Российской Федерации, в частности, относятся обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, а также формирование Государственного Совета Российской Федерации как одного из органов, который создается для определения основных векторов развития внутренней и внешней политики Российской Федерации. При этом следует принимать во внимание, что согласно ст. 71 Конституции России в исключительном ведении самой Российской Федерации находятся организация публичной власти и установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядок их организации и деятельности².

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

² На уровне федерального законодательства термин «публичная власть» до конституционных поправок 2020 г. был применен лишь в одном нормативном правовом акте – Указе Президента Российской Федерации от 15 октября 1999 г. № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации». В нем было установлено: «В качестве публичной власти, наиболее приближенной к насе-

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу настоящего исследования составляют научные труды ученых в области теории государства и права, конституционного права и муниципального права. В работе использованы общенаучные методы (системного анализа, диалектический, формально-логический) и специальные методы исследования (системно-правовой, сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический).

Анализ и обсуждение

В силу ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»³ под единой системой публичной власти понимаются в своей совокупности органы государственной власти федерального и регионального уровней, иные государственные органы и органы местного самоуправления. Цель, ради которой перечисленные органы осуществляют свою деятельность, заключается, во-первых, в соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина, во-вторых, в создании условий, предназначенных для социального и экономического развития России и ее регионов. В качестве одного из принципов, на базе которых осуществляют свою деятельность органы, входящие в единую систему публичной власти, названо согласованное функционирование и основанное на Конституции России и в соответствии с законодательством взаимодействие по трем направлениям: организационно-правовое, функциональное и финансово-бюджетное.

Таким образом, для уяснения места и роли судов в системе публичной власти нужно учитывать, что в настоящее время конституционно-правовой инструментарий связан с такими основными категориями, как «публичная власть» (ст. 71), «система публичной власти» (ст. 80), «органы публичной власти» (ст. 83), которые являются близкими, но тождественными по своему смыслу и содержанию. К сожалению, законодатель не раскрывает суть перечисленных категорий, поэтому в науке конституционного права наблюдаются разные подходы к их сущностному толкованию.

Так, С. А. Авакьян по поводу публичной власти еще до внесения соответствующих конституционных изменений справедливо констатировал, что она всегда представляет собой власть народа [1]. В частности, в одной из работ он пишет, что публичная власть – понятие многогранное, особенно если ее связывать

нию, местное самоуправление обеспечивает защиту тех интересов граждан, которые основаны на совместном их проживании на определенной территории, на неизбежном взаимодействии жителей этой территории». Далее в этом же Указе отмечалось, что конституционные положения о самостоятельности местного самоуправления, обособленности его органов от системы органов государственной власти, признании и защиты муниципальной собственности «направлены на обеспечение политической и правовой стабильности положения местного самоуправления в системе публичной власти». См. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 1999 г. № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102062289> (дата обращения: 07.08.2025).

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

с гражданским обществом. Она не сводится лишь к государственной власти, охватывает прочие различные организационные способы управления [2, с. 20]. С. А. Авакьян приводит несколько точек зрения на то, как возможно понимать публичную власть, согласно одной из которых публичная власть – это самостоятельная организация общества [2, с. 21]. В целом соглашаясь с этим, Б. З. Кушкова тем не менее уточняет, что в такой интерпретации публичная власть не имеет реальных средств к осуществлению, поэтому, по ее мнению, данная власть должна описываться через такие социальные институты, как государственные и муниципальные органы, а также самоуправление населения [3, с. 6–7].

После принятия конституционных поправок в 2020 г. С. А. Авакьян конкретизировал трактовку понятия публичной власти, включив в нее следующие виды власти: государственная, общественная, а также власть, существующая на уровне местного самоуправления⁴. Можно обратить внимание на то, что общественная и муниципальная власть выделены в самостоятельные виды, из чего можно заключить, что они имеют разную правовую природу и полномочия.

Однако в настоящее время подобный подход не в полной мере удовлетворяет формальным конституционно-правовым установкам, поскольку он дислоцируется вне контекста согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти. Вследствие этого, как полагает Д. Э. Пилия, под публичной властью целесообразно понимать «социальную власть, имеющую институционально-правовую оформленность, поддерживаемую силой принуждения и осуществляемую в пределах определенной территории или социальной общности» [4, с. 12].

Объемное определение дает Н. В. Козлова: «Публичная власть – это волевой механизм воздействия многонационального народа Российской Федерации на субъектов конституционно-правовых отношений в интересах населения, реализуемый им непосредственно либо через систему органов публичной власти, включающую федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления» [5, с. 13].

В. Е. Чиркин, а позже и А. В. Колесников отмечают существенную характеристику именно публично-властных отношений, подчеркивая, что такие отношения возможны не в любой общественной сущности – власть всегда наличествует в коллективе, который можно назвать постоянным и в котором существуют правовые нормы, определяющие право одного субъекта властвовать относительно других субъектов (иными словами, в социуме) [6, с. 4–5; 7, с. 32].

В. Н. Корнев, исследуя правовую мысль либерального толка, отмечал, что с точки зрения либерализма анализ генезиса государства и осуществления им своих функций происходил в рамках корреляции с социумом, именно поэтому либеральные теоретики большое внимание уделяли учению о социуме как таковому [8, с. 11], что лишний раз свидетельствует в пользу тезиса о взаимовлиянии публичной власти, гражданского общества и его институтов.

Тем не менее очевидно, что приведенные суждения, в целом отражая существенные черты публичной власти и ее системы, не претендуют на исчерпы-

⁴ Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. Т. 1. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2024. С. 31–32.

вающую полноту и не охватывают все коннотационное богатство понятия «публичная власть». Безусловно, власть в соответствии с положениями Конституции России должна подразумевать наличие единой системы органов и выражаться через их согласованное функционирование и взаимодействие [9, с. 86–90]. Причем речь идет о следующих органах: федеральные и региональные органы государственной власти, иные государственные органы, а также органы местного самоуправления (т. е. институты гражданского общества, как не несущие властной публичной миссии и не имеющие соответствующих полномочий, здесь не фигурируют).

В этом контексте довольно интересна трансформация правового механизма институализации местного самоуправления в российском законодательстве. Так, в Федеральном законе от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁵ местное самоуправление определялось как деятельность населения, а не как форма власти. При этом термин «власть» с местным самоуправлением не объединялся, что давало основания считать местное самоуправление общественной организацией и/или институтом гражданского общества.

В 2003 году состоялась первая муниципальная реформа, был принят одноименный федеральный закон, в котором местное самоуправление провозглашалось формой осуществления народом своей власти, что означало самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций в установленных на конституционном и законодательном уровнях пределах⁶. Тем самым на законодательном уровне местное самоуправление было признано специфической, максимально приближенной к населению и транспарентной формой власти.

В ходе второй муниципальной реформы, идеологическим фундаментом которой послужили конституционные положения 2020 г. о публичной власти и ее системе, правовая сущность местного самоуправления трансформировалась [10, с. 18–22]. Согласно Федеральному закону от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» местное самоуправление – признаваемая и гарантируемая Конституцией России *форма самоорганизации граждан в целях осуществления народом своей власти* для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) в пределах установленных в Конституции и законах полномочий⁷. Иными словами, народ как единственный источник власти может ее осуществлять не только непосредственно через институты прямой демократии, не только через органы государственной власти и органы местного самоуправления, но и посредством самоорганизации.

⁵ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (частично утратил силу). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102083574&rdk=168> (дата обращения: 07.08.2025).

⁷ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

В правовом пространстве Российской Федерации существует как минимум еще одна форма самоорганизации граждан, приравненная к публичной службе. В статье 2 Федерального закона от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» отмечается: «Казачье общество – форма самоорганизации граждан Российской Федерации, объединившихся на основе общности интересов... члены которого в установленном порядке принимают на себя обязательства по несению государственной или иной службы»⁸.

Системная совокупность конституционных и законодательных норм демонстрирует некоторую правовую эклектику: с одной позиции четко формулируется понятие единства системы публичной власти, в которую не входят институты гражданского общества и институты самоорганизации граждан; с иной, исходя из того, что местное самоуправление основано на принципе самоорганизации (в том числе благодаря самоорганизации граждан), осуществление публичной власти все же имеет место.

В перспективе, думается, это может вызвать определенный диссонанс в сфере правового регулирования, поскольку в отечественном законодательстве есть множество примеров, когда деятельность институтов гражданского общества носит явный публично-правовой характер. Особенно это касается политических партий, официально признанных религиозных организаций (объединений), адвокатуры и нотариата. Поэтому и в новом проекте федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации», который подготовлен Минюстом России в 2025 г., прямо подчеркивается, что нотариат есть не только институт гражданского общества, но и «публично-правовой институт»⁹ (ст. 3).

Названный проект воспроизвел то, что выдвигали в качестве основной идеи представители нотариального сообщества. В частности, Президент Федеральной нотариальной палаты Российской Федерации К. А. Корсик заявил: «Нотариат как публично-правовой институт сочетает в себе начало и публичного, и частного. Нотариусы совершают действия от имени Российской Федерации, а организуют свою деятельность на небюджетной основе»¹⁰. Изложенное позволяет обсудить вопрос о месте и значении судов в системе публичной власти, не забывая о том факте, что в п. «г» ст. 71 Конституции четко закреплено, что в ведении Российской Федерации находятся «организация публичной власти; установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти». Проще говоря, эти действия можно квалифицировать как диверсифицированные, коль скоро публичная власть шире по своему имманентному наполнению и интегрирует в себя все органы государственной власти и местного самоуправления (ч. 3 ст. 132), но при этом сами органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти (ст. 12) и не охватываются ею [11].

⁸ URL: <https://base.garant.ru/188922/?ysclid=me2ldbzh2m234973983> (дата обращения 07.08.2025).

⁹ Проект федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации». URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=154552> (дата обращения: 07.08.2025).

¹⁰ Корсик К. А. Баланс интересов в праве и роль нотариата в его сохранении. URL: <https://notariat12.ru/news/view/798> (дата обращения: 07.08.2025).

Результаты исследования

Сделанный вывод, как это ни парадоксально, одинаково важен и для судебной системы: получается, что, отталкиваясь от имеющихся правовых директив, суды должны синхронно относиться к органам публичной и государственной власти, а также работать в рамках согласованного функционирования и взаимодействия с остальными государственными и муниципальными органами. И это несмотря на то, что первостепенная задача у них несколько иная – защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, среди прочего по причине незаконного и необоснованного осуществления государственных или иных публичных полномочий (ст. 1 КАС РФ).

Во многом это детерминировано формулировками ст. 10 Конституции России и ч. 2 ст. 1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (далее – Закон о судебной системе), на основании которых судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей¹¹. На этом ключевом моменте сконцентрировал внимание Конституционный Суд Российской Федерации в заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3 (далее – Заключение): разграничение законодательных, исполнительных и судебных полномочий (а равно между органами государственной власти) необходимо для результативности механизма взаимных сдержек и противовесов¹². Быть может, именно поэтому Конституционный Суд в этом же Заключении, разъясняя суть функционала единства публичной власти, не делал акцент на органах судебной власти: «В своем функциональном предназначении единство публичной власти выражается и в том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления (ст. 2 и 18 Конституции России), что во всяком случае предполагает согласованное действие различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан». Это целиком и полностью оправданно, ведь ст. 18 Конституции Российской Федерации однозначно предписывает органам законодательной и исполнительной власти руководствоваться в своей деятельности правами и свободами человека и гражданина, а органам правосудия – обеспечивать их, что не одно и то же.

Далее, если в соответствии с п. «г» ст. 71 Конституции к исключительной компетенции Российской Федерации относится весь спектр проактивных

¹¹ Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судебной системе Российской Федерации». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision459904.pdf> (дата обращения: 07.08.2025).

действий – организация публичной власти; установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти; регламентирование порядка их организации и деятельности, то вполне ожидаемо, что все, что касается в этой части судов, не должно подпадать под совместное ведение Российской Федерации и ее субъектов.

Между тем, если проанализировать положения Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹³ (далее – Закон об общих принципах организации публичной власти), это не совсем так ввиду того, что, с одной стороны, ч. 8 ст. 4 указанного Закона в число органов государственной власти субъекта Российской Федерации в единой системе публичной власти включает мировых судей, а с другой стороны, п. 72 ст. 44 констатирует, что в полномочия данных органов входят создание и упразднение судебных участков и должностей мировых судей, установление порядка назначения (избрания) мировых судей, определение организационного обеспечения их деятельности.

Конечно, можно выдвинуть встречные контраргументы со ссылками на то, что согласно ст. 1 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» мировые судьи – это судьи общей юрисдикции субъектов Российской Федерации. Это действительно так, что само по себе не нивелирует то немаловажное обстоятельство, что такие судьи в принципе не должны одновременно являться органами государственной власти субъекта Российской Федерации, поскольку включены в замкнутую и иерархичную судебную систему, устанавливаемую Конституцией России и федеральными конституционными законами [12].

Как следствие, детектируется явная технико-юридическая и содержательная дихотомия, связанная с корректностью размещения ч. 8, посвященной мировым судьям субъекта Российской Федерации, в структуре ст. 4 Закона об общих принципах организации публичной власти, которая поименована «Органы государственной власти субъекта Российской Федерации в единой системе публичной власти в Российской Федерации» [13]. При том, что мировые судьи в ч. 2 ст. 4 данного нормативного правового акта среди органов государственной власти субъекта Российской Федерации не значатся, что, на наш взгляд, верно и корреспондирует положениям Закона о судебной системе.

На самом деле выявленная правовая дихотомия не нова, она довольно глубоко и детально изучена в теории и практике отечественной мировой юстиции [14; 15; 16]. В общем виде она сводится к тому, о чем писал В. М. Жуйков еще в 2002 г., когда отмечал, что действующее правовое регламентирование в сфере учреждения института мировых судей в качестве судей субъектов Российской Федерации объективно провоцирует комплексные проблемы с их правовым статусом, а также определением процессуальной компетенции [17].

Представляется, что ч. 8 ст. 4 Закона об общих принципах организации публичной власти не только не устранила такую дихотомию, но и усугубила ее. Хотя, как совершенно справедливо подчеркнул Верховный Суд Российской Федерации в одном из своих определений, ст. 3 Закона о судебной системе фиксирует целостность судебной системы путем законодательного за-

¹³ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

крепления единства статуса судей. Этот конституционный принцип реализован также в ст. 2 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», в силу которой все судьи в Российской Федерации обладают единым правовым статусом. Следовательно, юридическая природа мировых судей, относящихся к числу судов субъектов Российской Федерации, определяется положениями указанных выше законодательных актов, и ничем иным¹⁴.

Заключение

Подводя итог рассуждениям, можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, в аспекте проведенной конституционной реформы осталась не до конца разрешенной проблема соотношения таких базовых понятий, как «публичная власть», «система публичной власти», «органы публичной власти», а также не дано их исчерпывающего формального понимания, что не самым положительным образом сказывается на законодательном правовом регулировании и правоприменительной практике.

Во-вторых, в связи с отсутствием единого перечня признаков и характеристик публичной власти и ее структурных элементов в позитивно-правовой конституционализации публичной власти, учитывая действующее правовое регулирование института местного самоуправления, можно выявить определенную правовую дихотомию: местное самоуправление является формой и обладает признаками самоорганизации граждан, при которой население создает органы, имеющие публичные функции¹⁵ и наделенные публично-властными полномочиями.

В-третьих, законодательная формулировка, интерпретирующая единство системы публичной власти как совокупную триаду вертикального разделения властей (федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления), в основе деятельности которой лежит принцип согласованного функционирования, не только не конкретизирует место судов в данной системе, но и в известной степени провоцирует правовую неопределенность. Представ-

¹⁴ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2005 г. № 78-Г05-24 «Об оставлении без изменения решения Санкт-Петербургского городского суда от 11 февраля 2005 г. № 3-1/05, которым был признан частично недействующим пункт 3 статьи 8 Закона Санкт-Петербурга от 18 октября 2000 г. № 552-64 «О мировых судьях Санкт-Петербурга»». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Понятие «публичные функции», как и понятие «публичная власть» и производные от него понятия «органы публичной власти» и «единая система публичной власти», является конституционной новеллой 2020 г. Этот термин был внесен в ст. 133 Конституции Российской Федерации, которая устанавливает гарантирование прав местного самоуправления, среди которых – право «на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате выполнения органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций». В настоящее время законодательство федерального уровня не раскрывает понятие единых публичных функций публичной власти. А. Н. Писарев обосновывает наиболее важный признак, по которому можно определить публичную функцию: это социальная польза этой функции [18, с. 67].

ляется, что конституционное содержание принципа разделения властей, системы сдержек и противовесов тем не менее не подразумевает деятельности судов на основе принципа согласованного функционирования с органами, входящими в единую систему публичной власти для наиболее эффективно-го решения задач в интересах населения; у них совершенно иное социальное предназначение, в том числе законным и обоснованным образом разрешать правовые конфликты с участием указанных органов и населения.

Список источников

1. Авакьян С. А. Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 5–11.
2. Авакьян С. А. Публичная власть и представительство: организационные, социальные и персоналистские начала (конституционно-правовой взгляд) // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 11. С. 20–30.
3. Кушхова Б. З. Юридическая ответственность публичной власти в современной России: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 27 с.
4. Пилия Д. Э. Основные подходы к определению понятия «публичная власть» в публично-правовых (государственно-правовых) науках // Lex russica. 2023. Т. 76, № 5. С. 9–23. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.198.5.009-023.
5. Козлова Н. В. Единая система публичной власти как конституционный механизм эффективного решения задач в интересах населения муниципального образования : дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2023. 263 с.
6. Чиркин В. Е. Публичная власть в современном обществе // Журнал российского права. 2009. № 7 (151). С. 3–13.
7. Колесников А. В. Органы местного самоуправления в единой системе публичной власти: организационно-правовые аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. 589 с.
8. Корнев В. Н. Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX века : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 437 с.
9. Артемова Д. И., Романовская О. В. К вопросу о единстве публичной власти // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 4 (40). С. 86–91.
10. Липчанская М. А. Институт местного самоуправления в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации: правовые аспекты : моногр. / под общ. ред. М. А. Липчанской, С. Е. Чаннова. М. : Проспект, 2024. 160 с.
11. Алехин А. Е., Ромайкин И. А. О системе органов местного самоуправления как неотъемлемой части единой системы публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 1. С. 36–39. DOI: 10.18572/1813-1247-2024-1-36-39.

12. Клеандров М. И. О проблемных нововведениях 2020 года в Конституцию РФ в сфере механизма правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 7–11.
13. Михеева Т. Н. Законодательное обеспечение конституционных положений о публичной власти в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 11. С. 37–42. DOI: 10.18572/1813-1247-2022-11-37-42.
14. Апостолова Н. Н. Судопроизводство у мирового судьи // Юрист. 2010. № 2. С. 13–14.
15. Владыкина Т. А. Компетенция мирового судьи: конституционно-правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 12. С. 66–70.
16. Савченко Н. А. Мировой судья в системе органов государственной власти Российской Федерации // Мировой судья. 2014. № 8. С. 8–12.
17. Жуйков В. М. О роли мировой юстиции в Российской Федерации: настольная книга мирового судьи, рассматривающего гражданские дела. М., 2002. 389 с.
18. Писарев А. Н. Правовые основы обеспечения единства публичной власти в субъектах Российской Федерации в свете поправок 2020 года к Конституции Российской Федерации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. 2023. № 4. С. 63–79. DOI: 10.312249/iajpravo/2023.04.05.

References

1. Avakyan S. A. Constitutional theory and practice of public authority: regularities and deviations. *Konstitutsionnoe i municipal'noe parvo = Constitutional and Municipal Law*. 2015;(10):5-11. (In Russ.)
2. Avakyan S. A. Public power and representation: organizational, social, and personalistic principles (constitutional and legal aspects). *Konstitutsionnoe i municipal'noe parvo = Constitutional and Municipal Law*. 2014;(11):20-30. (In Russ.)
3. Kushkhova B. Z. *Legal responsibility of public authorities in modern Russia: a general theoretical aspect*. Abstract of the Cand. Sci. (Law) Dissertation. Krasnodar; 2009. 27 p. (In Russ.)
4. Pilia D. E. Main approaches to “public power” definition in public law (state law) doctrines. *Lex Russica*. 2023;76(5):9-23. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2023.198.5.009-023.
5. Kozlova N. V. *The unified system of public authority as a constitutional mechanism for effectively solving problems in the interests of the population of municipal education*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Novosibirsk; 2023. 263 p. (In Russ.)
6. Chirkin V. E. Public authority in the Modern Society. *Journal of Russian Law*. 2009;(7):3-13. (In Russ.)
7. Kolesnikov A. V. *Local self-government bodies in the unified system of public power: organizational and legal aspects*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Saratov; 2022. 589 p. (In Russ.)

8. Kornev V. N. *Problems of the theory of the state in the liberal legal thought of Russia in the second half of the 19th and early 20th centuries*. Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2006. 437 p. (In Russ.)
9. Artemova D. I., Romanovskaya O. V. To the question of the unity of public authority. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. 2023;(4):86-91. (In Russ.)
10. Lipchanskaya M. A. *The institute of local self-government in the Russian Federation in the context of digital transformation: legal aspects*. Monograph. Eds. M. A. Lipchanskaya, S. E. Channov. Moscow: Prospekt; 2024. 160 p. (In Russ.)
11. Alekhin A. E., Romaykin I. A. On the system of local self-government authorities as an integral part of the unified public government system. *State power and local self-government*. 2024;(1):36-39. (In Russ.) DOI: 10.18572/1813-1247-2024-1-36-39.
12. Kleandrov M. I. On challenging justice mechanism novelties of 2020 to the Constitution of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i municipal'noe parvo = Constitutional and Municipal Law*. 2021;(1):7-11. (In Russ.)
13. Mikheeva T. N. Legal support of constitutional provisions on public government in Russia. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*. 2022;(11):37-42. (In Russ.) DOI: 10.18572/1813-1247-2022-11-37-42.
14. Apostolova N. N. Proceedings before a magistrate judge. *Yurist = Lawyer*. 2010;(2):13-14. (In Russ.)
15. Vladykina T. A. Competence of judge of the peace: constitutional-law aspects. *Konstitutsionnoe i municipal'noe parvo = Constitutional and Municipal Law*. 2012;(12):66-70. (In Russ.)
16. Savchenko N. A. Justice of the peace in the system of agencies of state power in the Russian Federation. *Mirovoj sud'ya = Magistrate*. 2014;(8):8-12. (In Russ.)
17. Zhuykov V. M. *On the role of the world justice system in the Russian Federation: a handbook for judges of the world court in civil cases*. Moscow; 2002. 389 p. (In Russ.)
18. Pisarev A. N. Legal basis for ensuring the unity of public authority in the constituent entities of the Russian Federation in light of the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4: Gosudarstvo i pravo = Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*. 2023;(4):63-79. (In Russ.) DOI: 10.312249/iajpravo/2023.04.05.

Информация об авторе / Information about the author

Липчанская Мария Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Maria A. Lipchanskaya, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor at the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025; одобрена после рецензирования 23.09.2025; принята к публикации 28.04.2026.

The article was submitted 01.09.2025; approved after reviewing 23.09.2025; accepted for publication 28.04.2026.

Научная статья

УДК 347.73

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.33-47

Финансово-правовой статус публичной администрации: понятие, особенности

**Арина Сергеевна Чуева¹,
Светлана Владимировна Соловьева²**

^{1, 2} Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Краснодар, Российская Федерация

¹ arina.chuieva.81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1664-265X>

*² solovjova-svetlana@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4990-7626>*

Аннотация

Введение. Целью настоящей статьи выступает комплексный анализ финансово-правового статуса публичной администрации, определяющего ее положение в системе субъектов финансовых правоотношений. Для достижения поставленной цели в качестве задач представляется необходимым, во-первых, сформулировать дефиницию публичной администрации в сфере финансов; во-вторых, выработать понятие финансово-правового статуса публичной администрации, а также установить его особенности (признаки).

Методы. Методологическую основу исследования составил диалектический подход, позволивший рассмотреть изучаемые правовые категории в их развитии и взаимосвязи. В ходе работы применялись как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход), так и частнонаучные (специальные) методы познания. В частности, формально-юридический метод использовался для анализа и толкования норм действующего финансового и административного законодательства. Сравнительно-правовой метод был применен для сопоставления финансово-правового и административно-правового статусов публичной администрации, а также для разграничения общего и специального статусов. Применение структурно-функционального метода позволило выявить и охарактеризовать элементы (финансовая правосубъектность, компетенция, ответственность) и особенности исследуемого статуса.

Результаты исследования. Сформулировано авторское видение некоторых проблемных аспектов теоретического и прикладного характера. В частности, представлена дефиниция публичной администрации в сфере финансов; определены понятия общего и специального финансово-правового статуса публичной администрации; обоснована целесообразность доработки финансового законодательства в части четкого закрепления финансово-правового статуса публичной администрации; сделаны выводы о необходимости продолжения научных исследований в данном направлении.

Обсуждение и заключение. В ходе обсуждения подчеркивается научная значимость предложенной концепции деления финансово-правового статуса на общий

и специальный. Данный подход позволяет систематизировать и упорядочить представления о многогранной роли публичной администрации в финансовой сфере, преодолевая фрагментарность доктринальных подходов. Анализ структуры статуса и его разграничение со смежным административно-правовым статусом вносят вклад в развитие теории финансового и административного права.

Основной вывод заключается в том, что отсутствие четкого законодательного закрепления финансово-правового статуса публичной администрации является существенным пробелом, негативно влияющим на эффективность управления публичными финансами и состояние финансовой дисциплины. Обоснована практическая необходимость нормативной фиксации ключевых элементов статуса, что будет способствовать повышению прозрачности финансовой деятельности, укреплению механизмов контроля и защите прав участников правоотношений. Полученные результаты создают теоретическую базу для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: публичная администрация, финансово-правовой статус, финансовая деятельность, финансовые правоотношения, полномочия, компетенция, предметы ведения, государственные и муниципальные финансы, финансовый контроль

Для цитирования: Чуева А. С., Соловьева С. В. Финансово-правовой статус публичной администрации: понятие, особенности // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 2. С. 33–47. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.33-47.

Original article

Financial and Legal Status of Public Administration: Concept, Features

Arina S. Chueva¹, Svetlana V. Solovjova²

^{1, 2} North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Krasnodar, Russian Federation

¹ arina.chueva.81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1664-265X>

² solovjova-svetlana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4990-7626>

Abstract

Introduction. The purpose of this article is a comprehensive analysis of the financial and legal status of the public administration, which determines its position in the system of subjects of financial legal relations. To achieve this goal, it seems necessary, firstly, to formulate a definition of public administration in the field of finance; secondly, to develop the concept of the financial and legal status of public administration, as well as its features (signs).

Methods. The methodological basis of the study was a dialectical approach, which allowed us to consider the legal categories under study in their development and interrelationships. In the course of the work, both general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, systematic approach) and private scientific (special) methods of cognition were used. In particular, the formal legal method was used to analyze and interpret the norms of current financial and administrative legislation. The comparative legal method was applied to compare the financial and legal and ad-

ministrative legal statuses of public administration, as well as to distinguish between general and special statuses. The use of the structural and functional method made it possible to identify and characterize the elements (financial legal personality, competence, responsibility) and features of the status under study.

Results. The author's vision of some problematic aspects of a theoretical and applied nature is formulated. In particular, the definition of public administration in the field of finance is presented; the concept of general and special financial and legal status of public administration is defined; the expediency of finalizing financial legislation in terms of clearly fixing the financial and legal status of public administration is substantiated; conclusions are drawn about the need to continue scientific research in this direction.

Discussion and Conclusion. During the discussion, the scientific significance of the proposed concept of dividing financial and legal status into general and special is emphasized. This approach makes it possible to systematize and streamline ideas about the multifaceted role of public administration in the financial sector, overcoming the fragmentation of doctrinal approaches. The analysis of the status structure and its differentiation from the related administrative and legal status contributes to the development of the theory of financial and administrative law.

The main conclusion is that the lack of a clear legislative consolidation of the financial and legal status of the public administration is a significant gap that negatively affects the effectiveness of public finance management and the state of financial discipline. The practical necessity of regulatory fixation of key elements of the status is substantiated, which will contribute to increasing transparency of financial activities, strengthening control mechanisms and protecting the rights of participants in legal relations. The results obtained create a theoretical basis for further research in this field.

Keywords: public administration, financial and legal status, financial activity, financial legal relations, powers, competence, subjects of competence, state and municipal finance, financial control

For citation: Chueva A. S., Solovjova S. V. Financial and legal status of public administration: concept, features. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(2):33-47. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.33-47.

Введение

Предметом научного интереса в настоящей статье выступают финансово-правовой статус такой комплексной правовой категории, как публичная администрация, его понятие и специфика. Актуальность подобного рода исследования неоспорима и обусловлена главным образом тем, что публичная администрация, осуществляющая управление государственными, муниципальными финансами (далее – публичная администрация в сфере финансов), является одним из уникальных субъектов финансовых правоотношений, без которого продуктивная реализация публичных задач и функций маловероятна.

Безусловно, отвечающая современным реалиям организация финансовой системы [1; 2] и эффективное осуществление публичной финансовой деятельности любого развитого государства коррелируют с четким определением правового положения участников финансово-правовых отношений. И публичная администрация в этом плане не исключение. В то же время, несмотря на авторитетную роль в области публичных финансов, ее финансово-правовой статус по сей день не получил должного уровня теоретического познания и законодательного закрепления.

Отсутствие единого подхода к определению понятия, содержания и основных элементов исследуемого нами статуса публичной администрации, как

следствие, влечет за собой определенные сложности в правоприменительной практике, ослабляет действенность финансового контроля и по большому счету негативно сказывается на состоянии финансовой дисциплины в целом.

Таким образом, в настоящее время имеет место ряд факторов, обуславливающих целесообразность модернизации финансового законодательства в упомянутом направлении, что позволит обеспечить эффективность финансовой системы и финансового суверенитета государства, а также защиты прав и законных интересов широкого круга субъектов финансовых правоотношений.

Прежде чем перейти к определению финансово-правового статуса публичной администрации, необходимо выяснить, что понимается под термином «публичная администрация». Изучение ряда научных и учебных работ по этому вопросу [3; 4; 5; 6] приводит к выводу о том, что единого и универсального подхода к пониманию данной правовой категории в настоящее время не существует. Отсутствует дефиниция публичной администрации и на законодательном уровне.

В то же время для нас неподдельный интерес представляет позиция тех отечественных ученых-административистов, которые, исследуя понятие, содержание, выполняемые функции публичной администрации и т. д., пришли к заключению о том, что публичная администрация является системой либо составной частью единой системы единой публичной власти, которая консолидирует:

- во-первых, органы исполнительной власти (их представителей), реализующих административно-публичные и административно-организационные функции;
- во-вторых, органы власти на местах (их представителей), выполняющих административно-публичные и административно-организационные функции;
- в-третьих, организации и физических лиц, которые в силу федерального закона наделяются статусом государственного (иного) органа в целях претворения в жизнь административно-публичных и административно-организационных функций [7; 8].

Не менее популярной в теории современного административного права является концепция, согласно которой публичная администрация представляет собой систему «государственных и муниципальных органов, иных органов, учреждений и организаций, которые во исполнение закона в установленном им порядке осуществляют в публичных интересах управленческие функции посредством принятия правовых актов управления, направленных на реализацию возложенных на этих субъектов властных полномочий и обязанностей по предоставлению публичных услуг» [9, с. 649–650].

Методы

Методологической основой настоящего исследования является диалектический подход, позволивший рассмотреть изучаемые правовые категории в их развитии и взаимосвязи. В ходе работы применялся комплекс общенаучных методов познания (анализ, синтез, системный подход), однако центральное место заняли специальные юридические методы.

Так, с помощью формально-юридического метода осуществлены анализ и толкование норм действующего финансового и административного законодательства. Применение сравнительно-правового метода было необходимо

для сопоставления финансово-правового и административно-правового статусов, а также для обоснования разграничения общего и специального статусов. В свою очередь, структурно-функциональный метод позволил выявить и охарактеризовать ключевые элементы (финансовая правосубъектность, компетенция, ответственность) и специфические особенности исследуемого статуса. В совокупности примененные методы обеспечили всесторонний анализ предмета исследования.

Результаты исследования

Для целей настоящей статьи под *публичной администрацией в сфере финансов* будет пониматься *реализующая административно-публичные функции в финансовой сфере совокупность органов исполнительной власти Российской Федерации, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, исполнительно-распорядительных органов муниципальных образований (иных органов местного самоуправления), а также организаций, наделенных законодательством Российской Федерации статусом государственного (муниципального) либо иного органа.*

На основании предложенного определения можно выделить следующие основные функции публичной администрации в области финансов:

- управление публичными фондами денежных средств;
- осуществление финансового контроля за динамикой финансовых потоков государства (муниципальных образований);
- разработка наиболее эффективных концепций бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, анализ рентабельности различного рода государственных (муниципальных) программ, осуществление бюджетного планирования путем составления бюджетного прогноза на среднесрочный и долгосрочный периоды;
- администрирование налоговой системы, организация и реализация налогового контроля, предупреждение и предотвращение нарушения законодательства в налоговой сфере;
- обеспечение действенного и прозрачного расходования бюджетных средств при закупке товаров, работ и услуг для нужд государства (муниципальных образований);
- подготовка и предоставление ежегодной финансовой отчетности, включающей в себя сводку о финансово-экономическом состоянии государства, исполнении бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, результативности реализации государственных (муниципальных) программ;
- управление государственным долгом;
- управление публичными расходами, направленными на финансовое обеспечение программ социальной поддержки и защиты населения страны.

Поскольку *финансовая деятельность публичной администрации* является определяющей сферой ее функционирования, то в соответствии с обозначенными функциями она представляет собой *систему последовательных мероприятий по образованию, распределению и использованию финансовых ресурсов (государства, муниципальных образований), а также по реализации контроля за их динамикой.* Эта деятельность материализуется в масштабах финансово-правовых отношений и регулируется финансово-правовыми нормами.

Финансово-правовой статус публичной администрации представляется целесообразным подразделять на общий и специальный.

Так, под *общим финансово-правовым статусом публичной администрации* предлагаем понимать такую комплексную правовую категорию, регулируемую нормами финансового права, которая представляет собой совокупность полномочий, гарантий их реализации и ответственность органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц, иных организаций, наделенных публично-властными полномочиями в области финансов.

Общий финансово-правовой статус публичной администрации – это системная, нормативно определенная характеристика положения органов публичной власти и управления (а также иных субъектов, осуществляющих публичные функции в финансовой сфере) в системе финансовых правоотношений, определяющая их общие полномочия и ответственность в сфере формирования, распределения и использования публичных финансовых ресурсов, осуществления финансового контроля, вне зависимости от отраслевой или функциональной принадлежности.

Отсюда следует, что признаками, характеризующими *общий финансово-правовой статус публичной администрации*, выступают:

- *системность*, т. е. статус представляет собой скоррелированную систему элементов, а не разрозненный набор прав и обязанностей;
- *нормативная определенность*, т. е. закрепление статуса в финансово-правовых нормах (Бюджетном кодексе Российской Федерации, Налоговом кодексе Российской Федерации, Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Федеральном законе «О Счетной палате Российской Федерации» и т. д.);
- *субъекты*, наделенные публичными полномочиями в финансовой сфере;
- *публичные финансовые ресурсы*, т. е. средства бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации, средства государственных (муниципальных) организаций;
- *финансовый контроль* (действенный финансовый контроль способствует успешной реализации финансовой политики, обеспечению законности, охране собственности и эффективному правильному и экономному использованию финансовых ресурсов государства [10, с. 172]);
- *универсальность (общность)*, означающая, что статус присущ всем субъектам публичной администрации независимо от их специфических функций и закрепляет базовые рамки их финансовой деятельности.

Специальный финансово-правовой статус публичной администрации представляет собой совокупность дополнительных, нормативно определенных полномочий, компетенций и особенностей ответственности субъектов публичной администрации, обусловленных их специальными функциями, задачами, а также предметами ведения в определенной сфере финансовой деятельности и (или) в отношении определенных видов публичных финансовых ресурсов.

Из содержания данной дефиниции следует, что к признакам, определяющим *специальный финансово-правовой статус публичной администрации*, относятся:

- *дополнительность*, которая означает, что специальный статус лишь дополняет общий, но не заменяет его; он конкретизирует и детализирует общие

положения применительно к конкретному субъекту и (или) сфере деятельности;

– *нормативная определенность*, указывающая на то, что специальный статус аналогично общему закрепляется в нормах права, но, как правило, в специальных актах (например, в постановлении Правительства Российской Федерации «О Министерстве финансов Российской Федерации», постановлении Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе», постановлении Правительства Российской Федерации «О Федеральной службе по контролю за алкогольным и табачным рынками» и т. д.);

– *специальные функции и задачи*, так как статус обусловлен спецификой деятельности субъекта (Минфин России, Банк России, Счетная палата России, налоговые органы, таможенные органы, органы управления государственными внебюджетными фондами и т. д. будут обладать различными специальными финансово-правовыми статусами по отношению друг к другу);

– *определенная сфера финансовой деятельности* (специальный статус может быть связан с бюджетным процессом, налогообложением, таможенным регулированием, денежно-кредитной политикой, управлением государственным долгом, финансовым контролем в определенной сфере и т. д.);

– *определенные виды финансовых ресурсов* (например, статус может быть связан с управлением средствами конкретного бюджета – федерального, регионального, местного, средствами государственного внебюджетного фонда, средствами целевого бюджетного фонда и т. д.);

– *особенности ответственности*, что означает, что специальный статус может предусматривать особые виды финансово-правовой ответственности, применимые к субъекту публичной администрации (например, бюджетная ответственность, налоговая ответственность и т. д.).

Таким образом, можно заключить, что общий финансово-правовой статус определяет общие, характерные черты финансово-правовой публичной администрации, а специальный обусловлен конкретной финансовой сферой и реализуемыми полномочиями субъектов публичной финансовой деятельности. Оба статуса взаимосвязаны и образуют единую систему финансово-правового регулирования деятельности публичной администрации.

В целом финансово-правовой статус является производным от общего административно-правового статуса субъекта публичной администрации, но обладает собственной спецификой, обусловленной предметом финансово-правового регулирования – общественными отношениями в сфере публичных финансов.

Рассматривая вопрос о разграничении финансово-правового и административно-правового статусов публичной администрации, можно представить следующие выводы, основанные на теоретическом анализе и осмыслении правовой действительности.

Во-первых, заключение о первичности и конститутивности административно-правового статуса.

Действительно, административно-правовой статус является первичным и основополагающим (конститутивным) для любого органа публичной администрации. Именно он определяет само существование органа, его место в системе государственного управления, его цели, задачи, компетенцию (сово-

купность властных полномочий), организационную структуру и порядок взаимодействия с иными субъектами права. Без административно-правового статуса орган как субъект публичного управления не существует.

Во-вторых, вывод об инструментальной и обеспечительной природе финансово-правового статуса.

Так, финансово-правовой статус носит вторичный, производный и инструментальный характер по отношению к административно-правовому. Он определяет финансовую основу деятельности публичной администрации, т. е. ее права и обязанности как участника публичных финансовых отношений (бюджетных, налоговых, валютных и т. д.). Этот статус обеспечивает материальную возможность реализации тех целей, задач и полномочий, которые заложены в административно-правовом статусе. Финансово-правовой статус – это правовой режим ресурсов, необходимых для функционирования власти.

В-третьих, умозаключение о различиях в объекте и методе правового регулирования.

Как правило, административно-правовой статус регулирует управленческие отношения, возникающие в процессе реализации исполнительной власти, осуществления государственного контроля и надзора, а также предоставления публичных услуг посредством преимущественно императивного, основанного на властеотношениях метода. В свою очередь, финансово-правовой статус регулирует отношения по поводу формирования, распределения и использования публичных денежных фондов. Хотя здесь также присутствует императивный метод, существенную роль играют специфические финансово-правовые методы (бюджетное планирование, финансовый контроль, установление лимитов и нормативов), а сами отношения приобретают выраженный имущественный характер, связанный с движением денежных средств.

В-четвертых, вывод о диверсификации правосубъектности.

Так, публичная администрация обладает единой правосубъектностью, но ее проявления в рамках административно-правового и финансово-правового статусов диверсифицированы (различны). В частности, в административных правоотношениях она выступает прежде всего как носитель властных полномочий. В финансовых правоотношениях роль публичной администрации многообразнее: она может быть главным распорядителем (распорядителем, получателем) бюджетных средств, администратором доходов бюджета, субъектом государственного (муниципального) финансового контроля, участником налоговых правоотношений и т. д. Каждая из этих финансовых «ипостасей» имеет свою специфику прав, обязанностей и ответственности, отличную от ее общих административных полномочий.

В-пятых, заключение о несовпадении направлений и оснований юридической ответственности.

Действительно, различие статусов порождает и разные векторы юридической ответственности. Нарушения в рамках административно-правового статуса влекут преимущественно административную и дисциплинарную ответственность (за незаконные управленческие решения, превышение полномочий, нарушение процедур и т. д.). Нарушения же в сфере финансово-правового статуса влекут специфическую финансово-правовую ответственность (бюджетную, налоговую), а также могут служить основанием для административной и даже уголовной ответственности по специальным составам.

Основания, субъекты и меры ответственности в этих двух сферах существенно различаются, хотя могут и пересекаться.

Таким образом, административно-правовой и финансово-правовой статусы публичной администрации не тождественны и не поглощают друг друга. Административно-правовой статус определяет сущность и полномочия органа власти, тогда как финансово-правовой статус определяет ресурсное обеспечение и финансовые рамки его деятельности. Он устанавливает правовой режим публичных денежных средств, которыми оперирует администрация, порядок их получения, распределения, использования и контроля за расходованием. Этот статус, следовательно, конкретизирует условия и пределы реализации административной компетенции в финансовой сфере.

Структурно финансово-правовой статус публичной администрации включает следующие основные элементы:

- финансовую правосубъектность;
- финансовую компетенцию;
- финансовые права и обязанности;
- гарантии финансово-правового статуса;
- финансово-правовую ответственность.

Так, финансовая правосубъектность представляет собой признанную государством способность субъекта публичной администрации быть носителем финансовых прав и обязанностей, участвовать в финансовых правоотношениях. Она включает финансовую правоспособность (способность иметь финансовые права и нести обязанности) и финансовую дееспособность (способность своими действиями приобретать и осуществлять финансовые права, создавать для себя финансовые обязанности и исполнять их).

Финансовая компетенция – это ядро финансово-правового статуса, определяющее пределы и содержание финансовой деятельности (например, полномочия по составлению проекта бюджета, исполнению бюджета, взиманию налогов, осуществлению финансового контроля и т. д.).

Под финансовой компетенцией публичной администрации целесообразно понимать совокупность юридически установленных полномочий (прав и обязанностей) по решению вопросов в сфере публичных финансов, отнесенных к ведению того или иного субъекта публичной администрации.

Финансовые права и обязанности как один из основных элементов финансово-правового статуса публичной администрации представляют собой конкретные права (например, право на получение бюджетных ассигнований, право требовать уплаты налогов) и обязанности (например, обязанность целевого использования бюджетных средств, обязанность представления финансовой отчетности), вытекающие из финансовой компетенции и общих принципов финансового права.

Гарантии финансово-правового статуса представляют собой правовые средства, обеспечивающие реальное осуществление субъектами публичной администрации их финансовых прав и исполнение обязанностей (например, судебная защита, механизм межбюджетных трансфертов, обеспечивающий финансовую самостоятельность нижестоящих уровней).

Наконец, под финансово-правовой ответственностью следует понимать установленную финансово-правовыми нормами обязанность субъекта публичной администрации претерпевать меры государственного принуждения

(налоговые санкции, меры бюджетного принуждения и т. д.) за совершение финансового правонарушения.

Продолжая наше исследование, отметим, что *финансово-правовой статус публичной администрации* обладает рядом существенных особенностей, отличающих его от финансово-правового статуса иных участников финансовых правоотношений.

Во-первых, его *публично-целевой характер*.

Действительно, вся финансовая деятельность субъектов публичной администрации подчинена достижению публичных целей и удовлетворению общественных интересов. Их финансовые права и обязанности неразрывно связаны с выполнением возложенных на них государственных или муниципальных функций. Получение прибыли не является основной целью их финансовой деятельности (за исключением специфических случаев, например деятельности государственных корпораций).

Во-вторых, *императивно-властная природа*, поскольку финансово-правовой статус публичной администрации во многом определяется императивными нормами права. Субъекты публичной администрации наделены властными полномочиями в финансовой сфере по отношению к другим участникам финансовых отношений (например, правом устанавливать и взимать налоги, применять меры финансового принуждения). Их финансовые права зачастую одновременно являются их обязанностями перед обществом и государством.

В-третьих, *бюджетная обусловленность*. Финансовая деятельность подавляющего большинства субъектов публичной администрации (особенно органов власти и бюджетных учреждений) жестко детерминирована параметрами утвержденного бюджета соответствующего уровня. Объем их финансовых прав и возможностей прямо зависит от объема выделенных бюджетных ассигнований и лимитов бюджетных обязательств. Это определяет особый порядок планирования, исполнения и контроля за их финансовой деятельностью.

В-четвертых, *производность и иерархичность*, так как финансово-правовой статус конкретного субъекта публичной администрации (например, федерального министерства, регионального правительства, муниципального учреждения) является производным от финансово-правового статуса соответствующего публично-правового образования (Российской Федерации, субъекта Федерации, муниципального образования) и определяется в рамках установленной иерархии системы органов власти и управления. Соответственно, полномочия вышестоящих органов определяют рамки полномочий нижестоящих.

В-пятых, *сложность и дифференциация*, обусловленные неоднородностью финансово-правового статуса публичной администрации. Он существенно дифференцируется в зависимости от ряда факторов, среди которых:

- уровень публичной власти (федеральный, региональный, местный);
- вид субъекта (орган законодательной власти, орган исполнительной власти, суд, контрольно-счетный орган, Центральный банк, государственная корпорация, государственное/муниципальное учреждение и др.);
- отраслевая принадлежность (финансовые органы, налоговые органы, таможенные органы, органы отраслевого управления);
- выполняемые функции (регулятивные, правоприменительные, контрольные);

– особый режим ответственности (субъекты публичной администрации несут специфическую финансово-правовую ответственность, включая применение мер бюджетного принуждения, а их должностные лица могут быть привлечены к административной и уголовной ответственности за финансовые правонарушения и преступления);

– неотчуждаемость и непередаваемость; базовые элементы финансовой компетенции, составляющие основу статуса органа публичной администрации, как правило, носят неотчуждаемый характер и не могут быть переданы иным субъектам, кроме как в порядке, установленном законом (например, делегирование полномочий).

Обсуждение и заключение

Как показал анализ, финансово-правовой статус публичной администрации является сложной, многогранной и динамично развивающейся правовой категорией. Его четкое научное определение, выявление структурных элементов и специфических особенностей имеют не только теоретическое, но и важное практическое значение.

Во-первых, комплексное понимание данного статуса позволяет оптимизировать систему финансово-правового регулирования деятельности органов публичной власти и иных уполномоченных субъектов, устранять пробелы и коллизии в законодательстве.

Во-вторых, оно способствует повышению эффективности управления публичными финансами, поскольку четкое разграничение финансовых полномочий, прав, обязанностей и ответственности является необходимым условием рационального использования бюджетных средств и достижения поставленных социально-экономических целей.

В-третьих, исследование финансово-правового статуса публичной администрации неразрывно связано с проблемами обеспечения финансовой дисциплины, законности и подотчетности в сфере публичных финансов, что является ключевым фактором доверия общества к государственным институтам.

Полагаем, что дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на углубленное изучение специфики финансово-правового статуса отдельных видов субъектов публичной администрации, анализ влияния цифровизации на его содержание и реализацию, а также на сравнительно-правовое сопоставление с зарубежными моделями регулирования финансовой деятельности публичной администрации.

Разработка целостной доктрины финансово-правового статуса публичной администрации станет важным вкладом в развитие науки финансового и административного права.

На основании проведенного теоретического исследования финансово-правового статуса публичной администрации можно сделать следующие выводы.

1. Под публичной администрацией в сфере финансов следует понимать реализующую административно-публичные функции в финансовой сфере совокупность органов исполнительной власти Российской Федерации, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, исполнительно-распорядительных органов муниципальных образований (иных органов местного самоуправления), а также организаций, наделенных законодатель-

ством Российской Федерации статусом государственного (муниципального) либо иного органа.

2. Финансовая деятельность публичной администрации представляет собой систему последовательных мероприятий по образованию, распределению и использованию финансовых ресурсов (государства, муниципальных образований), а также по реализации контроля за их динамикой.

3. Общий финансово-правовой статус публичной администрации – это комплексная правовая категория, регулируемая нормами финансового права, представляющая собой совокупность полномочий, гарантий их реализации, а также ответственность органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц, иных организаций, наделенных публично-властными полномочиями в области финансов.

4. К признакам, характеризующим общий финансово-правовой статус публичной администрации, относятся: системность; нормативная определенность; субъекты, наделенные публичными полномочиями в финансовой сфере; публичные финансовые ресурсы; финансовый контроль; универсальность (общность).

5. Специальный финансово-правовой статус публичной администрации представляет собой совокупность дополнительных, нормативно определенных полномочий, компетенций и особенностей ответственности субъектов публичной администрации, обусловленных их специальными функциями, задачами, а также предметами ведения в определенной сфере финансовой деятельности и (или) в отношении определенных видов публичных финансовых ресурсов.

6. Отличительными чертами специального финансово-правового статуса публичной администрации являются: дополнительность; нормативная определенность; специальные функции и задачи; конкретная область финансовой деятельности; строго фиксированные виды финансовых ресурсов; особенности привлечения к юридической ответственности.

7. Структурно финансово-правовой статус публичной администрации включает следующие основные элементы: финансовую правосубъектность; финансовую компетенцию; финансовые права и обязанности; гарантии; финансово-правовую ответственность.

8. Финансово-правовой статус публичной администрации, в отличие от финансово-правового статуса иных участников финансовых правоотношений, обладает рядом специфических черт, среди которых: публично-целевой характер; императивно-властная природа; бюджетная обусловленность; производность и иерархичность; сложность и дифференциация.

9. Четкое законодательное закрепление финансово-правового статуса публичной администрации является необходимым условием для: обеспечения эффективности финансовой системы; защиты прав и законных интересов участников финансовых правоотношений; повышения уровня финансовой дисциплины; обеспечения прозрачности и открытости финансовой деятельности; совершенствования финансового контроля.

Список источников

1. Чуева А. С. К вопросу о структуре и недостатках финансовой системы современной России: новый взгляд на дискуссионную проблему // Ку-

- банское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU : юрид. сетевой электрон. науч. журн. 2019. № 2 (9). С. 107–121.
2. Покачалова Е. В. К вопросу о понятии и компонентном составе современной финансовой системы Российской Федерации: теоретические аспекты финансового права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 2 (72). С. 117–122.
 3. Стахов А. И. Правовые и доктринальные предпосылки обособления публичной администрации в системе публичной власти в Российской Федерации // Публичная администрация в Российской Федерации: проблемы становления в современной системе административных и административно-процессуальных отношений : сб. ст. М. : РГУП, 2022. С. 81–87.
 4. Стахов А. И. Публичная администрация и административно-публичная деятельность в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2024. № 9. С. 9–18. DOI: 10.18572/2071-1166-2024-9-9-18.
 5. Ландерсон Н. В. Организации, реализующие административно-публичные функции в Российской Федерации // Публичная администрация в Российской Федерации: проблемы становления в современной системе административных и административно-процессуальных отношений : сб. ст. М. : РГУП, 2022. С. 96–105.
 6. Фадеева Е. С., Ферстер М. Д. Публичная администрация как субъект административного права // Ius Publicum et Privatum. 2024. № 2 (26). С. 64–69. DOI: 10.46741/2713-2811.2024.26.2.007.
 7. Стахов А. И., Ландерсон Н. В. Публичная администрация в России: понятие, система и структура // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 4–15. DOI: 10.18572/2071-1166-2021-10-4-15
 8. Стахов А. И., Ландерсон Н. В., Домрачев Д. Г. Публичная администрация в Российской Федерации как субъект административного процесса // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 4. С. 55–77. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).55-77.
 9. Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Концепция публичной администрации в современном административном праве (сравнительно-правовое исследование) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, № 4. С. 626–654. DOI: 10.21638/spbu14.2019.402.
 10. Бочкарева Е. А., Вороненко Е. В. О доктринальных проблемах финансового контроля // Право и практика. 2018. № 1. С. 171–177.

References

1. Chueva A. S. On the structure and disadvantages of the financial system of modern Russia: a new look at the controversial issue. *Kubanskoe agentstvo sudebnoj informatsii PRO-SUD-123.RU = Kuban Judicial Information Agency PRO-SUD-123.RU*. Legal online electronic scientific journal. 2019;(2):107-121. (In Russ.)
2. Pokachalova E. V. To question on concept and component structure of modern financial system of the Russian Federation: theoretical aspects of

- the financial right. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2010;(2):117-122. (In Russ.)
3. Stakhov A. I. Legal and doctrinal prerequisites for the separation of public administration in the system of public power in the Russian Federation. *Public administration in the Russian Federation: problems of formation in the modern system of administrative and administrative procedural relations*. Collection of articles. Moscow: Russian State University of Justice; 2022. Pp. 81–87. (In Russ.)
 4. Stakhov A. I. Public administration and administrative and public activities in the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*. 2024;(9):9-18. (In Russ.) DOI: 10.18572/2071-1166-2024-9-9-18.
 5. Landerson N. V. Organizations implementing administrative and public functions in the Russian Federation. *Public administration in the Russian Federation: problems of formation in the modern system of administrative and administrative procedural relations*. Collection of articles. Moscow: Russian State University of Justice; 2022. Pp. 96–105. (In Russ.)
 6. Fadeeva E. S., Ferster M. D. Public administration as a subject of administrative law. *Ius Publicum et Privatum*. 2024;(2):64-69. (In Russ.) DOI: 10.46741/2713-2811.2024.26.2.007.
 7. Stakhov A. I., Landerson N. V. Public administration in Russia: concept, system and structure. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*. 2021;(10):4-15. (In Russ.) DOI: 10.18572/2071-1166-2021-10-4-15.
 8. Stakhov A. I., Landerson I. V., Domrachev D. G. Public administration in Russia as a subject of administrative procedure. *Law Enforcement Review*. 2021;5(4):55-77. (In Russ.) DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).55-77.
 9. Zelentsov A. B., Yastrebov O. A. The concept of public administration in modern administrative law (comparative legal research). *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2019;10(4):626-654. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu14.2019.402.
 10. Bochkareva E. A., Voronenko E. V. About the doctrinal problems of financial control. *Pravo i praktika = Law and Practice*. 2018;(1):171-177. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Чуева Арина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 350020, Краснодар, ул. Красных Партизан, д. 234). **Arina S. Chueva**, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Administrative and Financial Law Department, North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (234 Krasnykh Partizan St., Krasnodar, 350020, Russian Federation).

Соловьева Светлана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Северо-Кавказ-

ского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 350020, Краснодар, ул. Красных Партизан, д. 234).

Svetlana V. Solovjova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Administrative and Financial Law Department, North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (234 Krasnykh Partizan St., Krasnodar, 350020, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 07.04.2025; одобрена после рецензирования 13.05.2025; принята к публикации 28.04.2026.

The article was submitted 07.04.2025; approved after reviewing 13.05.2025; accepted for publication 28.04.2026.

Научная статья

УДК 342.41/.53

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.48-63

Федеративный характер Конституции Австралийского Союза

Елена Андреевна Войтович

*Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
e.voytovich@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1515-6297>*

Аннотация

Введение. Вопрос о федеративной природе Конституции Австралии требует тщательного рассмотрения в связи с ее формальным включением в британский имперский акт и спецификой исторического формирования федеративного государства. Особенности федеративной модели Австралийского Союза состоят в том, что конституционные положения обеспечивают устойчивость федеративных отношений, а Высокий суд посредством толкования этих норм поддерживает баланс между централизацией власти и автономией субъектов федерации. Цель исследования состоит в выявлении и систематизации характерных черт австралийского федерализма, определяющих его устойчивость и эффективность. В задачи работы входят: изучение историко-правовых аспектов формирования федерации; анализ конституционных норм, устанавливающих принципы федерализма; исследование конституционных механизмов разграничения полномочий между федеральным и региональным уровнями власти; установление значения интерпретационной практики Высокого суда Австралийского Союза в развитии федеративных отношений.

Методы. Методологическая основа исследования базируется на системном применении общенаучных и специальных методов познания. В частности, в исследовании реализованы: историко-правовой метод, позволивший проследить генезис конституционных положений в контексте становления австралийской федерации; формально-юридический метод, обеспечивший структурно-логический анализ норм Конституции Австралийского Союза; сравнительно-правовой метод, примененный для выявления особенностей австралийской модели федерализма.

Результаты исследования. Основные выводы исследования позволили: подтвердить народный характер Конституции Австралии, несмотря на ее формальную связь с британским законом, выявить основные элементы федеративной модели Австралии, исследовать механизмы поддержания баланса между федерацией и ее субъектами.

Обсуждение и заключение. Дискуссионным остается вопрос о том, насколько далеко может простираться централизация без разрушения федеративной основы государства. В исследовании автор обосновал, что Конституция Австра-

лийского Союза по своей природе является народной, поскольку ее принятие опиралось на добровольное волеизъявление населения колоний через референдумы. Показано, что интерпретационная практика Высокого суда, особенно после «Дела инженеров» 1920 г., способствовала централизации федеративных отношений, однако имплицитные ограничения, выработанные в последующих решениях, защищают автономию штатов. Неудачная попытка сепарации Западной Австралии 1933 г. и сложный механизм изменения Конституции подтверждают нерасторжимость австралийской федерации при сохранении гибкости конституционного регулирования.

Ключевые слова: Австралийский Союз, федерация, федерализм, Конституция Австралийского Союза, субъекты федерации, штаты

Для цитирования: Войтович Е. А. Федеративный характер Конституции Австралийского Союза // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 2. С. 48–63. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.48-63.

Original article

The Federal Nature of the Australian Commonwealth Constitution

Elena A. Voytovich

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

e.voytovich@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1515-6297>

Abstract

Introduction. The question of the federal nature of the Australian Constitution requires thorough examination due to its formal incorporation into British imperial legislation and the unique historical development of the federal state. The relevance of this topic stems from the need to identify the distinctive features of the federal model of the Commonwealth of Australia, where constitutional provisions ensure the stability of federal relations, while the High Court, through its interpretation of these norms, maintains a balance between the centralisation and autonomy of the federation's constituent entities.

The aim of this study is to identify and systematise the defining characteristics of Australian federalism that contribute to its stability and effectiveness. The research objectives include analyzing the historical and legal aspects of the federation's formation, examining constitutional norms establishing the principles of federalism, investigating the mechanism for the distribution of powers between levels of government, assessing the role of judicial interpretation in the evolution of federal relations and the preconditions for their formation.

Methods. The methodological framework of the study is based on a systematic application of general scientific and specialised methods of inquiry. In particular, the research employs the historical-legal method, which traced the genesis of constitutional provisions within the context of Australia's federal development, the formal-legal method, enabling a structural and logical analysis of the Commonwealth of Australia's

constitutional norms, the comparative-legal method, used to identify the distinctive features of Australia's federal model.

Results. The key findings of the study have allowed for confirmation of the popular sovereignty underpinning the Australia Constitution, despite its formal link to British law, identification of the fundamental elements of Australia's federal model, investigation into the mechanism that maintain the balance between the federation and its constituent entities.

Discussion and Conclusion. The question of how far centralisation may extend without destroying the federal foundation of the state remains debatable. The author argues that the Australian Commonwealth Constitution is popular in nature: its adoption rested on the voluntary will of the colonial population, expressed through referendums. As the analysis shows, the High Court's interpretive practice – especially after the Engineers' Case of 1920 – pushed federal relations towards centralisation, yet the implicit limitations found in later rulings still shield the states' autonomy. Western Australia's failed secession attempt of 1933 and the rigidity of the constitutional amendment process point to the indissolubility of the Australian federation, though constitutional flexibility endures.

Keywords: Commonwealth of Australia, federation, federalism, Constitution of the Australian Commonwealth, federation's constituent entities, states

For citation: Voytovich E. A. The federal nature of the Australian Commonwealth Constitution. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(2):48-63. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.48-63.

Введение

Большинство федеративных государств характеризуются наличием воли объединяющихся субъектов и договорного элемента, лежащего в основе объединения государства и его составных частей. Основы такого федеративного соглашения, как правило, закрепляются в Основном законе государства [1]. Конституция Австралийского Союза была принята в составе акта парламента Великобритании¹, санкционированного монархом, что формально позволяет рассматривать ее как часть имперского законодательства. Вместе с тем особенности процесса разработки и принятия текста Конституции дают основание считать ее результатом выражения воли населения австралийских колоний. В связи с этим в современной доктрине конституционного права Австралии ставится вопрос о правовой природе Конституции и о том, следует ли квалифицировать ее как октроированный акт либо как народную Конституцию [2, с. 3–10, 40–45]. Соответственно, дискуссионным является не только вопрос о правовой природе Конституции, но и вопрос о том, может ли ее принятие рассматриваться как результат заключения федеративного соглашения между колониями либо как реализация воли метрополии.

Австралия представляет собой союз, обладающий более чем столетним опытом стабильного развития и функционирования федеративных отношений. В последние годы в австралийской конституционно-правовой науке наблюдается усиление интереса к проблемам федерализма, в частности к трансформации баланса полномочий между федерацией и штатами. Со-

¹ Commonwealth of Australia Constitution Act 1900 (UK). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/63-64/12/enacted> (дата обращения: 24.07.2025).

временные исследователи подчеркивают, что Высокий суд Австралии играет ключевую роль в интерпретации конституционных норм, определяющих основу федеративной системы и развитие федеративных отношений. Так, в коллективной монографии австралийских конституционалистов [3, с. 503–504, 553–554] отмечается, что эволюция федеративной модели Австралии в значительной степени осуществляется посредством судебного толкования конституционных норм, что существенно влияет на распределение полномочий между федерацией и штатами, равно как и на функционирование всей федеративной системы.

Указанная дискуссия обуславливает необходимость обращения к историко-правовым предпосылкам формирования австралийской Конституции, исследованию особенностей ее принятия, а также анализу знаковых решений Высокого суда, которые во многом определили современную модель австралийской федерации.

Путь британских колоний Индо-Тихоокеанского региона к объединению

Идея федерализации британских колоний зарождалась постепенно вместе с развитием самих поселений и взаимоотношений между ними. В конце 1880-х гг. многие колонии осознали значимость принятия совместных решений в отношении важнейших вопросов, напрямую затрагивающих процветание и безопасность поселений. В частности, промышленный рост и расширение торговли между колониями тормозились вследствие введения ими заградительных пошлин на импортные товары, а также отсутствия единых метрических стандартов. Не менее остро стоял вопрос защиты колоний, так как Германия и Франция усиливали экспансию на острова, расположенные по соседству с британскими, – Новую Каледонию, Новую Гвинею и Новые Гебриды.

С 1881 по 1883 г. в ходе нескольких проведенных межколонияльных конференций, в которых принимали участие Новый Южный Уэльс, Виктория, Квинсленд, Западная Австралия, Южная Австралия, Тасмания, Новая Зеландия и Фиджи, сэром Генри Парксом (бывший премьер-министр Нового Южного Уэльса), поддерживавшим американский путь развития будущего государства, было предложено учредить центральный орган власти для совместного решения насущных вопросов, в том числе выработки единых стандартов и зоны свободной торговли между колониями [4, р. 11–32]. Его идея была услышана и поддержана. Самюэль Уокер Гриффит (бывший премьер-министр Квинсленда) разработал проект соответствующего закона, с которым законодательные органы колоний обратились к Королеве. В 1885 году после одобрения акта британским парламентом и получения санкции монарха был принят Акт о Федеральном совете Австралазии, который предоставил всем перечисленным выше колониям право присоединиться к Совету или свободно выйти из него. Однако только Квинсленд, Западная Австралия, Виктория, Тасмания, Южная Австралия и Фиджи в лице их законодательных органов приняли решение о вступлении в конфедеративный союз. Новая Зеландия проигнорировала возможность вступления в союз, как и Новый Южный Уэльс. Инициатор объединения, сэр Генри Паркс, считал, что созданный в итоге Федеральный совет оказался слабым и не обладал полномочиями, соответствующими высшему органу союза. Действительно, с одной стороны,

Совет обладал компетенцией принимать законы по определенному Актом о Федеральном совете Австралазии кругу вопросов, с другой стороны, он был лишен полномочий, необходимых для исполнения принятого законодательства. Более того, не было предусмотрено соответствующее финансирование, что дополнительно ослабляло Совет. Существование конфедерации было прекращено в момент вступления в силу Закона о создании Австралийского Союза, на что указывает ст. 7 данного Закона. Несмотря на очевидные недостатки рассмотренного союза, это была первая самостоятельная инициатива объединения, реализованная британскими колониями Индо-Тихоокеанского региона.

В дальнейшем движение к федерализации региона продолжилось, и уже через пять лет, начиная с 1890 г., колонии стали периодически встречаться для обсуждения будущего Австралии, придя к решению о необходимости создания полноценной федерации. Итогом нескольких встреч на межколонияльных конференциях стало принятие решения о формировании Конституционного конвента для разработки проекта Конституции будущего государства.

Для выработки решения о том, как формировать Конституционный конвент и как будет происходить процесс разработки проекта Конституции, колонии выдвинули своих представителей, по два от каждой, включая Новую Зеландию, и одного – от Западной Австралии. На этой конференции было принято решение о созыве первого заседания Конвента – Национального конвента Австралазии, участниками которого должны были стать по семь представителей от каждой из самоуправяемых колоний, избираемых парламентами, и по четыре представителя – от зависимых британских колоний. У Фиджи не было тесных торговых связей с австралийскими колониями, поэтому не было интереса в создании единого таможенного пространства, а совместное решение вопросов обороны из-за удаленности острова не являлось необходимым.

Национальный конвент, состоявшийся в 1891 г. и включивший представителей Нового Южного Уэльса, Квинсленда, Виктории, Южной Австралии, Тасмании, Новой Зеландии и Западной Австралии, положил начало разработке проекта Конституции Австралийского Союза [5].

Второй конвент – Федеральный конвент Австралазии – состоялся, когда колонии вплотную подошли к утверждению формы правления, территориального устройства, системы высших органов власти и их полномочий. Конвент собирался трижды с 1897 по 1898 г. и носил представительный характер, так как в ряде колоний делегаты Конвента получили мандат от населения, в частности в Новом Южном Уэльсе, Тасмании, Виктории, Южной Австралии, Западной Австралии. Квинсленд не успел принять закон о проведении референдума и пропустил этот Конвент, в Западной Австралии делегатов назначил парламент, а Новая Зеландия прекратила участвовать в дебатах вследствие экономических причин. Кроме того, препятствием на пути присоединения Новой Зеландии к федерации стал вопрос аборигенов, так как в этой колонии коренное население было признано [6] и имело представительство в парламенте, а в период обсуждения вопроса о единстве нации австралийские колонии вели речь лишь о белом населении [7]. После первой сессии Конвента по результатам обсуждения в проект Конституции внесли множество изменений, однако изначально выбранные форма правления – парламентарная монархия и форма территориального устройства – федерация [8, с. 286–293]

остались неизменными. В четырех колониях, а именно в Новом Южном Уэльсе, Виктории, Тасмании и Южной Австралии, был проведен референдум о принятии поправок в проект Конституции. Западная Австралия скептически отнеслась к вопросу о присоединении к федерации, поскольку не хотела терять значительную часть собственных доходов, поступающую в виде пошлин, но и не отвергла окончательно возможность войти в федеративный союз.

Итоговый вариант проекта Конституции Австралии был представлен для утверждения парламенту Великобритании в составе Закона о создании Австралийского Союза (далее – Закон). В целях его легитимации Новый Южный Уэльс, Виктория, Южная Австралия, Тасмания и Квинсленд провели референдумы и приняли текст Конституции. Но Западная Австралия долго сомневалась в необходимости объединения, поэтому присоединение этой колонии к федерации было осуществлено уже после подписания монархом Закона: Королева издала Декларацию о присоединении этой колонии к Союзу в качестве первоначального штата. Этим объясняется тот факт, что в преамбуле Закона Западная Австралия не упоминается.

Для понимания федеративного характера Конституции Австралии необходимо коснуться вопроса об участии населения колоний в принятии конституционного текста и о согласии людей объединиться в единое государство. Поставленная задача предполагает изучение избирательных прав населения колоний Австралии, что дает возможность понять, кто мог принимать участие в референдумах и легитимировать Конституцию государства.

В Южной Австралии на момент проведения референдума о принятии Конституции с 1856 г. все совершеннолетние мужчины (с 21 года), в том числе из коренного населения, обладали активным избирательным правом, которое с 1895 г. было предоставлено женщинам. В Западной Австралии совершеннолетнее мужское население получило активное избирательное право с 1890 г., женщины получили право голоса с 1899 г., но аборигены не включались в избирательные списки. Виктория наделила правом избирать совершеннолетнее мужское население, включая аборигенов, с 1857 г. Новый Южный Уэльс принял соответствующее законодательство в 1858 г. В Тасмании все мужчины были наделены активным избирательным правом с 1896 г. Женщины Нового Южного Уэльса, Квинсленда, Виктории и Тасмании получили избирательные права только после образования федеративного государства [9], а большинство австралийских аборигенов ими не обладали. Таким образом, к моменту голосования по вопросу утверждения Конституции будущего государства все еще сохранялись недемократические цензы – гендерный и расовый, но большая часть населения колоний принимала участие в решении вопроса об объединении и утверждении конституционного текста.

Из представленных фактов можно сделать вывод, что Конституция Австралии является народной Конституцией, а объединение колоний носило исключительно добровольный характер, поскольку ни одна из них не находилась в состоянии войны или подготовки к ней, не разорвала связи с метрополией, а метрополия, в свою очередь, не довела в вопросе формирования единого государства и не принуждала колонии принять условия вступления в федеративный союз. Основой объединения стали экономические причины, желание стать единой нацией, вопросы обороны и безопасности, что в полной мере обеспечивается федеративным государством [10].

Принципы федерализма в Конституции Австралийского Союза

Поскольку австралийские территории при объединении пришли к решению сохранить верность монархической форме правления и юридически ни одна из колоний не была полностью самостоятельной к моменту объединения, текст австралийской Конституции был включен в имперский акт – Закон о создании Австралийского Союза. Для подтверждения федеративного характера Конституции Австралийского Союза проанализируем соответствующие конституционные нормы и выявим признаки федерализма.

В первую очередь обращает на себя внимание преамбула Конституции, которая отмечает согласие на объединение в нерасторжимый федеративный союз ряда бывших колоний – Нового Южного Уэльса, Виктории, Южной Австралии, Квинсленда и Тасмании. В преамбуле четко закреплено условие: только после получения одобрения населения австралийских территорий на формирование федерации Великобритания приступит к утверждению соответствующего закона. То есть установлено двойное согласие: в первую очередь желание населения поддержать создание федерации, а во вторую – согласие Великобритании на объединение колоний. В статье 3 Закона «О провозглашении Союза» установлено название нового государства – Австралийский Союз, перечислены субъекты федерации, получившие на момент подписания акта согласие населения: Новый Южный Уэльс, Виктория, Южная Австралия, Квинсленд и Тасмания, а также установлено право Королевы включить в перечень субъектов федерации Западную Австралию. Воспользоваться таким правом монарх уполномочен только после получения подтверждения, что население этой колонии одобрит присоединение к Союзу. Из этого следует вывод о легитимности Конституции Австралии, поскольку каждая присоединившаяся колония получила одобрение народа на референдумах.

Закон провозглашал верховенство федеральной Конституции и распространение ее территориального действия на все части Австралийского Союза (ст. 5). Статья 6 Закона определила, что субъектом федерации является «штат», и ввела понятие «первоначальных штатов», т. е. субъектов, присоединившихся к Союзу в момент его образования. Нормы рассматриваемой статьи допускали увеличение числа субъектов федерации за счет присоединения новых колоний или территорий, а также путем образования таковых внутри федерации. Интересно отметить, что, поскольку Новая Зеландия на начальном этапе участвовала в межколонияльных съездах, в этой статье она упоминается в качестве потенциального субъекта Австралийского Союза.

Первая глава Конституции посвящена законодательной власти, которую осуществляет федеральный Парламент [11]. Структура Парламента трехпалатная: монарх, верхняя палата и нижняя палата. Федеративным демократическим государствам свойственно наравне с национальным представительством гарантировать представительство субъектов на уровне федерации. Это обеспечивается за счет устройства соответствующей палаты в федеральном Парламенте, формируемой с учетом интересов регионов путем прямого или косвенного избрания парламентариев. Австралийский Союз, опираясь на такой принцип федерализма, закрепил за верхней палатой полномочия, необходимые для реализации указанного принципа. Сенат формируется на прямых выборах населения австралийских штатов, а Палата представителей осуществляет общенациональное представительство [12, с. 11–12]. Установ-

лено равное для всех штатов число сенаторов – по 12 от каждого из шести штатов, тогда как территории представлены меньшим количеством сенаторов – по два от каждой материковой территории (Австралийская столичная территория и Северная территория).

Правило «Нексус» связывает численность обеих палат – в соответствии с Конституцией число депутатов в нижней палате должно быть примерно равно удвоенной численности сенаторов. Это правило является одним из ключевых элементов австралийского конституционного права, обеспечивающим баланс между национальным и федеративным представительством. Согласно формуле, закрепленной в ст. 24, число депутатов от штата определяется делением численности населения, устанавливаемой посредством переписи населения, на квоту, и, если при таком делении остаток превышает половину квоты, штат получает дополнительный мандат в палате представителей. В 1973 году Закон о представительстве конкретизировал конституционное правило, закрепив, что любой остаток позволял получить дополнительное место к численности Палаты представителей. За этим последовало решение Высого суда по делу «Attorney-general (Nsw), Ex Rel Mckellar v Commonwealth and Others»², которое отменило введенную норму, поскольку новый расчет численности депутатов приводит к смещению баланса численности в пользу нижней палаты, что является нарушением конституционного правила.

В части 5 главы I Конституции закрепляется разграничение предметов ведения федерации и ее субъектов. Изучение Конституции показывает наличие исключительных полномочий федерации. В статье 52 Конституции прямо установлена исключительная компетенция федерации, касающаяся ограниченного круга вопросов: определения местоположения федеральных органов власти, а также органов власти территорий, приобретенных Союзом для общественных нужд; регулирования вопросов, связанных с деятельностью государственных учреждений, управление которыми возложено на исполнительную власть Союза; иных вопросов, отнесенных Конституцией к исключительному ведению федерального Парламента. Статьи 86 и 90 дополняют исключительную компетенцию федерации правом установления таможенных платежей, акцизов и предоставления субсидий штатам. К исключительному ведению федерации ст. 114 и ст. 115 относят вопросы, связанные с вооруженными силами и денежной эмиссией, путем установления прямых запретов для штатов осуществлять такую деятельность. Статьи 121 и 122 наделяют исключительной компетенцией федерацию в отношении принятия новых субъектов, формирования новых территорий и установления для них и новых субъектов числа представителей в федеральном Парламенте.

Специальной статьи, выделяющей перечень исключительных полномочий штатов, в Конституции нет, такие полномочия относятся к остаточной компетенции штатов. При этом в тексте Конституции можно встретить отдельные нормы, закрепляющие компетенцию штатов. Так, в соответствии со ст. 106 и 108 Конституция сохраняет за штатами собственные конституции, принятые в колониальный период, а также законодательство бывших колоний, при условии, что такие акты не противоречат федеральной Конституции. Пример

² Attorney-general (Nsw), Ex Rel Mckellar v Commonwealth and Others (1977) 51 Aljr 328 [1977].

закрепления исключительных полномочий австралийских штатов – ст. 113, предоставляющая им право принимать законодательство в отношении спиртосодержащих жидкостей.

Статья 51 Конституции содержит общий перечень вопросов, в отношении которых федеральный Парламент Австралии правомочен «издавать законы для мира, порядка и надлежащего правления»³. Однако текст самой статьи не содержит разъяснений, какие вопросы относятся к тому или иному виду компетенции: к исключительной компетенции федерации или к совместной. При принятии конституционного акта предполагалось, что полномочия федерации будут ограниченными, а штаты сохраняют свое право принимать законы по всем вопросам, которые явно не переданы центру. Речь идет о доктрине «зарезервированных полномочий» – исторической концепции в австралийском конституционном праве, имплементированной из теории американского федерализма. Доктрина базируется на ст. 107 Конституции, которая устанавливает, что все полномочия, изначально принадлежащие парламентам бывших колоний, сохраняются за ними, если не переданы в исключительное ведение федерации или явно не изъяты у штатов на основании конституционных положений.

Для разрешения данной правовой неопределенности необходимо обратиться к прецедентной практике Высокого суда Австралии, который играет ключевую роль в поддержании баланса между федерацией и штатами, путем толкования конституционных норм при разрешении споров между двумя уровнями власти. В ранний период существования Австралийского Союза Высокий суд придерживался позиции, направленной на защиту прерогатив субъектов федерации. Вплоть до 1920 г. в австралийской конституционной практике сохраняла свое влияние доктрина «зарезервированных полномочий». Примером может служить дело «*Peterswald v Bartley*» (1904)⁴, ставшее одним из первых важных кейсов Высокого суда о разграничении полномочий между Союзом и штатами. Спорный вопрос касался ст. 90 Конституции, закрепляющей за федерацией исключительную компетенцию по введению акцизов.

Пивоваренная компания Bartley (Новый Южный Уэльс), обладающая федеральной лицензией и уплачивающая акцизные сборы в соответствии с федеральным законом⁵, оспорила Закон Нового Южного Уэльса от 1898 г., указав, что лицензионный сбор, взимаемый в соответствии с законом штата, фактически является акцизным сбором, следовательно, этот закон противоречит ст. 90 Конституции и должен быть признан недействующим. Коллегия судей Высокого суда под председательством главного судьи С. У. Гриффита⁶ выдели-

³ Commonwealth of Australia Constitution Act. URL: <https://www.legislation.gov.au/constitution> (дата обращения: 24.07.2025).

⁴ *Peterswald v Bartley* [1904] HCA 21; (1904) 1 CLR 497 (31 August 1904).

⁵ Beer Excise Act 1901. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C1901A00007> (дата обращения: 24.07.2025).

⁶ Судьи этого состава Высокого суда, австралийские юристы и политические деятели Сэмюэл Уокер Гриффит, Эдмунд Бартон, Ричард Эдвард О'Коннор, прини-

ла критерии отнесения платежей к акцизам и постановила, что лицензионный сбор, введенный Законом Нового Южного Уэльса до создания Австралийского Союза, не является акцизным сбором с точки зрения ст. 90 Конституции, следовательно, для осуществления своей деятельности пивоваренная компания обязана иметь две лицензии – федеральную и штата. В этом кейсе широкое толкование полномочий штатов и ограничительное толкование федеральных полномочий позволило штатам сохранить часть фискального суверенитета. Такой подход являлся оригиналистским, основанным на изначальном смысле конституционных положений, и отражал принцип строгого федерализма, заложенный создателями Конституции⁷.

В другом деле Высокий суд вынес решение в пользу штатов, опираясь на доктрину «подразумеваемых запретов» (implied prohibition doctrine). Эта доктрина составляет существенный элемент австралийского конституционного права, устанавливая имплицитный запрет как Союзу, так и штатам на создание препятствий осуществлению законодательных и исполнительных полномочий друг друга. Такой подход служит гарантией сохранения федеративного баланса и институциональной автономии каждого уровня власти, за исключением случаев, прямо предусмотренных конституционными положениями.

Также показательным является дело «D’Emden v Pedder» (1904)⁸, где предметом спора стала действительность закона Тасмании о взимании гербового сбора с федеральных государственных служащих за квитанции, подтверждающие выплату им заработной платы. В решении Суд утверждал, что федеральная власть, в том числе ее служащие, обладают иммунитетом от вмешательства штатов, равно как и федерация не вправе принимать законы, препятствующие функционированию штатов.

Перелом конституционной практики произошел в 1920 г. после принятия решения по «Делу инженеров»⁹. Высокий суд Австралийского Союза стал иным способом толковать конституционные положения, вследствие чего многие полномочия, ранее относимые к полномочиям штатов, стали постепенно переходить к федерации [13]. Фактически произошел отказ и от доктрины «зарезервированных полномочий», и от доктрины «подразумеваемых запретов» (в отношении штатов), повернув развитие федерации в сторону централизации.

В упомянутом кейсе Суд коснулся сферы трудового права, которая считалась полномочием штатов, а федерация вправе была осуществлять лишь примирение и арбитраж по спорам, выходящим за пределы одного штата. В результате рассмотрения дела Суд пришел к выводу, что если деятельность

мали непосредственное участие в формировании текста Конституции Австралийского Союза.

⁷ В последующих делах узкое толкование ст. 90 Конституции было пересмотрено в пользу федерации. См.: *Ha v New South Wales* [1997] HCA 34; (1997) 189 CLR 465 (05 August 1997).

⁸ *Demden v Pedder* [1904] HCA 1; (1904) 1 CLR 91 (30 April 1904).

⁹ *Amalgamated Society of Engineers v Adelaide Steamship Co Ltd* (“Engineers’ case”) [1920] HCA 54; (1920) 28 CLR 129 (31 August 1920).

корпорации выходит за пределы одного штата, то федерация вправе принимать законодательство и по таким вопросам.

Сейчас практически вся сфера трудового права отнесена к предметам совместного ведения и в основном охвачена актами федерации. В последующем Высокий суд стал часто прибегать к «литералистскому подходу» [14, с. 25–30] при толковании Конституции, что привело к расширению полномочий федерального Парламента и переходу к постепенной централизации Австралийского Союза. Например, многие сферы, соприкасающиеся с международным правом, сейчас признаны совместными или конкурирующими полномочиями.

Несмотря на то что прецедентная практика Высокого суда Австралии способствовала усилению федеративной власти, в доктринальном развитии обозначился предел такого расширения. Судебная аргументация исходила из принципиальной недопустимости неограниченной централизации, поскольку подобная трансформация противоречила бы основам австралийского федерализма, где высокая степень самостоятельности субъектов составляет неотъемлемую часть конституционного устройства.

Демонстрирует смягчение доктрины, реализуемой после «Дела инженеров», и возврат к модели подразумеваемых запретов дело «О национализации банков»¹⁰.

В 1947 году был принят Закон «О банковской деятельности», предполагавший национализацию частных банков путем передачи их акций под контроль Банка Австралии (Commonwealth Bank). Уже на этапе обсуждения законопроекта федеральным Парламентом штаты обратились в Высокий суд с требованием о временном судебном запрете, а впоследствии и с иском, оспаривающим законность установленной вступившим в силу актом схемы национализации. Иск опирался на два основания: нарушение разделения полномочий между федерацией и штатами и подрыв автономии штатов. Суд отменил федеральный закон, поскольку в п. хiii ст. 51 Конституции слова «кроме банковской деятельности штатов» означают, что банки штатов не подпадают под федеральное регулирование, тогда как новый закон фактически запрещал штатам вести банковскую деятельность. В пункте хххi ст. 51 указывается на приобретение федерацией собственности штатов только на условиях справедливой компенсации, тогда как закон не предусматривал никакой компенсации, а ст. 92 Конституции закрепила право свободной торговли, коммерции и отношений между штатами внутри Союза.

Таким образом, Суд защитил право штатов от федерального вмешательства и подрыва финансовой независимости штатов, вновь применив доктрину подразумеваемых запретов. Эволюция судебной практики показывает, что Высокий суд, осознавая свою роль арбитра в федеративных отношениях, вырабатывал критерии сбалансированного разграничения компетенции федерации и субъектов для поддержания устойчивости австралийской федеративной модели.

¹⁰ Bank of New South Wales v Commonwealth (“Bank Nationalisation case”) [1948] HCA 7; (1948) 76 CLR 1 (11 August 1948).

Еще одним важным элементом федеративного государства является вопрос о возможности сепарации. Конституция Австралийского Союза не содержит положений о ее прямом разрешении или прямом запрете, лишь преамбула закрепляет «нерасторжимый союз». При этом закреплены нормы, составляющие правовую основу возможного расширения федерации путем присоединения новых территорий.

Наиболее ярко отсутствие прямого запрета на выход субъектов из состава Федерации проявилось в связи с попыткой сепарации Западной Австралии, особенности положения которой прослеживались с момента образования Союза. Еще в период активного обсуждения вопроса о создании федерации, в частности единого экономического и таможенного пространства, в Западной Австралии было обнаружено несколько месторождений золота, что способствовало росту численности населения колонии и экономическому процветанию. К 1898 году Западная Австралия вышла на максимальные объемы выработки золота и не нуждалась в кооперации и поддержке со стороны образываемой федерации. Более того, колония полагала, что доход, получаемый от продажи золота, будет уходить в бюджет федерации, а Западная Австралия будет получать меньше, чем она зарабатывает, в силу ее малочисленности по сравнению с другими колониями [15]. Дополнительным негативным фактором считалось значительное отдаление этого региона от других территорий и столицы. При разработке Конституции было учтено положение Западной Австралии, которой дали право взимать таможенные платежи за ввоз импортных товаров в течение пяти лет с даты введения единых таможенных тарифов на территории Австралии. К 1933 году штат принял решение отделиться от федерации [16]. Проведенный референдум показал, что большая часть жителей готова поддержать выход штата из Австралийского Союза: 138 653 высказались за выход из федерации, 70 706 – против. Парламент Западной Австралии обратился в парламент Великобритании, который отказал представителям по причине отсутствия полномочий на одобрение сепарации после принятия Вестминстерского статута 1931 г. Таким образом, федеральная власть получила подтверждение, что сепарация без согласия федерации невозможна, а изменить нормы Конституции Австралийского Союза можно только в установленной процедуре, предусматривающей одобрение федерального Парламента и получение двойного согласия большинства населения и штатов, чего, как показала практика, крайне затруднительно достичь.

Заключение

Проведенное исследование историко-правовых аспектов создания Австралийского Союза и анализ норм его Конституции позволяют сделать ряд значимых выводов.

Во-первых, процесс федерализации австралийских колоний носил добровольный характер, основанный на согласовании позиции всех желающих войти в федерацию сторон. Начавшись с образования конфедерации Австралии в 1885 г., этот процесс завершился созданием федеративного государства в 1901 г. Референдумы, проведенные в колониях перед принятием Закона о создании Австралийского Союза, подтвердили легитимность федеративного объединения.

Во-вторых, Конституция Австралии содержит принципы федерализма и отражает положения федеративного договора. Это проявляется в разграничении полномочий между федерацией и штатами, а также в принципах представительства субъектов в федеральном Парламенте, гарантиях автономии штатов.

В-третьих, подтверждена эволюция федеративных отношений и выявлена тенденция к централизации, особенно после «Дела инженеров» 1920 г., что привело к расширительному толкованию федеральной компетенции. Однако последующая судебная практика подтвердила и важность сохранения баланса между центром и субъектами, что обеспечивает целостность и стабильность федеративной модели Австралии.

В-четвертых, отсутствие в Конституции Австралии прямого запрета сепарации в сочетании с неудачной попыткой выхода Западной Австралии из состава федерации в 1933 г. свидетельствуют о том, что Австралийский Союз был сформирован как нерасторжимый. Помимо указанных факторов сложный механизм изменения Конституции также укрепляет федеративную природу государства, исключая односторонний выход субъектов.

Таким образом, федеративная Конституция Австралийского Союза является результатом демократического процесса, отражающего добровольное согласие субъектов на создание единого федеративного государства. Ее нормы не только закрепили ключевые принципы федерализма, но и обеспечивают прочность федеративной системы, основанной на балансе общенациональных и региональных интересов. Гибкость конституционного регулирования, сочетающая незыблемость и адаптивность, гарантирует единство федерации и способствует сохранению федеративных отношений на протяжении более чем столетней истории Австралии, ее политической стабильности и успешному развитию.

Список источников

1. Умнова-Конюхова И. А. Эволюция федеративной государственности: общемировые тенденции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2023. Т. 23, № 3. С. 101–112. DOI: 10.14529/law230315.
2. Twomey A. The Australia Acts 1986: Australia's Statutes of Independence. Sydney : Federation Press, 2010. 512 p.
3. Aroney N., Gerangelos P., Murray S., Stellios J. The Constitution of the Commonwealth of Australia: history, principle and interpretation. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 704 p.
4. Brown A. J. Federalism and regionalism in Australia Book Subtitle: new approaches, new institutions? / eds A. J. Brown, J. A. Bellamy. ANU Press, 2007. 42 p.
5. Beach W. G. The Australian Federal Constitution // Political Science Quarterly. 1899. Vol. 14, no. 4. P. 663–680. DOI: 10.2307/2140642.
6. Burns C., Hetaraka M., Jones A. Te Tiriti o Waitangi: the Treaty of Waitangi, principles and other representations // New Zealand Journal of Educational Studies. 2024. Vol. 59, no. 2. P. 15–29. DOI: 10.1007/s40841-024-00312-y.

7. Cole D. The crimson thread of kinship': ethnic ideas in Australia, 1870–1914 // *Historical Studies*. 1971. Vol. 14, no. 56. P. 511–525.
8. Карпенко К. В., Ракитская И. А., Лейбо Ю. И. и др. Конституционно-правовые основы территориального устройства в зарубежных странах. М. : МГИМО, 2018. 344 с. (Конституционное право зарубежных стран).
9. Goss R. Voting rights and Australian local democracy // *University of New South Wales Law Journal*. 2017. Vol. 40, no. 3. P. 1008–1034. DOI: 10.53637/OXFN8337.
10. Умнова-Конюхова И. А. Федерализм как инструмент решения современных задач мироустройства, совершенствования государственности и межгосударственных отношений // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право*. 2024. № 3. С. 7–22. DOI: 10.31249/iajpravo/2024.03.01.
11. Войтович Е. А. Парламент Австралийского Союза в системе высших органов государственной власти // *Теория государства и права*. 2020. № 3-1(19-1). С. 152–162. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.031.
12. Ракитская И. А., Орлов А. Г., Ефимова Л. М. Современные избирательные системы : моногр. Вып. 11 : Нидерланды. Никарагуа. Сингапур. М. : Рос. центр обучения избирател. технологиям при Централ. избират. комис. Рос. Федерации, 2016. 400 с. (Сер.: Зарубежное и сравнительное избирательное право).
13. Aroney N. T. The High Court of Australia: textual unitarism vs structural federalism // *Courts in federal countries: federalists or unitarists?* / eds. N. Aroney, J. Kincaid. Toronto : University of Toronto Press, 2017. P. 29–68.
14. Ирхин И. В. Федеративная модель Австралийского Союза : моногр. М. : Проспект, 2023. 104 с.
15. Gregory H. Why Western Australia should secede // *The Australian Quarterly*. 1933. Vol. 5, no. 18. P. 20–32.
16. Musgrave T. The Western Australian secessionist movement // *Macquarie Law Journal*. 2003. Vol. 3. P. 95–129.

References

1. Umnova-Koniukhova I. A. Evolution of federal statehood: global trends and national identity. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2023;23(3):101–112. (In Russ.) DOI: 10.14529/law230315.
2. Twomey A. *The Australia Acts 1986: Australia's Statutes of Independence*. Sydney: Federation Press; 2010. 512 p.
3. Aroney N., Gerangelos P., Murray S., Stellios J. *The Constitution of the Commonwealth of Australia: history, principle and interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. 704 p.
4. Brown A. J. *Federalism and regionalism in Australia Book Subtitle: new approaches, new institutions?* Eds. A. J. Brown, J. A. Bellamy. ANU Press; 2007. 42 p.

5. Beach W. G. The Australian Federal Constitution. *Political Science Quarterly*. 1899;14(4):663-680. DOI: 10.2307/2140642.
6. Burns C., Hetaraka M., Jones A. Te Tiriti o Waitangi: the Treaty of Waitangi, principles and other representations. *New Zealand Journal of Educational Studies*. 2024;59(2):15-29. DOI: 10.1007/s40841-024-00312-y.
7. Cole D. The crimson thread of kinship': ethnic ideas in Australia, 1870–1914. *Historical Studies*. 1971;14(56):511-525.
8. Karpenko K. V., Rakitskaya I. A., Leibo Yu. I., et al. *Constitutional and legal foundations of territorial governance in foreign countries*. Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; 2018. 344 p. (Constitutional law of foreign countries). (In Russ.)
9. Goss R. Voting Rights and Australian local democracy. *University of New South Wales Law Journal*. 2017;40(3):1008-1034. DOI: 10.53637/OXFN8337.
10. Umnova-Koniukhova I. A. Federalism as a tool for solving modern problems of the world order, improving statehood and interstate relations. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*. 2024;(3):7-22. DOI: 10.31249/iajpravo/2024.03.01. (In Russ.)
11. Vojtovich E. A. The Parliament of the Australian Union in the system the highest organs of state power. *Theory of State and Law*. 2020;(3-1):157-162. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.031.
12. Rakitskaya I. A., Orlov A. G., Efimova L. M. *Modern electoral systems*. Monograph. 11th issue: Netherlands. Nicaragua. Singapore. Moscow: Russian Center for Training in Electoral Technologies under the Central Electoral Commission of the Russian Federation; 2016. 400 p. (Series: Foreign and Comparative Electoral Law). (In Russ.)
13. Aroney N. T. The High Court of Australia: textual unitarism vs structural federalism. In: N. Aroney, J. Kincaid, eds. *Courts in federal countries: federalists or unitarists?* Toronto: University of Toronto Press; 2017. Pp. 29–68.
14. Irkhin I. V. *The federal model of the Australian Commonwealth*. Monograph. Moscow: Prospekt; 2023. 104 p. (In Russ.)
15. Gregory H. Why Western Australia should secede. *The Australian Quarterly*. 1933;5(18):20-32.
16. Musgrave T. The Western Australian secessionist movement. *Macquarie Law Journal*. 2003;(3):95-129.

Информация об авторе / Information about the author

Войтович Елена Андреевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Российская Федерация, 119454, Москва, пр-кт Вернадского, д. 76).

Elena A. Voytovich, Cand. Sci. (Law), Associated Professor at the Constitutional Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (76 Vernadsky Ave, Moscow, 119454, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.08.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 28.04.2026.

The article was submitted 15.08.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 28.04.2026.

Научная статья

УДК 349.2

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.64-72

Пробелы в сфере правового регулирования фактических трудовых правоотношений

Валентин Валентинович Ершов (мл.)

Москва, Российская Федерация

Аннотация

Введение. Проблемы пробелов в сфере правового регулирования фактических трудовых правоотношений недостаточно активно исследуются в специальной литературе. Как правило, научные работники в области трудового права ограничиваются анализом дискуссионных вопросов «пробела в праве» в соответствии с доктриной юридического позитивизма. В представленном исследовании с позиции концепции интегративного правопонимания показано, что пробелы возникают в сфере правового регулирования фактических трудовых правоотношений в ситуации отсутствия правовых регуляторов.

Методы. В работе использованы общетеоретические методы – системный, логический, анализа, синтеза, индукции и дедукции, а также частнонаучные методы – формально-логический, сравнительно-правовой, структурно-функциональный и исторический.

Результаты. Выработаны теоретические, правовые и практические предложения, направленные на преодоление пробелов в сфере правового регулирования фактических трудовых правоотношений посредством реализации по аналогии существующих правовых регуляторов сходных правоотношений. Разработан проект статьи «Реализация правовых регуляторов правоотношений по аналогии», состоящей из двух частей, дополняющей Трудовой кодекс Российской Федерации.

Обсуждение и заключение. Проведен анализ проблемы пробелов в сфере правового регулирования фактических трудовых правоотношений. Обоснованы авторские дефиниции понятий «трудовое право» и «пробелы в сфере правового регулирования фактических трудовых правоотношений» и введены в научный оборот.

Ключевые слова: пробелы в правовом регулировании, фактические трудовые правоотношения, основополагающие принципы права, индивидуальное регулирование, реализация правовых регуляторов

Для цитирования: Ершов В. В. (мл.) Пробелы в сфере правового регулирования фактических трудовых правоотношений // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 2. С. 64–72. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.64-72.

Original article

Gaps in the Legal Regulation of Actual Labor Relations

Valentin V. Ershov, Jr.

Moscow, Russian Federation

Abstract

Introduction. The problems of gaps in the legal regulation of actual labor relations are not actively researched in specialized literature. As a rule, scholars in the field of labor law limit themselves to analyzing debatable issues of “gaps in law” in accordance with the concept of legal positivism. In the presented study, from the standpoint of the concept of integrative legal understanding, it is shown that gaps arise in the sphere of legal regulation of actual labor relations in a situation of absence of legal regulators.

Methods. The work employs general theoretical methods – systemic, logical, analysis, synthesis, induction and deduction, as well as specific scientific methods – formal-logical, comparative-legal, structural-functional, and historical.

Results. Theoretical, legal, and practical proposals have been developed aimed, firstly, at overcoming gaps in the legal regulation of actual labor relations through the implementation by courts, by analogy, of existing legal regulators of similar legal relations, and secondly, at developing additional legal regulators for actual labor relations. A draft article, “Implementation of legal regulators of legal relations by analogy,” consisting of two parts, has been developed, supplementing the Labor Code of the Russian Federation.

Discussion and Conclusion. Current problems of gaps in the legal regulation of actual labor relations are analyzed. The author’s definitions of the concepts of “labor law” and “gaps in the legal regulation of actual labor relations” are formulated.

Keywords: gaps in legal regulation, actual labor relations, fundamental principles of law, individual regulation, implementation of legal regulators

For citation: Ershov V. V., Jr. Gaps in the legal regulation of actual labor relations. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(2):64-72. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.64-72.

Введение

В правовой доктрине традиционно применяются понятия «пробелы в праве» или «пробелы в сфере правового регулирования», даются их определения. Например, В. В. Лазарев считал, что пробелы в праве – это полное или частичное отсутствие норм, необходимых в связи с развитием общественных отношений [1, с. 5]. Вместе с тем пробелы в праве возможны и в связи с ошибками, а также недоработками правотворческих органов. Поскольку правоотношения регулируются правовыми регуляторами, пробелом следует признать отсутствие не только норм права, но и принципов права.

Теоретические основы

Изучая рассматриваемые вопросы, А. С. Пиголкин подчеркивал: пробелы имеются в «сфере правового регулирования» [2, с. 49]. Соглашаюсь с этим отчасти: ведь пробел в праве означает, что правовой регулятор отсутствует. В этой связи статья называется «Пробелы в сфере правового регулирования фактических трудовых правоотношений».

Проанализируем характерные точки зрения по проблеме некоторых научных работников. Так, В. В. Лазарев, думая, дискуссионно признавал возможным восполнять пробелы как нормативными, так и индивидуальными средствами [3, с. 39]. В. И. Леушин утверждал, что пробелы предопределены волей законодателя [4, с. 68, 81–91].

Исследуя столь существенные проблемы пробелов в праве, нельзя не обратиться к анализу Г. Гегелем категорий «право» (recht) и «неправо» (unrecht). Г. Гегель убедительно констатировал: «...отрицание и есть неправо... переходит в видимость – в противопоставление друг другу...» [5, с. 137]. В. А. Бачинин обоснованно заметил: ученый обозначил здесь особую волю индивида, демонстрирующую ее отдельность от всеобщей воли и права [6, с. 14].

Учитывая проанализированные общенаучные аргументы, полагаю возможным сформулировать следующие теоретические выводы. Во-первых, право обоснованно рассматривать в качестве единой, однородной и развивающейся системы правовых регуляторов фактических правоотношений, в том числе трудовых правоотношений, нуждающихся в их «организации». Во-вторых, в число правовых регуляторов правоотношений обоснованно включить не только нормы права, но и другие правовые регуляторы, например принципы права. В-третьих, не следует признавать элементом системы права индивидуальные регуляторы, по своей природе являющиеся неправом.

Римские юристы называли новые общественные отношения, нуждающиеся в обязательных регуляторах, «юридическими отношениями» (juris vinculum). Впоследствии их стали именовать, что более точно, «правоотношениями», т. е. отношениями, урегулированными не общесоциальными «мерами организации», а правом, правовыми регуляторами.

Результаты исследования

В связи с изложенными общенаучными и теоретическими аргументами считаю дискуссионными отдельные термины Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ). Например, Кодекс в ст. 5 и ряде других статей оперирует термином «трудовые отношения». Предлагаю использовать термин «трудовые правоотношения» как более соответствующий правовой природе этой категории. Далее: предлагаю изложить ст. 68 ТК РФ в следующей редакции: «В случае фактического допущения работника к исполнению трудовых обязанностей работодатель обязан заключить с ним трудовой договор и оформить приказ (распоряжение) о приеме на работу. Если данные требования закона не выполняются, работник может подать жалобу в суд. Суд вправе вынести обязывающее работодателя решение заключить трудовой договор и издать приказ (распоряжение) о приеме на работу со дня фактического допущения работника к работе». В связи с изложенным необходимо подчеркнуть: трудовые правоотношения не основаны на соглашении сторон, а организованы правовыми регуляторами. Поэтому судебное решение констатирует не возникновение трудовых «отношений» на основании фактического допущения работника к работе, а заключение трудового договора.

К сожалению, в ТК РФ нет статьи, подобной ст. 6 «Применение гражданского законодательства по аналогии» Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Аналогичные по сути нормы есть в семейном праве (ст. 5 Семейного кодекса Российской Федерации); в жилищном праве (ч. 1

ст. 7 Жилищного кодекса Российской Федерации); в гражданском процессуальном праве (ч. 3 ст. 11 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ); в арбитражном процессуальном праве (ч. 6 ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации); административном процессуальном праве (ч. 4 ст. 2 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации). Например, согласно ст. 6 ГК РФ в случаях, когда гражданские правоотношения «прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяется гражданское законодательство, регулирующие сходные отношения (аналогия закона)». Механизм подобного восполнения пробелов в праве – по аналогии – представляется эффективным. Поэтому с целью возможного дополнения ТК РФ статьей с рабочим названием «Реализация правовых регуляторов по аналогии» полагаю целесообразным в специальной литературе по трудовому праву исследовать дискуссионные проблемы реализации ст. 6 ГК РФ и разработать соответствующий проект закона для внесения в ТК РФ.

В. А. Микрюков в работе «Категория аналогии в системе регулирования частноправовых отношений» применил, по-моему, удачное и весьма емкое словосочетание «готовая норма» [7, с. 46]. Принимая во внимание рассмотренные в статье термины, хотелось бы предложить другое понятие: «готовые правовые регуляторы правоотношений».

Указанную категорию «аналогия», на мой взгляд, следует определить как соответствие и соразмерность существенных свойств явлений и отношений. Так, А. А. Старченко сформулировал обоснованный вывод о том, что аналогия – это умозаключение, в соответствии с которым на основании сходства явлений в отдельных признаках делается вывод о возможном сходстве явлений и в других признаках [8, с. 6–7]. Такое толкование позволяет имеющиеся «готовые правовые регуляторы» трудовых правоотношений обоснованно использовать по аналогии при «организации» сходных фактических трудовых правоотношений, находящихся в сфере правового регулирования. В связи с этим некоторые исследователи ставят вопрос о возможности реализации правовых регуляторов гражданских правоотношений в процессе разрешения трудовых споров. Такую возможность убедительно отрицает И. Ю. Воронов, полагая, что гражданское право и трудовое право по своей природе, предмету, методу, целям, а также задачам различаются и не имеют сходных признаков [9, с. 47]. Разделяю эту позицию и в ее развитие считаю целесообразным дополнить ТК РФ соответствующими положениями.

Принимая во внимание проанализированные общенаучные, теоретические, правовые и специальные аргументы, предлагаю рассмотреть предложение о дополнении ТК РФ статьей «Реализация правовых регуляторов правоотношений по аналогии», состоящей из двух частей. В соответствии с нашей целью содержание статьи может быть следующим: «1. В случае, если фактические трудовые правоотношения не организованы полностью или частично специальными правовыми регуляторами и это не противоречит их существу, реализуются имеющиеся правовые регуляторы сходных трудовых правоотношений (аналогия правовых регуляторов сходных трудовых правоотношений). 2. При невозможности реализации по аналогии правовых регуляторов сходных трудовых правоотношений, если это не противоречит их существу, реализуются другие правовые регуляторы сходных правоотношений, в част-

ности основополагающие и общие принципы права (аналогия правовых регуляторов сходных правоотношений)».

Выскажу несколько соображений относительно того, как эти положения могли бы быть реализованы на практике. М. Д. Собянина считает обоснованным выделять принципы институтов российского трудового права, регулирующие отдельную группу общественных отношений [10, с. 4]. При таком теоретическом подходе участники трудовых правоотношений могут обнаружить наличие принципов права одних институтов российского трудового права и пробелы в фактических трудовых правоотношениях других сходных институтов российского трудового права, нуждающихся в выработке правовых регуляторов. В этих случаях, думаю, будет возможно по аналогии применять имеющиеся правовые регуляторы сходных трудовых правоотношений. Необходимо заметить: следует быть особенно внимательным в процессах организации по аналогии процессов регулирования трудовых правоотношений в соответствии с разделом XII ТК РФ «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников». Указанные особенности согласно ст. 252 ТК РФ могут устанавливаться не только законами, но и иными нормативными правовыми актами, а также локальными нормативными актами. При установлении такого рода особенностей работодатель обязан исходить из того, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом и только в той мере, в какой это установлено в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Далее: содержание ст. 2 ТК РФ позволяет установить «основные принципы» правового регулирования трудовых «отношений». С этим термином трудно согласиться, ведь это означало бы, что существуют и «не основные» принципы права, правового регулирования трудовых и иных правоотношений. Обратимся в связи с этим к Конституции Российской Федерации, которая оперирует термином «общие принципы» (например, ст. 72). Проанализированные в статье общенаучные аргументы и теоретические работы дают основания для выделения «общих принципов права».

Более того, думаю, обоснованно признать необходимыми для регулирования в сфере трудовых отношений не только «общие принципы», которые могут организовывать различные «сходные» правоотношения, но и «основополагающие», «общепризнанные» принципы права, образующие «фундамент», «связь» правовых регуляторов правоотношений. Нельзя не упомянуть, например, основополагающий принцип права, содержащийся в ст. 18 Конституции Российской Федерации: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и обеспечиваются правосудием». Поскольку Конституция Российской Федерации имеет не только высшую юридическую силу, но и прямое действие (ч. 1 ст. 15), объективным становится следующий вывод: принципы институтов российского трудового права, общие и основополагающие принципы права – виды правовых регуляторов правоотношений, которые могут быть использованы правоприменителем.

Контрпродуктивным и неубедительным представляется понятие (термин) «аналогия права» в аспекте реальной реализационной практики. Именно практика ставит вопрос: какие «меры организации» правоотношений, в том числе трудовых правоотношений, могут применяться, например, судом по аналогии права, если в праве существует пробел, т. е. при отсутствии правовых регуляторов правоотношений? Традиционно многие специалисты отвечают на этот вопрос так: по усмотрению суда или в соответствии со сложив-

шейся судебной практикой. Однако ни Конституция Российской Федерации, ни нормативные правовые акты не предусматривают эти и им подобные правовые регуляторы правоотношений.

Приведенные общенаучные и теоретические аргументы позволяют сформулировать несколько предварительных положений. Прежде всего: право выступает в качестве единой, однородной, разнообразной и развивающейся системы правовых регуляторов правоотношений, в том числе трудовых правоотношений, нуждающихся в их организации. К числу правовых регуляторов правоотношений, включая трудовые, необходимо отнести не только нормы права, но и другие виды правовых регуляторов. Важно также учитывать, что в презюмируемую систему правовых регуляторов трудовых правоотношений в качестве иных видов правовых регуляторов правоотношений должны входить основополагающие и общие принципы права, а также принципы институтов российского трудового права, организующие «сходные» правоотношения.

Как показывает анализ правоприменения, в этом направлении и развивается актуальная судебная практика.

Например, в определении суда от 18 января 2024 г. по делу № 88-698/2024¹ установлено, что ссылки в кассационной жалобе истца на нормы ГК РФ несостоятельны, поскольку в трудовом праве они не предусмотрены, для трудовых «отношений» не применяются. В этой связи в определении выработано заключение: гражданское «законодательство» к трудовым «отношениям» по аналогии не применяется.

По сути подобный же вывод содержится и в определении суда от 19 июня 2024 г. по делу № 88-17524/2024², в котором суд сделал, по-моему, убедительный вывод: регулирование трудовых «отношений» с помощью аналогии закона применения норм гражданского законодательства противоречит ст. 5 ТК РФ.

Приведу еще один пример позиции судов.

В определении суда от 2 мая 2024 г. по делу № 33-6950/2024³ обоснованно констатируется, что ст. 5 ТК РФ содержит исчерпывающий перечень правовых актов, регулирующих трудовые и иные непосредственно связанные с ними «отношения»; трудовое право имеет свой собственный предмет и метод правового регулирования; применение по аналогии закона правовых регуляторов, не содержащихся в ТК РФ, не предусмотрено.

Такой подход позволил суду обосновать позицию: «...аналогия “закона” выступает универсальным “средством”... преодоления пробелов в трудовом праве» (курсив мой. – В. Е. (мл.).

¹ Определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 января 2024 г. № 88-698/2024 (УИД 77RS0020-02-2022-005337-64). Здесь и далее доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19 июня 2024 г. по делу № 88-17524/2024 (УИД 23RS0011-01-2022-004663-83).

³ Определение судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 2 мая 2024 г. № 33-6950/2024 (УИД 61RS0005-01-2023-006324-13).

Необходимо заметить, что, мотивируя свое решение, суд сослался на ч. 3 ст. 11 ГПК РФ, полагая, что содержание указанной нормы процессуального права не исключает применение аналогии закона в производстве по разрешению трудового спора «как одной из разновидностей гражданского судопроизводства». На мой взгляд, более убедительно было бы сослаться на соответствующие основополагающие или общие принципы права, регулирующие сходные правоотношения и содержащиеся в Конституции Российской Федерации.

К сожалению, в специальных работах по трудовому праву недостаточно концептуальных монографий, диссертаций и статей по проанализированным проблемам. Многие авторы исходят из уже опровергнутых практикой правоприменения доктрин. Например, В. Б. Дресвянкин в соответствии с концепцией юридического позитивизма утверждает: сфера правового регулирования «общественных отношений» «опосредуется» только нормами права, поэтому пробелом в праве автор признает лишь отсутствие норм права «в общественных отношениях» [11, с. 13, 20]. По мнению А. В. Ашихминой, пробелы в трудовом праве могут преодолеваются «на основе» правовых принципов, которые «выводятся» из «совокупности юридических норм» [12, с. 7, 29].

На мой взгляд, во-первых, сфера правового регулирования фактических правоотношений, в том числе трудовых правоотношений, складывается активно, исходя из правовых интересов участников фактических трудовых правоотношений, а государство должно своевременно и объективно вводить необходимые правовые регуляторы. Во-вторых, в соответствии с интегративным правопониманием пробела в праве нет, если имеются принципы права. В-третьих, принципы права не «выводятся» из «совокупности юридических норм», напротив: в соответствии с принципами права в результате их конкретизации должны вырабатываться нормы права.

Вырабатывая компромиссную точку зрения, Д. Ю. Гладких предложил выделить принципы права в самостоятельный институт норм-принципов трудового права с тем пониманием, что принципы трудового права выражаются в правовых нормах [13, с. 7, 17]. В соответствии же с интегративным правопониманием принципы права и нормы права – это различные правовые регуляторы правоотношений, в частности трудовых правоотношений. С. Ю. Головина, ссылаясь на ч. 1 ст. 11 ГПК РФ, пришла к выводу о том, что эта норма является «законодательной основой», в соответствии с которой в случае отсутствия норм права, регулирующих спорные «отношения», суд применяет нормы права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии таких норм разрешает дело, исходя из общих начал и смысла законодательства (аналогия права) [14, с. 12]. Этот вывод представляется дискуссионным. Как было подчеркнуто ранее, «сходство» каких-либо урегулированных правовых регуляторами правоотношений и не «организованных» фактических правоотношений, находящихся в сфере правового регулирования, объективно следует устанавливать в процессах анализа их существенных признаков, определенных в материальном, а не в процессуальном праве.

Заключение

Исследованные общенаучные, теоретические и правовые аргументы, специальные научные работы по трудовому праву, судебная практика судов общей юрисдикции и Верховного Суда Российской Федерации дают основания сформулировать следующие заключительные выводы.

Первый: трудовое право – это интегрированная, однородная, многоуровневая, развивающаяся система разнообразных видов правовых регуляторов, «организующих» фактические трудовые правоотношения.

Второй: наличие пробела в сфере правового регулирования фактических трудовых правоотношений признается при полном или частичном отсутствии правовых регуляторов фактических трудовых правоотношений, в том числе основополагающих и общих принципов права, принципов институтов российского трудового права и других видов правовых регуляторов.

Третий: в ситуации пробела в праве применительно к урегулированию трудовых правоотношений и разрешению трудовых споров необходимо применять, по моей фразеологии, «готовые правовые регуляторы», которыми признаются основополагающие или общие принципы права, нормы права, принципы институтов российского трудового права.

Список источников

1. Лазарев В. В. Понятие пробелов в праве // Избранные труды : в 3 т. Т. 2 : Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. М. : Новая юстиция, 2010. 500 с.
2. Пиголкин А. С. Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 49–57.
3. Лазарев В. В. Сфера и пределы правового регулирования // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 38–44.
4. Леушин В. И. Динамичность советского права и восполнение пробелов в законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. 239 с.
5. Гегель Г. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
6. Бачинин В. А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // Государство и право. 2001. № 5. С. 14–20.
7. Микрюков В. А. Категория аналогии в системе регулирования частно-правовых отношений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. 694 с.
8. Старченко А. А. Роль аналогии в познании. М. : Высш. шк., 1961. 52 с.
9. Воронов И. Ю. Применение правовых регуляторов гражданских правоотношений при разрешении трудовых споров // Российское правосудие. 2024. № 10. С. 37–51.
10. Собянина М. Д. Принципы институтов российского трудового права : дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2006. 154 с.
11. Дресвянкин В. Б. Пробелы в российском трудовом праве : дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2001. 163 с.
12. Ашихмина А. В. Аналогия в советском трудовом праве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979. 172 с.
13. Гладких Д. Ю. Воздействие принципов трудового права на правовое регулирование служебно-трудовых отношений в органах внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2002. 190 с.
14. Головина С. Ю. Способы преодоления судами пробелов и иных дефектов трудового законодательства // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 11–14.

References

1. Lazarev V. V. Concepts of legal gaps. In: V. V. Lazarev. *Selected works*. In 3 vols. Vol. 2. Legislative gaps: identification, overcoming and elimination. Moscow: Novaya yustitsiya; 2010. 500 p. (In Russ.)
2. Pigolkin A. S. Detection and overcoming of legal gaps. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = *Soviet State and Law*. 1970;(3):49-57. (In Russ.)
3. Lazarev V. V. Scope and limits of legal regulation. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = *Soviet State and Law*. 1970;(11):38-44. (In Russ.)
4. Leushin V. I. *Dynamism of soviet law and filling legal gaps*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Sverdlovsk; 1971. 239 p. (In Russ.)
5. Hegel G. W. F. *Philosophy of right*. Moscow: Mysl'; 1990. 524 p. (In Russ.)
6. Bachinin V. A. Non-right (negative right) as a category and social reality. *State and Law*. 2001;(5):14-20. (In Russ.)
7. Mikryukov V. A. *Analogy category in private law regulation system*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2024. 694 p. (In Russ.)
8. Starchenko A. A. *Role of analogy in cognition*. Moscow: Vysshaya shkola; 1961. 52 p. (In Russ.)
9. Voronov I. Yu. Application of legal regulators of civil law relations in the resolution of labor disputes. *Rossiyskoe pravosudie* = *Russian Justice*. 2024;(10):37-51. (In Russ.)
10. Sobyagina M. D. *Principles of institutes of Russian labor law*. Cand. Sci. Law Dissertation. Perm; 2006. 154 p. (In Russ.)
11. Dresvyankin V. B. *Gaps in Russian labour law*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Perm; 2001. 163 p. (In Russ.)
12. Ashikhmina A. V. *Analogy in Soviet labour law*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Sverdlovsk; 1979. 172 p. (In Russ.)
13. Gladkikh D. Yu. *Impact of principles of labour law on legal regulation of service-labour relations in internal affairs bodies*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Perm; 2002. 190 p. (In Russ.)
14. Golovina S. Yu. Means of overcoming gaps and other labor law defects by courts. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* = *Labour Law in Russia and Abroad*. 2018;(4):11-14. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Ершов Валентин Валентинович (мл.), кандидат юридических наук.
Valentin V. Ershov, Jr., Cand. Sci. (Law).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
 The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 19.12.2025; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 28.04.2026.
 The article was submitted 19.12.2025; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 28.04.2026.

Научная статья

УДК 349.6(075.8)

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.73-92

Правовое регулирование экологического туризма: российский и международный опыт

Дария Вячеславовна Ткачук

*Институт права и национальной безопасности,
Президентская академия, Москва, Российская Федерация
ivanova-dv@ranepa.ru*

Аннотация

Введение. Целями настоящей статьи являются выделение и исследование основных направлений регулирования экологического туризма. Подробно рассматриваются положения нормативных правовых актов об экотуризме и тенденции развития законодательства, включая особо охраняемые природные территории.

Теоретические основы. Методы. Вопросы правового регулирования экологического туризма в Российской Федерации рассматриваются на основе института экологического туризма, концепция которого постепенно начинала формироваться в исследованиях специалистов различных отраслей, впоследствии получив свое развитие и поддержку на уровне международных организаций. Методами исследования являются сравнительно-правовой и иные методы, которые применяются в социальных науках.

Результаты исследования. Исследованы международные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы экологического туризма. Дано авторское определение экологического туризма для целей правового регулирования. Обоснован тезис об отсутствии четкого регулирования экологического туризма в рамках российского законодательства.

Обсуждение и заключение. На данном этапе правового регулирования существует две задачи: 1) установление понятийного аппарата экологического туризма и его субъектов; 2) предоставление субъектам экологического предпринимательства особых гарантий и мер поддержки. Устранение данных пробелов предоставит возможности для субъектов экологического предпринимательства использовать свои ресурсы и деятельность для сохранения окружающей среды.

Ключевые слова: экологический туризм, экологическое предпринимательство, особо охраняемые природные территории, охрана окружающей среды

Благодарности: Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием РАНХиГС на 2026 год в рамках научно-исследовательской работы № 12.9-2026-1 «Экологический туризм: совершенствование законодательной модели в условиях развития экологического благополучия в России» (ID 8480).

Для цитирования: Ткачук Д. В. Правовое регулирование экологического туризма: российский и международный опыт // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 2. С. 73–92. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.73-92.

Original article

Legal Regulation of Ecological Tourism: Russian and International Experience

Dariya V. Tkachuk

*Institute of Law and National Security, Presidential Academy,
Moscow, Russian Federation
ivanova-dv@ranepa.ru*

Abstract

Introduction. This article aims to identify and examine the main areas of ecotourism regulation. It examines in detail the provisions of ecotourism regulations and legislative development trends, including those related to specially protected natural areas.

Theoretical Basis. Methods. Issues of legal regulation of ecological tourism in the Russian Federation are considered on the basis of the institution of ecological tourism, the concept of which gradually began to take shape in the research of specialists from various fields, subsequently receiving its development and support at the level of international organizations. The research methods include comparative legal, historical, and other methods used in the social sciences.

Results. This article examines international regulations governing ecotourism. A definition of ecotourism for legal regulation purposes is provided. The author substantiates the thesis regarding the lack of clear regulation of ecotourism within Russian legislation.

Discussion and Conclusion. At this stage of legal regulation, two objectives exist: 1) establishing a conceptual framework for ecotourism and its entities; 2) providing environmental entrepreneurs with special guarantees and support measures. Addressing these gaps will open up opportunities for environmental entrepreneurs to use their resources and activities to preserve the environment.

Keywords: ecotourism, eco-entrepreneurship, specially protected natural areas, environmental protection

Acknowledgment: The article was prepared in accordance with the state assignment of RANEPa for 2026 as part of research work No. 12.9-2026-1 "Ecotourism: Improving the Legislative Model in the Context of Environmental Well-Being Development in Russia" (ID 8480).

For citation: Tkachuk D. V. Legal regulation of ecological tourism: Russian and international experience. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(2):73-92. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.73-92.

Введение

В XX веке проблемы охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов начали выходить на уровень глобальной повестки. В настоящее время данные вопросы не потеряли новизны и продолжают

оставаться востребованной темой научных дискуссий и разноплановых предложений исследователей в различных отраслях на теоретическом и практическом уровнях. Это подтверждается тем, что в 1999–2015 гг. только в России было защищено 46 диссертаций, причем наибольшее количество диссертационных исследований было проведено в области экономики, географии, социологии и истории [1, с. 133–134].

Рост внимания к экологическим проблемам обусловлен изменениями климата и ухудшением состояния окружающей среды. Эти процессы вынуждают государства формировать систему экологических требований и стандартов, обязательных для всех участников хозяйственных отношений. В связи с этим в некоторых областях правового регулирования данной сферы акцент стал переноситься с принудительных механизмов воздействия государственных органов на поощрительные инструменты воздействия на самих субъектов предпринимательской деятельности, а также на их вовлечение в природоохранную деятельность. Такое сочетание регулятивных и поощрительных инструментов приводит к формированию сферы, которую в российской научной литературе обозначают как экологическое предпринимательство. Отметим, что в некоторых странах ЕС используются термины «устойчивое» или «зеленое» предпринимательство [2], однако в Российской Федерации наибольшее распространение получил именно термин «экологическое» предпринимательство, а «экотуризм» рассматривается как один из его видов.

Теоретические основы. Методы

В настоящее время ведется большое количество дискуссий по вопросам определения понятия, видов и форм описываемого правового явления. Учеными подчеркивается перспективность экологического аудита, экологического страхования и экологического туризма [3]. В настоящей статье исследуется именно институт экологического туризма, концепция которого постепенно начинала формироваться в исследованиях специалистов различных отраслей, впоследствии получив свое развитие и поддержку на уровне международных организаций.

В статье анализируются вопросы формирования правового регулирования экологического туризма в Российской Федерации, рассматриваются проблемы в правовом регулировании данной сферы и оценивается, насколько регулирование соответствует международным подходам.

Проблемы правового регулирования экологического туризма состоят в отсутствии единообразного и устойчивого нормативного определения данного вида деятельности на законодательном уровне, несогласованности некоторых российских подходов с международными стандартами, фрагментарности и противоречивости регулирования, что препятствует формированию целостной модели экологического туризма и ограничивает возможности его развития как вида экологического предпринимательства.

Методологическую основу прежде всего составляет сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить российское и зарубежное регулирование. Применяются также формально-юридический метод для анализа нормативных актов и системный подход, обеспечивающий рассмотрение экологического туризма во взаимосвязи с другими институтами экологического регулирования.

В целях обеспечения последовательности исследования первоначально представляется необходимым обратиться к понятийному аппарату экологического туризма, а затем перейти к выявлению его сущностных характеристик и особенностей правового регулирования.

Результаты исследования

Массовый туризм сопровождается большими социальными и экологическими рисками, в связи с чем и возникает понятие экологического туризма как ответственной модели построения досуга [4]. В настоящее время, по мнению ряда ученых, экологический туризм может занимать около 20% на мировом рынке туризма [5]. Обратимся к известным и распространенным подходам к определению экологического туризма. Впервые ввел понятие «экотуризм» Эктор Себальос-Ласкурайн. Согласно его дефиниции «экотуризм – это экологически ответственный вид туризма, заключающийся в поездках или посещениях природных территорий без нарушения их целостности и с целью наслаждения, оценки и изучения природных ценностей (ландшафта, флоры и фауны) этих территорий, а также любых (прошлых или современных) культурных проявлений, которые могут там быть обнаружены, посредством процесса, способствующего сохранению, оказывающего минимальное негативное воздействие на культуру и окружающую среду, а также способствующего активному и социально-экономически выгодному участию местных сообществ»¹. Приведенное определение, по нашему мнению, отражает функции и направленность экологического туризма.

В международной практике экологический туризм реализуется посредством различных форм: организации многодневных походов для обеспечения заказами местного населения (Непал); развития модели экотуризма под управлением общественных организаций (Кыргызстан); государственно-частного партнерства (Индия); дополнительных требований в части лицензирования данной деятельности (Австралия) [6, с. 15–19]; управления деятельностью на межмуниципальном уровне (Норвегия)². Указанные обстоятельства обуславливают значительный интерес к проблемам экологического туризма в научной зарубежной среде [7; 8; 9; 10].

В Модельном законе «О туристской деятельности» указано, что «экологический туризм – природоориентированная туристская деятельность, имеющая целью организацию отдыха или получение естественнонаучных или практических знаний и опыта, не наносящая вред природной среде»³.

Возрастающие потребности общества в туристических услугах создают основания для правового регулирования данной сферы, вследствие чего мож-

¹ An Interview with Héctor Ceballos-Lascuráin // Inkaterra Blog. URL: <https://www.inkaterra.com/blog/an-interview-with-hector-ceballos-lascurain/> (дата обращения: 01.08.2025).

² Международный опыт развития экологического туризма на ООПТ / Агентство стратегических инициатив. М., 2022. URL: https://asi.ru/upload/library/OOPT_book_1_singlepage.pdf (дата обращения: 10.12.2025).

³ Модельный закон «О туристской деятельности» (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 14 ноября 2008 г. № 31-9) // Информационный бюллетень МПА СНГ. 2008. № 49.

но говорить о понятии экологического туризма не только на международном уровне, но и на национальном.

Существует правовое определение туризма в целом, которое содержится в ст. 1 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»⁴: это «временные выезды (путешествия) граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – лица) с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания». Как видно, в понятие туризма заложено понимание, ограниченное целями выезда туриста.

В Законе о туристской деятельности при раскрытии основных понятий закреплён перечень различных видов туризма, однако самостоятельное определение экологического туризма в нём отсутствует, что вызывает обоснованные сомнения в аспекте системности регулирования. Теоретически можно допустить, что законодатель подразумевал экологический туризм в рамках самодеятельного туризма, под которым понимается осуществление туристской деятельности без участия специализированных организаций. Однако подобное отождествление является методологически ошибочным, поскольку экологический туризм выделяется не способом организации поездки, а ее целевой направленностью и содержанием.

Попытка дать легальное определение экологического туризма была сделана Правительством Российской Федерации в 2018 г.: *экологический туризм* определен как «путешествие с целью наблюдения и приобщения к природе, основными принципами которого являются рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды»⁵. После этого понятие экологического туризма, классификация его видов были раскрыты в положениях Национального стандарта Российской Федерации «Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования»⁶ как деятельности, направленной на организацию путешествий в различных формах природного туризма путем изучения природы и культурных достопримечательностей, при бережном отношении к природе и ее сохранности. Расширенная классификация экологических туров по различным основаниям, содержащаяся в п. 4 Стандарта о туристских услугах, также заслуживает определенного внимания. Данный

⁴ Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 49. Ст. 5491; 2025. № 30 (ч. II). Ст. 4409. (Далее – Закон о туристской деятельности.)

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 мая 2018 г. № 872-р (ред. от 11.07.2019) «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ ГОСТ Р 56642–2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 29.12.2021 № 1879-ст) (далее – Стандарт об туристских услугах). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

перечень оставлен открытым, что дает определенную свободу для субъектов экологического предпринимательства.

Благодаря этому можно определить *экотуризм* как регулирование путешествий (въезда и выезда) на территории, которые обладают особенностями, выражающимися в климате, географии, истории. Данные путешествия могут быть для туристов оздоровительными, познавательными, а посетители (туристы) должны сохранять привлекательность окружающего мира и охранять его от загрязнений и иных негативных воздействий.

Между тем Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 28 мая 2025 г. № 23-П не использует термин «экологический туризм», оперируя вместо него иными категориями: «рекреационная деятельность», «познавательный туризм», которые находятся в смысловой связи с рассматриваемым понятием, но не раскрывают его в полной мере. Представляется, что Суд фактически описывает деятельность, совпадающую по своим характеристикам с экологическим туризмом, однако вынужден употреблять легальные понятия в силу отсутствия соответствующей дефиниции в действующем законодательстве⁷. В то же время в иных немногочисленных судебных актах судов нижестоящих инстанций наблюдается более гибкий терминологический подход – встречаются, например, такие понятия, как «агро/экотуризм»⁸, «индустрия экотуризма»⁹.

Ситуация, когда суды избегают термина, подменяют его иными понятиями или, наоборот, используют вольно, лишь подтверждает необходимость законодательного закрепления понятия «экологический туризм».

Исследователями при изучении экологического туризма выделялись как рекреационная, природоохранная, так и экономическая функции. Указанные функции восприняты всем мировым сообществом в целом, включены в цели каждого государства или предполагаются в этом качестве с использованием различных способов гарантий и поддержки.

Первые шаги по формированию понятия экологического туризма были сделаны при принятии Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию¹⁰ на Конференции ООН в 1992 г., в которой были предусмотрены основные принципы сохранения окружающей среды, партнерства государств по созданию условий в целях сохранения, защиты и восстановления

⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2025 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности абзаца четвертого пункта 1 Постановления Совета Министров РСФСР «О создании Прибайкальского национального парка в Иркутской области». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 июля 2025 г. по делу № А41-1206/2024 // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 10.12.2025).

⁹ Определение Арбитражного суда Калининградской области от 13 октября 2025 г. по делу № А21-12212/2022 // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁰ Environment // United Nations Global Compact : [website]. URL: <https://unglobalcompact.org/what-is-gc/our-work/environment> (дата обращения: 10.12.2025).

здорового состояния и целостности экосистемы Земли. В указанной Декларации уделено внимание ответственности государств, чтобы действия одного государства не наносили ущерб окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции. Экосистемный подход, представляющий собой комплексную стратегию управления ресурсами, является основой деятельности в рамках Конвенции.

Представляется интересным и действующий в экологической сфере принцип предосторожности. Его содержание сводится к тому, что при наличии риска существенного ущерба биологическому разнообразию меры, направленные на его предотвращение либо ограничение, должны приниматься независимо от степени научной определенности последствий. Иными словами, неопределенность научных данных не может служить основанием для бездействия со стороны государства и иных субъектов регулирования [11].

Провозглашение и установление основных принципов поведения на государственном уровне формируют основные начала существующих стратегий и правовых основ действующего национального законодательства на территории каждого государства.

Также немаловажную роль в регулировании экологического туризма играют следующие конвенции¹¹: Об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.; О биологическом разнообразии 1992 г.; О международных водно-болотных угодьях 1972 г.; По сохранению мигрирующих видов диких животных 1979 г.; Об охране дикой фауны и флоры 1979 г.; О международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящихся под угрозой исчезновения, 1973 г.

Внимание законодателей к вопросам правового регулирования биологического разнообразия объясняется тем, что уменьшение видов является частью глобального экологического кризиса, неэффективной политики отдельных государств и институциональной неэффективности, что влечет за собой постепенное уменьшение биоразнообразия на нашей планете. Для большинства растений и животных, стоящих на пороге вымирания, именно потеря мест обитания является главной угрозой, поэтому их защита – важный аспект в сохранении биоразнообразия [12].

Как отмечается в правовой литературе, европейской школе экотуризма свойственны следующие *принципы природоохранной деятельности*, основанные на социальной ответственности туризма за счет регионального вмешательства¹²:

- отсутствие ущерба окружающей среде или допуск минимального ущерба, не подрывающего ее устойчивость;
- развитие экологического просвещения и формирование отношений партнерства с природой;
- забота о сохранении географической культурной среды;
- развитие районов и поддержание природных ресурсов;
- экономическая эффективность для экосистемы [13, с 21].

В указанных выше целях Евросоюзом были разработаны взаимосвязанные программы действий в области охраны окружающей среды, в настоя-

¹¹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Эйтингон А. И. Экологический туризм : курс лекций. М. : РМАТ, 2001. 37 с.

щее время действует 8-я Программа¹³. Главным направлением программ является Европейский зеленый курс в области охраны окружающей среды и изменения климата. Среди положений действующей 8-й Программы представляется логичным обратить внимание на п. 29, где раскрывается термин «экосистемный подход», под которым понимается «стратегия комплексного управления земельными, водными и живыми ресурсами, способствующая сохранению и устойчивому использованию на справедливой основе, чтобы помочь достичь баланса между тремя целями этой Конвенции, а именно: сохранением, устойчивым использованием и совместным использованием выгод от биологического разнообразия»¹⁴. Следует отметить, что указанные положения конвенций имплементируются государствами на национальном уровне и применяются с помощью различных средств и способов поддержки. Вернее было бы сказать, что признана приоритетность публичных интересов, выражающихся в сохранении природных ресурсов, над частными, где существует потребность получения прибыли от организации туристской деятельности на природных объектах.

Помимо этого, на охраняемых природных территориях государство вводит следующие ограничения для туристов: зонирование территорий; число посетителей; разработку правил посещений; систему разрешений и пропусков на территорию, включая рекреационные сборы, тарифы и штрафы; ограничение проезда и требований к транспорту на территории охраняемой зоны; осуществление работ по благоустройству; очистку территорий и многие иные. Указанные выше требования содержатся в Федеральном законе от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»¹⁵. Собственно, организация и осуществление туризма, как и его безопасность на особо охраняемых природных территориях (далее – ООПТ), регулируются постановлением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2023 г. № 2229 «Об утверждении Правил организации и осуществления туризма, в том числе обеспечения безопасности туризма на особо охраняемых природных территориях федерального значения»¹⁶. Приведенные типовые правила отражают особенности охраняемых территорий в зависимости от категории земель и их использования, что свидетельствует о разработке комплекса нормативных правовых документов, регулирующих данные отношения.

Однако осуществление экотуризма на особо охраняемых природных территориях сопряжено со значительными трудностями, поскольку предполагает одновременное соблюдение природоохранных требований, учет инте-

¹³ EU Policies and Regulations // WECOOП : [website]. URL: <https://wecoop.eu/ru/regional-knowledge-centre/eu-policies-regulations/> (дата обращения: 05.08.2025).

¹⁴ 8th Environment Action Programme (8EAP). URL: https://wecoop.eu/wp-content/uploads/2020/04/8EAP_ru.pdf (дата обращения: 03.08.2025).

¹⁵ Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об особо охраняемых природных территориях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 12. Ст. 1024; 2024. № 33 (ч. II). Ст. 5004. (Далее – Закон об ООПТ.)

¹⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 52. Ст. 9657. Срок действия документа – до 1 сентября 2030 г.

ресов местного населения и экономических ожиданий инвесторов. При отсутствии выстроенных механизмов управления развитие таких территорий, как правило, смещается в сторону упрощенных форм курортного освоения, характеризующихся сезонностью и фрагментарностью, что приводит к росту антропогенной нагрузки и не обеспечивает достижение целей устойчивого развития [14]. Кроме того, в научных исследованиях зарубежных авторов даже отмечается, что реализация экотуристических проектов не тождественна обеспечению охраны окружающей среды и при отсутствии действенных механизмов управления, а также участия местного населения экотуризм способен утрачивать свою природоохранную функцию [15].

Отметим также, что в рамках государственной программы «Охрана окружающей среды» в Российской Федерации реализуется федеральная программа «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» национального проекта «Экология»¹⁷. Мероприятия проекта направлены на достижение целей и задач по сохранению биологического разнообразия, в том числе посредством создания не менее 24 новых особо охраняемых природных территорий, увеличения их площади на 5,0 млн га, реинтродукции редких видов животных, создания инфраструктуры для экологического туризма в национальных парках¹⁸. Интересно и то, что выбор туристами особо охраняемых природных территорий во многом определяется воспринимаемой ценностью экосистемных услуг, прежде всего качеством окружающей среды, биоразнообразием и возможностью потребления локальных продуктов [16].

Сеть ООПТ России представляет собой уникальное явление – систему ненарушенных природных территорий, охватывающую значительную часть природных зон самой большой страны мира [17]. На начальном этапе формирования системы особо охраняемых природных территорий в Российской Федерации приоритет в течение длительного времени отдавался созданию заповедников как основной формы территориальной охраны природы. Это объяснялось большой территорией России, которая не подвергалась значительному воздействию человека, научными традициями и низкой средней плотностью населения [18, с. 26].

Следует отметить, что под государственными природными заповедниками понимаются особо значимые территории, на них полностью изымаются из хозяйственного использования особо охраняемые природные комплексы и объекты (водные объекты, земля, недра, животный и растительный мир), имеющие эколого-просветительское, научное, природоохранное значение как образчики естественной природной среды, редкие или типичные ландшафты, места сохранения генетического фонда животного и растительного мира [19, с. 128]. Ф. Р. Штильмарк связывал назначение заповедного дела прежде

¹⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 326 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18. Ст. 2171.

¹⁸ О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2023 году. Проект государственного доклада / Минприроды России ; Интеллектуальная аналитика ; Дирекция НТП ; Фонд экологического мониторинга и международного технологического сотрудничества. М. : 2024. С. 608.

всего с осуществлением научной деятельности, из чего делался вывод о приоритетной роли заповедников по сравнению с иными видами особо охраняемых природных территорий [20]. В то же время В. В. Петров рассматривал создание ООПТ как специальный организационно-управленческий инструмент, направленный на изъятие природных комплексов из хозяйственного использования в целях реализации общественно значимых задач, формирования научных основ природопользования и распространения идей охраны природы¹⁹.

При принятии решения об отнесении территории к ООПТ учитываются критерии, закрепленные в Законе об ООПТ. Кроме того, учеными отмечен ряд критериев ООПТ сверх установленных законодательством Российской Федерации, к которым относятся следующие:

а) по территориальному положению: если рассматриваемая территория охватывает границы двух и более субъектов Российской Федерации либо расположена вблизи государственной границы, а также в пределах исключительной экономической зоны или континентального шельфа; она подлежит отнесению к особо охраняемым природным территориям федерального значения. В случаях, когда территория полностью находится в границах одного субъекта Российской Федерации, вопросы ее охраны относятся к компетенции регионального уровня;

б) по признаку уникальности: территория должна отличаться особыми природными характеристиками, включая наличие редких или находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений, занесенных в Красную книгу Российской Федерации либо соответствующего субъекта Федерации. Кроме того, значение имеют типичные для России природные ландшафты, а также природные комплексы, обладающие повышенной экологической, рекреационной, научно-просветительской или историко-культурной ценностью;

в) по критерию значимости: данный критерий обусловлен международными обязательствами Российской Федерации в сфере формирования и поддержания сети ООПТ. Он включает отнесение соответствующих территорий к объектам всемирного природного наследия, водно-болотным угодьям международного значения, а также необходимость охраны мигрирующих видов фауны, ареалы которых охватывают территорию России и сопредельных государств [21].

В настоящее время существует множество проблем, связанных с правовым режимом ООПТ. Так, отсутствие информации о земельных участках в Едином государственном реестре недвижимости приводит к нарушению территориальной целостности ООПТ, природной среды, животного и растительного мира. Отсутствие зарегистрированных границ, внесенных в ЕГРН, может приводить к увеличению доли совершения противоправных действий [22].

Правовое регулирование отношений в сфере особо охраняемых природных территорий носит комплексный иерархический характер, поскольку осуществляется посредством как норм общего законодательства, так и специальных нормативных правовых актов. Назначение такой системы состоит в

¹⁹ Петров В. В. Правовая охрана природы в СССР : учеб. М. : Юрид. лит., 1984. С. 120.

создании необходимых юридических предпосылок для становления и расширения сети ООПТ на территории Российской Федерации, а также для обеспечения охраны расположенных в их границах типичных и уникальных природных комплексов [23].

В условиях массовой застройки крупных городов создание ООПТ выполняет роль сдерживающего фактора, способствующего сохранению баланса между инвестиционными интересами крупного бизнеса и общественной пользой, обеспечивая долгосрочную устойчивость и жизнеспособность мегаполиса.

С учетом этого фактора Л. П. Дехтеревой введено понятие «особо охраняемая городская природная территория», под которым предлагается понимать расположенные в границах города земельные участки и водные объекты, включая воздушное пространство над ними, а также иные природные компоненты, образующие природно-административные комплексы. Назначением таких территорий является сохранение и восстановление природной среды городской застройки, а также осуществление природоохранных, научных, культурных, эстетических, рекреационных и оздоровительных функций при условии установления уполномоченными органами специального режима использования и охраны [24, с. 15].

Указанные особо охраняемые природные территории выступают одним из ключевых элементов обеспечения экологически безопасной городской среды. С одной стороны, они способствуют стабильному функционированию природных экологических систем, выполняя средоформирующие и защитные функции, с другой – создают благоприятные условия для жизнедеятельности населения, формируя комфортную среду проживания и возможности для отдыха в природном окружении [25, с. 4].

Возвращаясь к основным положениям Закона об ООПТ, следует отметить ряд нововведений: понятие «экологический туризм» заменено на понятие «туризм на ООПТ»; появилась деятельность по организации и осуществлению туризма, реализуемая инвесторами или иными субъектами экологического предпринимательства; предоставляются возможности строительства объектов капитального строительства и иных сооружений на территории государственного природного заповедника, которые необходимы для организации или осуществления туризма; предусмотрены охрана территории ООПТ и обеспечение сохранности природных ресурсов, ограничение количества посетителей ООПТ; разрешена рекреационная деятельность в национальных парках и иное.

Среди указанных нововведений важным представляется создание условий для экологического предпринимательства, благодаря чему возможны улучшение статуса ООПТ, прокладка экотроп, уже созданы инфраструктура, музеи и достигнуты иные задачи. Указанная выше деятельность ранее лежала вне поля правового регулирования. В настоящее время политика законодателя включает ограничение количества рекреантов ООПТ, создание инфраструктуры туристской деятельности, поддержку сохранности окружающей среды.

Обсуждение и заключение

По итогам проведенного анализа проблем выработано авторское определение экологического туризма. *Экологический туризм* – это вид туристской де-

тельности, осуществляемой на особо охраняемых природных территориях и иных природных объектах, предполагающий взаимодействие с природными комплексами и обеспечивающий рекреационную и экономическую функции при строгом соблюдении природоохранных режимов.

Полагаем, что в широком смысле понятие экологического туризма тесно взаимосвязано с субъектами экологического предпринимательства, круг которых также должен быть закреплен на законодательном уровне. Как справедливо отмечается в правовой литературе, «из поля зрения законодателя выпадает как общая характеристика экологического предпринимательства, его понятийно-категориальный аппарат, критерии и признаки, круг его субъектов» [26, с. 39]. Специфика экологического туризма в российском праве, возможно, как и в других государствах, состоит в содействии ему со стороны особых участников природоохранной деятельности – предпринимателей, призванных быть основными субъектами экономического развития, от активизации и усилий которых во многом зависят состояние природных ресурсов и ход экологического развития [27, с. 205]. Полагаем, что обосновать отдельный вид субъектов предпринимательской деятельности в праве, именую их экологическими предпринимателями с особым правовым статусом, будет довольно сложной задачей. Однако формированию понятия экологического предпринимателя, по нашему мнению, могут служить две цели для данного субъекта: извлечение прибыли и соблюдение требований по охране окружающей среды. Представляется, что главным отличием субъекта предпринимательской деятельности от субъекта экологического предпринимательства является двойное целеполагание. К следующему отличию можно отнести отсутствие прямых ограничений в виде деятельности у субъектов предпринимательства и четкую определенность у субъектов экологического предпринимательства: получение прибыли и дополнительную цель, связанную с экологией или иным поддержанием окружающей среды. Вместе с тем правовая регламентация их деятельности поможет субъектам экологического туризма получать поддержку от государства.

Следует отметить, что экологический туризм является одним из видов экосистемных услуг, поскольку напрямую связан с природным капиталом [28]. В то же время этот вид туризма представляет собой колоссальную нагрузку для состояния окружающей среды. Взаимодействуя с природой, туристы производят изменения компонентов окружающей среды (эрозия почвы, загрязнение воды и воздуха, уничтожение флоры и фауны) [29]. На практике ряд особо охраняемых природных территорий испытывает существенное воздействие со стороны инфраструктурных проектов, в том числе связанных с развитием туристической застройки. Между тем Земельный кодекс Российской Федерации устанавливает, что на землях государственных природных заповедников, включая биосферные, национальные и природные парки, государственные природные заказники, памятники природы, дендрологические парки и ботанические сады, не допускается осуществление деятельности, не направленной на сохранение и изучение природных комплексов и объектов, а также не предусмотренной федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Кроме того, в границах особо охраняемых природных территорий запрещается изъятие земельных участков либо иное

прекращение прав на землю для целей, противоречащих их целевому назначению²⁰.

Несмотря на наличие указанных ограничений, в отдельных случаях принимаются решения об изменении границ ООПТ в пользу реализации экономических интересов.

Так, при подготовке и проведении XXII зимних Олимпийских игр был фактически ослаблен заповедный режим в горных районах, прилегающих к Красной Поляне. В границах Сочинского национального парка было разрешено размещение не только рекреационных, но и спортивных объектов, а также гостиниц и элементов инженерной инфраструктуры, что привело к масштабному изменению ландшафтов и растительного покрова на площади около 600 га [30].

В то же время туристско-рекреационный потенциал может выполнять и охранную функцию, поскольку наличие привлекательных природных и историко-культурных объектов, а также развитие познавательного туризма и организованной, регулируемой рекреации без нанесения ущерба охраняемым ландшафтам и экосистемам способствуют формированию бережного отношения общества к природным ресурсам и стимулируют принятие мер по их сохранению.

Основной проблемой современного туристского комплекса Российской Федерации является неравномерное распределение туристского потока. Сезонный характер туристской деятельности существенно ограничивает возможности регионов по достижению стабильной динамики развития. В целях перехода туристских территорий к модели устойчивого развития необходимо в полной мере задействовать их рекреационные ресурсы, а также обеспечивать согласование интересов всех участников и сбалансированность экологических, экономических и социальных компонентов устойчивости [31].

Правовые основы в сфере взаимодействия населения и природы определены Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»²¹. Согласно преамбуле Закона его действие распространяется также на отношения между участниками экономической (хозяйственной) и иной деятельности в области природных объектов, однако понятия «субъекты экологического туризма», «экологическое предпринимательство» в нем не установлены.

Приоритетным направлением развития национальной экономики признан туризм, обеспечивающий привлекательный имидж государства и регионов, направленный на международное взаимодействие, культурную коммуникацию, что получило отражение в Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 г.²² Для субъектов экологического предпринимательства

²⁰ Боголюбов С. А. Экологическое право России : учеб. М. : Юрайт, 2011. С. 28–30.

²¹ Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступившими в силу 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

²² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. № 2129-р (ред. от 29.05.2025) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 39. Ст. 5460; 2025. № 22 (ч. II). Ст. 2971.

участие в сфере экологического туризма основывается на материальной поддержке государства. По мнению некоторых ученых, экотуризм выступает единственной формой туристской деятельности, допустимой в России на ООПТ [32, с. 7].

Среди новелл, которые были приняты законодателем, следует отметить уточнение в Законе о туристской деятельности таких понятий, как: туристская индустрия, объекты туристской индустрии, субъекты туристской индустрии, туристские услуги. Данные изменения вступили в действие с 23 июля 2025 г., и полагаем, что уточнение некоторых понятий в сфере туризма поможет сформировать полноценный механизм правового регулирования туристской деятельности. При этом в сравнительных исследованиях управления национальными парками отмечается, что устойчивость туризма на ООПТ определяется не столько формальным закреплением терминов, сколько выбранной моделью регулирования, включая зонирование, интеграцию местных сообществ в региональную политику развития [33]. То есть ключевое значение имеет даже не сам природный потенциал территории, а структура и качество управления туристскими ресурсами [34].

Нельзя не отметить, что становление института экологического туризма и экологического предпринимательства в России проходит очень медленно. По нашему мнению, для повышения эффективности соответствующей деятельности необходимо решить ряд задач:

- определить понятийный аппарат сферы экологического туризма и его субъектов;
- предоставить субъектам экологического предпринимательства особые гарантии и меры поддержки;
- развивать и поддерживать научные исследования проблем сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных [35].

Устранение данных пробелов позволит субъектам экологического предпринимательства использовать свои ресурсы как для сохранения окружающей среды, так и для извлечения прибыли.

Отношения, возникающие в области охраны природных ресурсов, подлежат регулированию и международными договорами Российской Федерации, и экологическим, земельным, водным, лесным и иным законодательством. Поэтому в рамках государственной политики России ключевыми элементами института экотуризма на ООПТ призваны стать планирование, зонирование, снижение уровней воздействия и мониторинг, которые в международной литературе рассматриваются как базовый стандарт устойчивого управления посещением охраняемых территорий [36].

Список источников

1. Ковтун Г. С. Диссертационные исследования экологического туризма в России: библиометрический анализ // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11-1 (53). С. 133–136. DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.088.
2. Федорова П. А. Об основных направлениях развития экологического предпринимательства в современной России // Предпринимательское право. 2025. № 4. С. 28–34. DOI: 10.18572/1999-4788-2025-4-28-34.

3. Рыженков А. Я. Правовые проблемы развития экологического предпринимательства в Российской Федерации // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 1. С. 66–70.
4. Salman A., Jaafar M., Mohamad D. Strengthening sustainability: a thematic synthesis of globally published ecotourism frameworks // *African Journal of Hospitality, Tourism and Leisure*. 2020. Vol. 9, no. 3. P. 246–258. DOI: 10.46222/ajhtl.19770720-16.
5. Silva S., Silva L. F., Vieira A. Protected areas and nature-based tourism: a 30-year bibliometric review // *Sustainability*. 2023. Vol. 15, no. 15. Art. 11698. DOI: 10.3390/su151511698.
6. Экологический туризм: международный опыт и перспективы развития в Казахстане / под ред. В. В. Вороновой и др. Нур-Султан : ПРООН в Казахстане, 2021. 50 с. URL: https://www.kz.undp.org/content/azakhstan/ru/home/library/environment_energy/eco-tourism.html (дата обращения: 29.12.2025).
7. Harilal V., Tichaawa M. T. Ecotourism and alternative livelihood strategies in Cameroon's protected areas // *EuroEconomica*. 2018. No. 1 (37). P. 133–148. URL: <https://savearchive.zbw.eu/bitstream/11159/2570/1/1046126644.pdf> (дата обращения: 29.12.2025).
8. Honey M. *Ecotourism and sustainable development: who owns paradise*. 2nd ed. Washington, DC : Island Press, 2008.
9. Imanishimwe A., Nsengimana V., Nsengumuremyi C. Contribution of ecotourism to the conservation of Nyungwe National Park in Rwanda // *Journal of Tourism & Hospitality*. 2018. Vol. 7, no. 2. P. 1000348. DOI: 10.4172/2167-0269.1000348.
10. Kimengsi J. N., Kechia M. A., Balgah R. A., Pretzsch J., Kwei J. Households' assets dynamics and ecotourism choices in the Western highlands of Cameroon // *Sustainability*. 2019. Vol. 11. Art. 1844. DOI: 10.3390/su11071844.
11. Пирогов А. А. Роль международного сотрудничества в области охраны окружающей среды в Российской Федерации // *Молодой ученый*. 2019. № 46 (284). С. 79–81.
12. Мясков А. В., Лукьянова Н. В. Эколого-экономические причины сокращения биоразнообразия // *Горный информационно-аналитический бюллетень*. 2005. № 6. С. 186–191.
13. Дроздов А. В. *Основы экологического туризма*. М. : Гардарики, 2005. 271 с.
14. Sarhan A., Abdelgalil R., Radwan Y. Ecotourism principles as a framework for culturally responsive community development // *WIT Transactions on Ecology and the Environment*. 2016. Vol. 201. P. 15–25. DOI: 10.2495/ST160021.
15. Stronza A., Hunt C. A., Fitzgerald L. A. Ecotourism for conservation? // *Annual Review of Environment and Resources*. 2019. Vol. 44. P. 229–253. DOI: 10.1146/annurev-environ-101718-033046.

16. Zanchini R., Moresino C. M., Novelli S. et al. What influences tourists' choice of protected natural areas? The role of ecosystem services // Sustainability. 2025. Vol. 17, no. 23. Art. 10525. DOI: 10.3390/su172310525.
17. Присяжная А. А., Чернова О. В., Снакин В. В. Развитие системы особо охраняемых природных территорий (ООПТ) – основа сохранения биологического разнообразия природных комплексов // Электронное научное издание «Альманах Пространство и Время». 2016. Т. 11. Вып. 1: Система планета Земля. URL: <https://www.j-spacetime.com/actual%20content/t11v1/razvitie-sistemy-osobo-ohranyaemyh-prirodnih-territoriy-oopt-osnova-sohraneniya-biologicheskogo-raznoobraziya-prirodnih-kompleksov.pdf> (дата обращения: 10.12.2025).
18. Иванов А. Н., Чижова В. П. Охраняемые природные территории. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2025. 185 с.
19. Пыркова А. Г. Виды (категории) особо охраняемых природных территорий и природных объектов по уголовному праву России // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 3. С. 128–134.
20. Штильмарк Ф. Р. О проблемах природных заповедников и заповедного дела в России на современном этапе // Экологические проблемы заповедных территорий России. Тольятти : Ин-т экологии Волж. бассейна РАН, 2003. С. 16–19.
21. Монастырская Е. С. Проблемы и перспективы использования земель особо охраняемых природных территорий // Международная научно-техническая конференция молодых ученых БГТУ им. В. Г. Шухова, Белгород, 1–20 мая 2017 г. Белгород : Белгород. гос. технолог. ун-т им. В. Г. Шухова, 2017. С. 1343–1347.
22. Гальченко С. А. Кадастровые работы в отношении национальных парков и государственных природных заповедников // Московский экономический журнал. 2021. № 2. С. 15–25. DOI: 10.24411/2413-046X-2021-10068.
23. Хлуденева Н. И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды : моногр. М. : ИЗиСП : Инфра-М, 2014. 216 с.
24. Дехтерева Л. П. Правовой режим особо охраняемых городских природных территорий : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 209 с.
25. Кузнецова А. В. Правовое регулирование деятельности по организации особо охраняемых природных территорий в городе Москве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 209 с.
26. Иванова Д. В. Частноправовые средства правового обеспечения экологического предпринимательства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 272 с.
27. Авхадеев В. Р., Бальхаева С. Б., Боброва Ю. В. и др. Государство и бизнес в системе правовых координат : моногр. / отв. ред. А. В. Габов. М. : ИЗиСП ; Инфра-М, 2014. 320 с.
28. Бобылев С. Н., Захаров В. М. Экосистемные услуги и экономика / Ин-т устойчивого развития / Центр эколог. политики России. М. : Тип. ЛЕВКО, 2009. 72 с.

29. Ковальчук А. Н. Особенности развития охотничьего туризма в условиях экологического кризиса // Эпоха науки. 2020. №. 24. С. 46–48. DOI: 10.24411/2409-3203-2020-12409.
30. Бриних В. А. Во что Сочинская олимпиада обошлась природе? // Астраханский вестник экологического образования. 2014. № 2 (28). С. 56–68.
31. Видищева Е. В. Направления регулирования туристских потоков в целях обеспечения устойчивости развития туристской территории // Вестник Академии знаний. 2021. № 44 (3). С. 65–70. DOI: 10.24412/2304-6139-2021-11214.
32. Звягина Е. С. Экологический туризм как фактор изменения особо охраняемых территорий Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. социолог. наук. М., 2015. 22 с.
33. Matovic S., Lovic Obradovic S., Gajic T. Sustainable tourism in protected areas: comparative governance and lessons from Tara and Triglav National Parks // Sustainability. 2025. Vol. 17, no. 15. Art. 7048. DOI: 10.3390/su17157048.
34. Blanco-Cerradelo L., Dieguez-Castrillon M. I., Fraiz-Brea J. A., Gueimonde-Canto A. Protected areas and tourism resources: toward sustainable management // Land. 2022. Vol. 11, no. 11. Art. 2059. DOI: 10.3390/land11112059.
35. Иванова С. В. Правовые проблемы по сохранению редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных: теоретический аспект // Аграрное и земельное право. 2017. № 4 (148). С. 57–60.
36. Eagles P. F. J., McCool S. F., Haynes C. D. Sustainable tourism in protected areas: guidelines for planning and management. Gland : IUCN, 2002. 183 p.

References

1. Kovtun G. S. Dissertation research of ecological tourism in Russia: a bibliometric analysis. *International Scientific Research Journal*. 2016;(11-1):133-136. (In Russ.) DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.088.
2. Fedorova P. A. On the main areas of development of environmental entrepreneurship in modern Russia. *Entrepreneurial Law*. 2025;(4):28-34. (In Russ.) DOI: 10.18572/1999-4788-2025-4-28-34.
3. Ryzhenkov A. Ya. The legal problems of development of ecological entrepreneurship in the Russian Federation. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2018;(1):66-70. (In Russ.)
4. Salman A., Jaafar M., Mohamad D. Strengthening sustainability: a thematic synthesis of globally published ecotourism frameworks. *African Journal of Hospitality, Tourism and Leisure*. 2020;9(3):246-258. DOI: 10.46222/AJHTL.19770720-16.
5. Silva S., Silva L. F., Vieira A. Protected areas and nature-based tourism: a 30-year bibliometric review. *Sustainability*. 2023;15(15). Art. 11698. DOI: 10.3390/su151511698.

6. Voronova V. V., et al., eds. *Ecological tourism: international experience and development prospects in Kazakhstan*. Nur-Sultan; 2021. 50 p. (In Russ.) URL: https://www.kz.undp.org/content/azakhstan/ru/home/library/environment_energy/eco-tourism.html (дата обращения: 29.12.2025).
7. Harilal V., Tichaawa M. T. Ecotourism and alternative livelihood strategies in Cameroon's protected areas. *EuroEconomica*. 2018;(1);133-148. URL: <https://savearchive.zbw.eu/bitstream/11159/2570/1/1046126644.pdf> (Accessed: 29.12.2025).
8. Honey M. *Ecotourism and sustainable development: who owns paradise*, 2nd ed. Washington, DC: Island Press; 2008.
9. Imanishimwe A., Nsengimana V., Nsengumuremyi C. Contribution of ecotourism to the conservation of Nyungwe National Park in Rwanda. *Journal of Tourism & Hospitality*. 2018;7(2):1000348. DOI: 10.4172/2167-0269.1000348.
10. Kimengsi J. N., Kechia M. A., Balgah R. A., Pretzsch J., Kwei J. Households' assets dynamics and ecotourism choices in the Western highlands of Cameroon. *Sustainability*. 2019;(11):1844. DOI: 10.3390/su11071844.
11. Pirogov A. A. The role of international cooperation in the field of environmental protection in the Russian Federation. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*. 2019;(46):79-81. (In Russ.)
12. Myaskov A. V., Lukyanova N. V. Ecological and economic causes of biodiversity loss. *Gornyj informatsionno-analiticheskij byulleten' = Mining Information and Analytical Bulletin*. 2005;(6):186-191. (In Russ.)
13. Drozdov A. V. *Fundamentals of ecological tourism*. Moscow: Gardarika; 2005. 271 p. (In Russ.)
14. Sarhan A., Abdelgalil R., Radwan Y. Ecotourism principles as a framework for culturally responsive community development. *WIT Transactions on Ecology and the Environment*. 2016;(201):15-25. DOI: 10.2495/ST160021.
15. Stronza A., Hunt C. A., Fitzgerald L. A. Ecotourism for conservation? *Annual Review of Environment and Resources*. 2019;(44):229-253. DOI: 10.1146/annurev-enviro-101718-033046.
16. Zanchini R., Moresino C.M., Novelli S., et al. What influences tourists' choice of protected natural areas? The role of ecosystem services. *Sustainability*. 2025;17(23):10525. DOI: 10.3390/su172310525.
17. Prysyazhnaya A. A., Chernova O. V., Snakin V. V. Development of a system of specially protected natural territories (protected areas) – the basis for the conservation of biological diversity of natural complexes. *Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time*. 2016;11(1: The planet Earth system). (In Russ.) URL: <https://www.j-spacetime.com/actual%20content/t11v1/razvitie-sistemy-osobo-ohranyaemyh-prirodnih-territoriy-oopt-osnova-sohraneniya-biologicheskogo-raznoobraziya-prirodnih-kompleksov.pdf> (Accessed: 10.12.2025).
18. Ivanov A. N., Chizhova V. P. *Protected natural territories*. Moscow: Publishing House of Moscow University; 2025. 185 p. (In Russ.)

19. Pyrkova A. G. Types (categories) of specially protected natural territories and natural objects under Russian criminal law. *Actual Problems of Economics and Law*. 2008;(3):128-134. (In Russ.)
20. Shtilmark F. R. On the problems of nature reserves and conservation in Russia at the present stage. *Ecological problems of protected areas of Russia*. Tolyatti: Institute of Ecology of the Volga Basin of the Russian Academy of Sciences; 2003. Pp. 16–19. (In Russ.)
21. Monastyrskaya E. S. Problems and prospects of using lands of specially protected natural territories. *International Scientific and Technical Conference of Young Scientists of Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, 1–20 May 2017*. Belgorod: Shukhov Belgorod State Technological University; 2017. Pp. 1343–1347. (In Russ.)
22. Galchenko S. A. Cadastral works in relation to national parks and state nature reserves. *Moscow Economic Journal*. 2021;(2):15-25. (In Russ.) DOI: 10.24411/2413-046X-2021-10068.
23. Khludeneva N. I. *Defects in the legal regulation of environmental protection*. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Infra-M; 2014. 216 p. (In Russ.)
24. Dekhtereva L. P. *The legal regime of specially protected urban natural territories*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2002. 209 p. (In Russ.)
25. Kuznetsova A. V. *Legal regulation of the organization of specially protected natural territories in the city of Moscow*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2008. 209 p. (In Russ.)
26. Ivanova D. V. *Private law means of legal support for environmental entrepreneurship*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2025. 272 p. (In Russ.)
27. Avkhadeev V. R., Balkhaeva S. B., Bobrova Yu. V., et al. *The state and business in the system of legal coordinates*. Monograph. Ed. A. V. Gabov. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Infra-M; 2014. 320 p. (In Russ.)
28. Bobylev S. N., Zakharov V. M. *Ecosystem services and economics*. Institute of Sustainable Development / Center for Environmental Policy of Russia. Moscow: Tipography LEVKO; 2009. 72 p. (In Russ.)
29. Kovalchuk A. N. Features of the development of hunting tourism under the conditions of ecological crisis. *Era of Science*. 2020;(24):46-48. (In Russ.) DOI: 10.24411/2409-3203-2020-12409.
30. Brinikh V. A. What nature cost the Sochi Olympics? *Astrakhanskij vestnik ekologicheskogo obrazovaniya = Astrakhan Bulletin of Environmental Education*. 2014;(2):56-68. (In Russ.)
31. Vidishcheva E. V. The direction of regulation tourist traffic in order to ensure stability of the tourist territory. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2021;(44):65-70. (In Russ.) DOI: 10.24412/2304-6139-2021-11214.
32. Zvyagina E. S. *Ecological tourism as a factor of change in specially protected territories of the Russian Federation*. Abstract of Cand. Sci. (Sociology) Dissertation. Moscow; 2015. (In Russ.)

33. Matovic S., Lovic Obradovic S., Gajic T. Sustainable tourism in protected areas: comparative governance and lessons from Tara and Triglav National Parks. *Sustainability*. 2025;17(15):7048. DOI: 10.3390/su17157048.
34. Blanco-Cerradelo L., Dieguez-Castrillon M. I., Fraiz-Brea J. A., Gueimonde-Canto A. Protected areas and tourism resources: toward sustainable management. *Land*. 2022;11(11):2059. DOI: 10.3390/land11112059.
35. Ivanova S. V. Legal problems for the conservation of rare and endangered species of animals: the theoretical aspect. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*. 2017;(4):57-60. (In Russ.)
36. Eagles P. F. J., McCool S. F., Haynes C. D. *Sustainable tourism in protected areas: guidelines for planning and management*. Gland: IUCN, 2002. 183 p.

Информация об авторе / Information about the author

Ткачук Дария Вячеславовна, кандидат юридический наук, доцент кафедры предпринимательского, трудового и корпоративного права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, Москва, пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1).

Dariya V. Tkachuk, Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Business, Labor and Corporate Law Department, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky Ave., build. 1, Moscow, 119571, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 02.09.2025; одобрена после рецензирования 26.11.2025; принята к публикации 28.04.2026.

The article was submitted 02.09.2025; approved after reviewing 26.11.2025; accepted for publication 28.04.2026.

Научная статья

УДК 347.411

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.93-105

Самостоятельные и зависимые основания возникновения обязательств в гражданском праве

Владислав Васильевич Шелудяев

Российский государственный университет правосудия

имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

vladislav.sheludyaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9743-634X>

Аннотация

Введение. В Гражданском кодексе Российской Федерации содержатся юридические факты, с которыми законодательство связывает возникновение обязательств. В статье на примере некоторых юридических фактов (односторонних сделок, событий и иных юридических фактов) показывается, что не все юридические факты, указанные в ГК РФ, выступают в качестве оснований возникновения обязательств. *Теоретические основы. Методы.* Теоретической основой настоящего исследования выступили научные труды ученых, посвященные обязательственным правоотношениям и юридическим фактам в гражданском праве. В ходе исследования автором использовались как общетеоретические методы научного исследования (анализ, сравнение, синтез), так и частнонаучные методы научного исследования (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты исследования. Проанализированы юридические факты на предмет возможности выступать в качестве основания возникновения обязательств. Установлено, что односторонне обязывающие сделки, акты государственных органов, неосновательное обогащение порождают обязательства только в сочетании с иными юридическими фактами.

Кроме того, обосновывается, что в сложном юридическом составе (на примере акта органа государственной власти и договора) юридические факты неравнозначны. При этом акт органа государственной власти будет иметь приоритет перед договором.

На основе исследования делаются предложения по внесению изменений в п. 2 ст. 307 ГК РФ в части, касающейся уточнения оснований возникновения обязательств и закрепления в законодательстве сложного юридического состава как основания возникновения обязательства.

Обсуждение и заключение. Установлено, что юридические факты как основания возникновения обязательственных отношений можно разделить на самостоятельные и зависимые. Самостоятельные основания (например, договор) приводят к возникновению обязательств без привлечения иных юридических фактов. Зависимые основания (например, односторонне обязывающие сделки, акты государственных органов) самостоятельно не могут привести к возникновению обязательства, только в совокупности с иными юридическими фактами (напри-

мер, акт органа государственной власти и договор). Зависимые основания могут изменять и прекращать уже существующие обязательственные отношения.

Ключевые слова: обязательство, юридические факты, возникновение обязательств, односторонняя сделка, сложный юридический состав

Для цитирования: Шелудяев В. В. Самостоятельные и зависимые основания возникновения обязательств в гражданском праве // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 2. С. 93–105. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.93-105.

Original article

Independent and Dependent Grounds for the Emergence of Obligations in Civil Law

Vladislav V. Sheludyaev

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*

vladislav.sheludyaev@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9743-634X>

Abstract

Introduction. The Civil Code of the Russian Federation contains legal facts with which the legislation relates the occurrence of obligations. In the article, using the example of some legal facts (unilateral transactions, events), it is shown that not all legal facts specified in the Civil Code of the Russian Federation act as grounds for the emergence of obligations.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis for this study is provided by scholarly works devoted to legal obligations and legal facts in civil law. During the study, the author utilized both general theoretical research methods (analysis, comparison, synthesis) and specific scientific research methods (formal legal and comparative legal).

Results. Legal facts were analyzed for their potential to serve as the basis for the creation of obligations. It was established that unilaterally binding transactions, acts of state bodies, and unjust enrichment give rise to obligations only when combined with other legal facts.

Furthermore, it is substantiated that in a complex legal context (using the example of an act of a state authority and a contract), legal facts are not equivalent. In this case, the act of a state authority will take precedence over the contract.

Based on the research, proposals are made to amend paragraph 2 of Art. 307 of the Civil Code of the Russian Federation in the part concerning the clarification of the grounds for the emergence of obligations and the consolidation in legislation of a complex legal structure as the basis for the emergence of an obligation.

Discussion and Conclusion. It has been established that legal facts as grounds for the emergence of obligatory relations can be divided into independent and dependent. Independent grounds (e. g., a contract) give rise to obligations without the involvement of other legal facts. Dependent grounds (e. g., unilaterally binding transactions, acts of state bodies) cannot independently give rise to an obligation, but only in conjunction with other legal facts (e. g., an act of a state authority and a contract). Dependent grounds can modify and terminate existing obligatory relations.

Keywords: obligation, legal facts, occurrence of obligations, one-way transaction, complex legal composition

For citation: Sheludyaev V. V. Independent and dependent grounds for the emergence of obligations in civil law. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(2):93-105. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.93-105.

Введение

Обязательство – одно из старейших юридических понятий, появившееся еще в римском праве. Под обязательством (лат. obligation) в римском праве понималась правовая связь (юридическое отношение), в силу которой одно лицо обладало правом требовать от другого лица совершить определенные действия в пользу первого [1, с. 293; 2, с. 312].

Обязательственное правоотношение, как и любое правовое явление, не берется из ниоткуда, а имеет определенный момент своего возникновения или, иными словами, основание. М. М. Агарков писал, что основание возникновения обязательства индивидуализирует каждое обязательство, определяет его характер, а потому «вопрос об основании возникновения обязательства является одним из важнейших вопросов теории обязательств» [3, с. 24]. От установления основания возникновения обязательства зависит множество вопросов, начиная с того, возникло ли обязательство вообще (т. е. имел место надлежащий юридический факт или их совокупность), и заканчивая обстоятельствами, требующими доказывания при нарушении или ненадлежащем исполнении обязательства. Трудно не согласиться со словами ученого.

Вместе с тем представляется, что не все указанные в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) и традиционно выделяемые в науке основания способны самостоятельно приводить к возникновению обязательств.

Теоретические основы. Методы

Теоретической основой настоящего исследования выступили научные труды ученых, посвященные обязательственным правоотношениям и юридическим фактам в гражданском праве. В ходе исследования автором использовались как общетеоретические методы научного исследования (анализ, сравнение, синтез), так и частнонаучные методы научного исследования (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты исследования

Перечень оснований возникновения обязательств содержится в п. 2 ст. 307 ГК РФ: это договоры и другие сделки, вследствие причинения вреда, вследствие неосновательного обогащения и иные основания (например, обязанность лица по возмещению расходов вернувшему утерянную вещь). Обязательство с точки зрения науки и закона рассматривается как гражданское правоотношение¹, следовательно, основанием возникновения обязательств

¹ Хохлов В. А. Общие положения об обязательствах : учеб. пособие. М. : Статут, 2015. 288 с. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»; Гражданское право : учеб. : в 2 т. Т. 2 / под ред. Б. М. Гонгало. М. : Статут, 2017. С. 30. См. также: [3, с. 13; 4, с. 3].

выступают юридические факты² – факты действительности, с наступлением которых согласно закону и иным правовым актам возникают, изменяются или прекращаются гражданские права и обязанности³ или их совокупность (сложный юридический состав)⁴. В связи с изложенным ученые неоднократно указывали на возможность возникновения обязательств из всех имеющихся в ГК РФ юридических фактов, а не только перечисленных в статье, обозначенной выше⁵. В наиболее общем виде юридические факты закреплены в ст. 8 ГК РФ.

Структура нормы, содержащейся в п. 2 ст. 307 ГК РФ, указывает на то, что перечень оснований возникновения обязательств является открытым. При этом стоит отметить, что в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации было предложено расширить перечень оснований возникновения обязательств и придать ему исчерпывающий характер⁶. Как представляется, создание закрытого перечня оснований не будет иметь положительного эффекта.

Еще М. М. Агарков указывал на невозможность предусмотреть в позитивном праве все ситуации, с которыми гражданское законодательство и иные законодательные акты связывали бы возникновение обязательств. В конечном счете ученый констатировал: «Для того чтобы формально охватить всю систему оснований возникновения обязательств, достаточно было бы сказать, что они возникают из оснований, указанных в законе. Для этого нет надобности выделять некоторые из этих оснований» [3, с. 111]. Трудно не согласиться с указанной позицией. Постоянное и стремительное развитие общественных отношений на фоне не поспевающих, а во многом и запоздалых изменений действующего законодательства будет приводить к ситуациям, когда вновь появившиеся основания не будут применяться в силу отсутствия закрепления их в законодательстве. Как следствие, законодатель будет обречен на постоянную актуализацию ст. 307 ГК РФ. Открытый же перечень оснований возникновения обязательств позволит правоприменителю быть более гибким при квалификации правоотношений и оснований их возникновения.

Тем не менее представляется, что действующая формулировка п. 2 ст. 307 ГК РФ все же нуждается в уточнении.

Так, в п. 2 ст. 307 ГК РФ закреплено, что в качестве оснований возникновения обязательств помимо прямо указанных могут выступать иные основа-

² Белов В. А. Обязательственное право : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2025. С. 59.

³ Гражданское право : учеб. : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2019. С. 377.

⁴ Гражданское право. Общая часть : учеб. / под ред. Г. Ф. Ручкиной. М. : Кнорус, 2021. С. 62.

⁵ Белов В. А. Указ. соч. С. 59 ; Гражданское право. Общая часть : учеб. / под ред. Е. С. Болтановой. М. : Инфра-М, 2023. 515 с. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». См. также: [5].

⁶ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 9.

ния, указанные в ГК РФ. Представляется, что данная формулировка необоснованно сужает круг нормативных актов, которые могут содержать основания возникновения обязательств. Так, согласно п. 2 ст. 3 ГК РФ гражданское законодательство включает в себя федеральные законы, принятые в соответствии с ГК РФ. Кроме того, нормы гражданского права могут в соответствии с п. 3, 4, 7 ст. 3 ГК РФ содержаться в иных правовых актах (указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, акты министерств и иных федеральных органов исполнительной власти). Например, такой является ст. 84.2 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»⁷, регулирующая случаи обязательного предложения о приобретении акций публичного общества.

Таким образом, предлагается дополнить п. 2 ст. 307 ГК РФ указанием на то, что основания возникновения обязательств могут содержаться не только в ГК РФ, но и в иных актах гражданского законодательства и иных нормативных актах.

Видится необходимым конкретизировать перечень оснований возникновения обязательств в п. 2 ст. 307, так как не все из указанных в настоящее время оснований, а также юридических фактов, закрепленных в ст. 8 ГК РФ, могут выступать в качестве самостоятельного основания возникновения обязательств. «Определение того момента, когда обязательство возникает, требует точного установления фактического состава, вызывающего возникновение обязательства» [3, с. 84]. Следовательно, необходимо точно понимать, какой юридический факт влечет возникновение обязательства, а какой – нет.

В качестве одного из оснований возникновения обязательства в Кодексе указаны «иные сделки». Общеизвестным и бесспорным является тот факт, что самым распространенным основанием возникновения обязательств являются договоры⁸, которые являются одним из видов сделок. Договоры бывают двусторонними и многосторонними⁹. Следовательно, под иными сделками понимаются односторонние сделки.

Сделки представляют собой действия участников гражданского оборота, совершаемые с целью создать, изменить или прекратить гражданские права и обязанности. Односторонние сделки являются одним из видов сделок и в теории гражданского права делятся на односторонне управомочивающие и односторонне обязывающие [6; 7, с. 466].

Односторонне управомочивающие сделки – это действия субъекта гражданского оборота, направленные на предоставление права другой стороне, но не возложение на нее обязанности (например, прощение долга, публичное

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

⁸ Гражданское право : учеб. : в 3 т. Т. 1 / отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. М. : ТК Велби : Проспект, 2006. С. 578 ; Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электрон. изд. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2017. С. 38.

⁹ Российское гражданское право : учеб. : в 2 т. Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2011. С. 347 ; Гражданское право : учеб. : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. М. : Проспект, 2020. С. 421.

обещание награды). Вместе с тем лицо, предоставляющее право другой стороне, «связывает» себя обязательством, т. е. становится должником (простив долг, лицо обязуется отказаться от действий по его истребованию). Аналогичную мысль высказывает и С. А. Киракосян¹⁰. Таким образом, подобного рода сделки способны породить обязательственные правоотношения. Возникновение обязательств из подобного рода сделок прямо закрепляется в законе.

Односторонне обязывающие сделки – это односторонние акты субъекта, оказывающие воздействие на правовую сферу другого лица [7, с. 471]: например, одностороннее расторжение договора, выбор кредитором способа исполнения альтернативного обязательства. Такие сделки, как правило, связывают с секундарными правомочиями¹¹ (правомочия, в силу которых одно лицо уполномочено односторонними действиями (путем совершения односторонней сделки) изменить или прекратить существующие правоотношения). В качестве примера секундарных прав можно назвать право лица заключить договор на условиях опциона (опцион на заключение договора).

Примером односторонне обязывающей сделки, порождающей обязательство, А. А. Павлов называет завещательный отказ (ст. 1137 ГК РФ), т. е. специальное распоряжение наследодателя, имеющее целью возложить на наследника или наследников по закону или завещанию исполнение за счет наследства обязанности имущественного характера в пользу третьего лица¹². Однако, чтобы наследник или наследники «связали» себя обязанностью по завещательному отказу, последние должны совершить другую одностороннюю сделку, а именно – принять наследство [8]. Гражданские правоотношения, к которым относятся и обязательственные, характеризуются равенством, автономией воли и имущественной самостоятельностью сторон. В силу этого ни одно лицо не может быть вовлечено в обязательство помимо своей воли (кроме деликтных обязательств).

Таким образом, односторонне обязывающие сделки осуществляются для исполнения или прекращения ранее возникших обязательственных отношений (например, возникших из договора). Опцион на заключение договора предоставляется в силу соглашения, что прямо предусмотрено законом. Долг перед кредитором возникает в силу неисполнения обязательства, возникшего из договора или из внедоговорных отношений (деликта), следовательно, сделка по прощению долга прекращает обязательство, основанием возникновения которого послужил иной юридический факт.

Представляется, что события, как и односторонне обязывающие сделки, также не выступают в качестве самостоятельного основания возникновения обязательств. Наступление страхового случая (пожар, землетрясение) иногда называют основанием возникновения обязательства по выплате страхового возмещения¹³. Однако обязательство по выплате страхового возмещения при наступлении страхового случая (события) закрепляется в страховом договоре. В случае отсутствия договора страхования у страховщика не возникнет ни-

¹⁰ Гражданское право. Общая часть / под ред. Г. Ф. Ручкиной. С. 514.

¹¹ Хохлов В. А. Указ. соч.

¹² Гражданское право. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. С. 827.

¹³ Хохлов В. А. Указ. соч.

каких обязательств перед другим лицом. Аналогичная ситуация и с таким событием, как смерть гражданина: этот юридический факт служит основанием изменения или прекращения ранее возникшего обязательства. В качестве примера можно назвать ст. 418 ГК РФ, в которой прямо закреплено прекращение обязательства смертью гражданина, т. е. «разрыв» ранее существовавших правовых связей, возникших, например, на основании односторонней сделки – выдачи доверенности (подп. 5 п. 1 ст. 188 ГК РФ).

На практике встречаются случаи возникновения обязательства из неосновательного обогащения в силу события¹⁴. Однако здесь событие является лишь одной из составляющих фактического состава обязательства, так как для возникновения обязательства из неосновательного обогащения требуется еще и «чтобы имущество было приобретено или сбережено неосновательно»¹⁵.

Создание произведений науки, литературы, искусства, изобретения и иного результата интеллектуальной деятельности, указанных в ст. 8 ГК РФ, не может выступать в качестве самостоятельного основания возникновения обязательства. О. С. Иоффе считал, что создание литературного произведения порождает обязательство только «в сочетании с иными юридическими фактами» [4, с. 17]. Указанное мнение поддерживает М. А. Рожкова [5].

В качестве самостоятельных оснований возникновения обязательств ученые называют административные акты¹⁶, а в пример приводят предоставление гражданину ордера на получение жилого помещения¹⁷. При плановой экономике обязательственные отношения между гражданами или с их участием, основанные на административном акте, не встречались, а в отношениях с социалистическими организациями были крайне редки [4, с. 18]. В настоящее время ученые уже неоднократно указывали, что административный акт редко может приводить к возникновению обязательства¹⁸ и только в случаях, прямо предусмотренных законом¹⁹. По вопросу роли административного акта в качестве самостоятельного основания возникновения обязательства следует согласиться с М. А. Рожковой, указывающей, что обычно административные акты являются частью сложного юридического состава, например административный акт и договор [5]. Аналогичные выводы можно сделать и в отношении судебных решений, которые, как представляется, не могут быть самостоятельными и полноценными основаниями возникновения обязательственных отношений. Возникновение обязательств из совокупности юридических актов, где одним из юридических актов будет выступать административный акт, особенно актуально для обязательственных отношений.

В ГК РФ содержатся нормы, регулирующие обязательства при осуществлении предпринимательской деятельности (ст. 315, 317.1, 395, 401, 406.1

¹⁴ Гражданское право. Общая часть / под ред. Е. С. Болтановой. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Российское гражданское право. Т. 2 : Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. С. 1142.

¹⁶ Договорное и обязательственное право (общая часть). С. 38.

¹⁷ Гражданское право. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. С. 106.

¹⁸ Гражданское право. Общая часть / под ред. Г. Ф. Ручкиной. С. 514.

¹⁹ Гражданское право. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. С. 827.

и др.). В науке гражданского права такие обязательства называются предпринимательскими обязательствами [9, с. 17–22; 10, с. 472]. А. Е. Кирпичев, изучая предпринимательское обязательство как правовое явление, понимает под ним обязательство, все стороны которого осуществляют профессиональную экономическую деятельность и которое одним из оснований возникновения имеет договор [11, с. 26].

Таковым выступает, например, обязательство по передаче товара в собственность по договору поставки или розничной купли-продажи лекарственных средств, где будут требоваться лицензии на осуществление фармацевтической деятельности, а в некоторых случаях – и рецепт [12, с. 30].

Совокупность двух или более юридических фактов, лежащих в основе возникновения правоотношения, называют сложным юридическим составом²⁰ [4, с. 43]. В научной литературе категория «сложный юридический состав» является устоявшейся, широко применяемой и непротиворечивой. Сложный юридический состав как правовое явление выступает предметом пристального изучения правовой науки [11; 13]. Более того, указанную категорию используют суды в своих судебных актах²¹. Однако закрепления в позитивном праве данная категория до сих пор не имеет.

Сложным юридическим составом называют совокупность юридических фактов, которые связаны между собой и выступают в качестве основания возникновения, изменения или прекращения правоотношения [14, с. 442]. Сложные юридические составы часто встречаются в предпринимательских отношениях, например соглашение о государственно-частном партнерстве [15], сделки аффилированных организаций (аффилированность выступает в качестве юридического факта-состояния) [16, с. 46], договор купли-продажи государственного или муниципального имущества в рамках приватизации и др.

М. М. Агарков полагал, что установить фактический состав (под которым понимал и совокупность юридических фактов) порой очень тяжело: можно или упустить имеющий значение для возникновения отношений элемент состава, или, наоборот, включить элемент, не имеющий никакого отношения [3, с. 84]. При этом связь многих юридических фактов в сложном юридическом составе может быть неочевидной [17, с. 151]. Сложный юридический состав может образовываться из различных сочетаний юридических фактов, например из деликта и судебного решения, акта государственного органа и договора, решения собрания и сделки.

²⁰ Гражданское право. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. С. 205 ; Гражданское право. Общая часть / под ред. Г. Ф. Ручкиной. С. 63.

²¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2022 г. № 45-КГ22-3-К7, определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2023 г. № 310-ЭС22-26026 по делу № А83-19815/2020, постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 22 сентября 2021 г. № Ф02-4695/2021 по делу № А33-27977/2020, определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 мая 2022 г. по делу № 88-8439/2022, постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27 августа 2021 г. № Ф10-3497/2021 по делу № А09-12034/2019. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Вместе с тем если разобрать сложный юридический состав на отдельные элементы, то можно заметить, что значение каждого из элементов неравнозначно. Рассмотрим это утверждение на примере актов государственных органов как элемента фактического состава.

Акты государственных органов, как было указано, сами по себе не образуют обязательственных отношений. Например, для приватизации государственного имущества требуется принятие уполномоченным органом решения об условиях приватизации (ст. 14 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»²² (далее – Закон о приватизации)). Решение об условиях приватизации содержит сведения о приватизируемом имуществе, способе приватизации, стоимости имущества и т. д. Для возникновения обязательственных отношений требуется еще и заключение договора купли-продажи с победителем аукциона (п. 12 ст. 18 Закона о приватизации).

В непредпринимательских отношениях ситуация аналогична: для получения жилья по социальному найму гражданину требуется не только решение о предоставлении жилого помещения жилищного фонда социального использования (содержащее сведения о получателе жилья, о передаваемом имуществе), но и заключение договора (ст. 63 Жилищного кодекса Российской Федерации).

Из-за неравнозначности юридических фактов в рамках сложного юридического состава до сих пор не решен вопрос о соотношении акта государственного органа и договора. Одни авторы отдают приоритет договору как самому главному юридическому факту в системе сложного юридического обязательства [18], другие – административному акту [11, с. 109]. Вторая позиция представляется более убедительной в силу нескольких обстоятельств.

Во-первых, как отмечает А. Е. Кирпичев, в силу эффекта поглощения юридических фактов все элементы фактического состава должны соответствовать первоначальному административному акту [11, с. 109]. Решение о приватизации содержит сведения, которые определяют условия будущего договора: приватизация ряда объектов, таких как объекты культурного наследия, социально-культурного назначения, речные порты, связана с возложением на будущего собственника некоторых обязательств. Следовательно, условия договора о приватизации должны раскрывать и конкретизировать положения решения и не противоречить ему (например, изменять предмет договора). Во-вторых, учитывая, что все элементы сложного юридического состава составляют систему, признание недействительным административного акта, на основании которого заключен договор, должно повлечь за собой признание недействительным и договора. В то же время обратной связи между этими юридическими фактами не наблюдается.

Обозначенные обстоятельства прекрасно иллюстрирует приобретение рецептурного лекарственного препарата. Так, рецепт необходимо квалифицировать в качестве административного акта (выдается медицинским работником медицинской организации, обладающей властными полномочиями в силу Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны

²² Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 4. Ст. 251.

здоровья граждан в Российской Федерации»²³). Учеными неоднократно подчеркивался административно-правовой статус медицинских организаций [19; 20], а в судебной практике указывается на выполнение медицинскими организациями публичных функций, аналогичных выполняемым органами государственной власти²⁴.

Согласно приказу Минздрава России от 24 ноября 2021 г. № 1094н «Об утверждении Порядка назначения лекарственных препаратов, форм рецептурных бланков на лекарственные препараты, Порядка оформления указанных бланков, их учета и хранения, форм бланков рецептов, содержащих назначение наркотических средств или психотропных веществ, Порядка их изготовления, распределения, регистрации, учета и хранения, а также Правил оформления бланков рецептов, в том числе в форме электронных документов»²⁵ в рецепте указываются наименование лекарственного препарата, дозировка, форма выпуска, количество. Следовательно, договор розничной купли-продажи рецептурного лекарственного препарата (в части предмета) должен полностью соответствовать рецепту.

В случае же наличия нарушений в оформлении рецепта он будет считаться недействительным. По недействительному рецепту лекарственные препараты не отпускаются. Об этом прямо говорится в п. 25 приказа Минздрава России от 24 ноября 2021 г. № 1094н. Заключенный же договор розничной купли-продажи предполагается считать недействительным, так как недействительный административный акт не может порождать каких-либо юридически значимых последствий [21].

Обсуждение и заключение

Таким образом, все основания возникновения обязательств можно разделить на две группы: первую группу будут составлять основания, способные породить обязательственное правоотношение самостоятельно, т. е. не требующие иных юридических фактов (договоры, односторонне уполномочивающие сделки, причинение вреда жизни, здоровью, имуществу, юридические поступки и другие); вторая группа – зависимые основания, не способные породить обязательство самостоятельно, но могущие выступать таковыми в совокупности с иными юридическими фактами (односторонне обязывающие сделки, административные акты, судебные акты и иные основания).

Список источников

1. Синайский В. И. Русское гражданское право. М. : Статут, 2002. 636 с.
2. Покровский И. А. История римского права. М. : Юрайт, 2025. 447 с.

²³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

²⁴ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 января 2021 г. № 12АП-10773/2020 по делу № А12-22034/2020, постановление Суда Еврейской автономной области от 6 марта 2018 г. по делу № 4А-16/2018, решение Московского городского суда от 28 июня 2016 г. по делу № 7-7634/2016. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Агарков М. М. Обязательства по советскому гражданскому праву. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 192 с.
4. Иоффе О. С. Обязательственное право. М. : Юрид. лит., 1975. 880 с.
5. Рожкова М. А. К вопросу об обязательствах и основаниях их возникновения // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2001. № 6. С. 69–85.
6. Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М. : Статут, 2001. 476 с.
7. Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 1 : Гражданское право: Сочинения 1958–1970. М. : Статут, 2010. 495 с.
8. Ходырева Е. А. Право наследования в гражданском праве России : моногр. М. : Статут, 2022. 386 с.
9. Кулаков В. В. Прекращение обязательств по гражданскому законодательству России : моногр. М. : РГУП, 2015. 144 с.
10. Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства. М. : Статут, 2005. 636 с.
11. Кирпичев А. Е. Предпринимательские обязательства в публичном секторе экономики : моногр. М. : РГУП, 2017. 276 с.
12. Шелудяев В. В. Выдача рецепта на лекарственный препарат как часть сложного юридического состава // Российское правосудие. 2022. № 10. С. 25–31. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2022.10.25-31.
13. Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные отношения. М. : Статут, 2009. 330 с.
14. Проблемы теории государства и права / под ред. В. М. Сырых. М. : Эксмо, 2008. 525 с.
15. Кондратьев В. А. Обеспечение конкуренции при заключении соглашения о государственно-частном партнерстве // Право и экономика. 2016. № 6. С. 40–45.
16. Ефимов А. В. Признаки, основания и гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 248 с.
17. Кулаков В. В. Сложные обязательства в гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 382 с.
18. Мухамеджанова А. Ф. Административные акты как элементы сложных юридических составов, необходимых для возникновения предпринимательских обязательств // Право и экономика. 2019. № 11. С. 13–17.
19. Данилов Е. О. К вопросу о правовом статусе медицинской организации // Административное право и процесс. 2020. № 1. С. 76–79. DOI: 10.18572/2071-1166-2020-1-76-79.
20. Ерохина Т. В. Государственное управление здравоохранением в Российской Федерации. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Баканов К. С., Бурцев А. А. Предупреждение фактов управления транспортным средством в состоянии опьянения на этапах получения, при-

остановления, прекращения и возобновления права на управление транспортным средством : моногр. М. : ФКУ НЦ БДД МВД России, 2021. 150 с.

References

1. Sinajsky V. I. *Russian civil law*. Moscow: Statut; 2002. 636 p. (In Russ.)
2. Pokrovsky I. A. *History of Roman law*. Moscow: Yurajt; 2025. 447 p. (In Russ.)
3. Agarkov M. M. *Obligations under Soviet civil law*. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR; 1940. 192 p. (In Russ.)
4. Ioffe O. S. *Law of obligations*. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1975. 880 p. (In Russ.)
5. Rozhkova M. A. On the issue of obligations and the grounds for their occurrence. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federatsii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2001;(6):69-85. (In Russ.)
6. Cherepakhin B. B. *Works on civil law*. Moscow: Statut; 2001. 476 p. (In Russ.)
7. Alekseev S. S. *Collected works*. In 10 vols. Vol. 1: Civil law: Works 1958–1970. Moscow: Statut; 2010. 495 p. (In Russ.)
8. Khodyreva E. A. *The right of inheritance in civil law of Russia*. Monograph. Moscow: Statut; 2022. 386 p. (In Russ.)
9. Kulakov V. V. *Termination of obligations under the civil legislation of Russia*. Monograph. Moscow: Russian State University of Justice; 2015. 144 p. (In Russ.)
10. Sarbash S. V. *Fulfillment of a contractual obligation*. Moscow: Statut; 2005. 636 p. (In Russ.)
11. Kirpichev A. E. *Entrepreneurial obligations in the public sector of the economy*. Monograph. Moscow: Russian State University of Justice, 2017. 276 p. (In Russ.)
12. Sheludyaev V. V. Issuance of a prescription for a medicinal product as part of a complex legal composition. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2022;(10):25-31. (In Russ.) DOI: 10.37399/issn2072-909X.2022.10.25-31.
13. Rozhkova M. A. *Legal facts of civil and procedural law: agreements on the protection of rights and procedural relations*. Moscow: Statut; 2009. 330 p. (In Russ.)
14. Syrykh V. M., ed. *Problems of the theory of state and law*. Moscow: Eksmo; 2008. 525 p. (In Russ.)
15. Kondratyev V. A. Ensuring competition in the conclusion of a public-private partnership agreement. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*. 2016;(6):40-45. (In Russ.)
16. Efimov A. V. *Signs, grounds, and civil-law consequences of affiliation of legal entities*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2018. 248 p. (In Russ.)

17. Kulakov V. V. *Complex obligations in civil law*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2011. 382 p. (In Russ.)
18. Mukhamedzhanova A. F. Administrative regulations as elements of a complex set of facts necessary for triggering business obligations. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*. 2019;(11):13-17. (In Russ.)
19. Danilov E. O. On the legal status of a medical organization. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*. 2020;(1):76-79. (In Russ.) DOI: 10.18572/2071-1166-2020-1-76-79.
20. Erokhina T. V. *Public administration of healthcare in the Russian Federation*. Access from the ConsultantPlus Legal Reference System. (In Russ.)
21. Bakanov K. S., Burtsev A. A. *Prevention of intoxicated driving at the stages of obtaining, suspension, termination, and renewal of the right to drive*. Monograph. Moscow: Federal State Institution Scientific Center for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2021. 150 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Шелудяев Владислав Васильевич, старший преподаватель кафедры предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Vladislav V. Sheludyaev, Senior Lecturer at the Business and Corporate Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025; одобрена после рецензирования 03.07.2025; принята к публикации 28.04.2026.

The article was submitted 19.06.2025; approved after reviewing 03.07.2025; accepted for publication 28.04.2026.

Научная статья

УДК 343.13

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.106-125

Особенности преодоления дефектов уголовно-процессуального закона

Татьяна Николаевна Долгих^{1, 2}

¹ Институт управления и территориального развития, Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Российская Федерация

² Калининградский областной суд, Калининград, Российская Федерация

¹ boldinavn@mail.ru

Аннотация

Введение. Уголовно-процессуальный закон состоит из системы норм, каждая из которых или группа таких норм выполняют строго отведенную им роль в регулировании отношений, возникающих между участниками, вовлеченными в сферу уголовно-процессуальных отношений. Только при гармоничном, взаимообусловленном и взаимодополняющем характере функционирования таких норм, в целом составляющих единую систему, призванную к реализации назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ, возможно добиться защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Каждая уголовно-процессуальная норма в идеале должна быть свободна от изъянов, дефектности, и тогда вся система уголовно-процессуальных норм будет способна максимально выполнять поставленные перед ней задачи.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу исследования составили научные работы в области проблем добросовестности правотворчества, исследования дефектов права, юридической техники. При проведении исследования применялись различные методы познания: логический и системный, метод анализа, сравнительно-правовой метод, при помощи которых изучены подходы к понятиям преодоления и уничтожения дефектов, выявлены проблемы деятельности по преодолению пороков уголовно-процессуального закона.

Результаты исследования. Выявлены сущность деятельности по преодолению дефектов, ее отличие от профилактики дефектов уголовно-процессуального закона. Посредством анализа имеющихся подходов к профилактической деятельности по предотвращению законодательных дефектов с учетом системного подхода выделена совокупность методов, направленных на повышение качества и эффективности правотворческого процесса.

Обосновано, что деятельность, направленная на устранение уже допущенных дефектов в уголовно-процессуальном законодательстве, носит преимущественно компенсаторный характер и сводится к их преодолению.

Проанализирован процесс преодоления дефектов уголовно-процессуального законодательства как многоуровневой и концептуально сложной деятельности, заключающейся в поиске правовых решений, способных, несмотря на несовершенство норм, сохранить баланс между законностью, справедливостью и эффективностью их применения, обеспечивая задачу реализации прав и надлежащего исполнения процессуальных обязанностей всеми участниками уголовно-процессуальных отношений.

Выявлены факторы, способствующие активизации процесса преодоления дефектов. Концепцию преодоления дефектов уголовно-процессуальных норм предложено организовать в иерархической системе, выстроенной в зависимости от уровня субъекта, обнаруживающего и преодолевающего соответствующий дефект.

Семантический анализ понятий «преодоление» и «уничтожение», анализ имеющихся доктринальных подходов позволили выявить разницу в их содержании. С опорой на семантический подход и структурно-функциональный анализ деятельности по преодолению дефектов выделены ключевые этапы, которые проходят субъекты, взаимодействующие с порочными уголовно-процессуальными нормами.

Предложено рассматривать деятельность по преодолению дефектов уголовно-процессуальных норм как в статической, так и в динамической плоскостях с применением комплексного междотраслевого подхода.

Выработан алгоритм действий, направленный на преодоление дефектов уголовно-процессуального законодательства, а также сформулировано понятие «преодоление дефектов уголовно-процессуальной нормы».

Обсуждение и заключение. Деятельность, направленная на изучение дефектов права, формирование теории законодательных дефектов, анализ эффективности системы законодательства, должна не только иметь своей целью формулирование понятия дефекта, выявление, систематизацию, классификацию дефектов, но и быть ориентирована на предложение путей профилактики, исправления и преодоления дефектов для минимизации их негативных последствий.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, качество закона, дефект уголовно-процессуального закона, профилактика дефектов, преодоление и устранение дефекта

Для цитирования: Долгих Т. Н. Особенности преодоления дефектов уголовно-процессуального закона // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 2. С. 106–125. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.106-125.

Original article

Peculiarities of Overcoming the Defects of the Criminal Procedure Law

Tatyana N. Dolgikh^{1, 2}

¹ *Institute of Management and Territorial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation*

² *Kaliningrad Regional Court, Kaliningrad, Russian Federation*

¹ *boldinavn@mail.ru*

Abstract

Introduction. The criminal procedure law consists of a system of norms, each of which or a group of such norms performs a strictly assigned role in regulating relations arising between participants involved in the sphere of criminal procedure relations. Only with the harmonious, interdependent and complementary nature of the functioning of such norms, which as a whole constitute a single system designed to implement the purpose of criminal proceedings, enshrined in Art. 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, is it possible to achieve the protection of the rights and legitimate interests of individuals and organizations that have suffered from crimes, the protection of the individual from illegal and unfounded accusations, convictions, and restrictions on their rights and freedoms.

Each criminal procedural norm should ideally be free from flaws, defects, and then the entire system of criminal procedural norms will be able to maximally fulfill the tasks set before it.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the study was made up of scientific works in the field of problems of the integrity of lawmaking, the study of defects of law, legal technique. During the study, various methods of cognition were used: logical, systemic, method of analysis, comparative legal method, with the help of which approaches to the concepts of overcoming and eliminating defects were studied, problems of activity on overcoming vices of criminal procedural law were identified.

Results. The essence of the activity on overcoming defects, its difference from the prevention of defects of the criminal procedure law is revealed. By means of the analysis of the existing approaches to preventive activity on the prevention of legislative defects taking into account the systemic approach, a set of methods aimed at improving the quality and efficiency of the law-making process is identified.

It is substantiated that the activity aimed at eliminating the already admitted defects in the criminal procedure legislation is mainly of a compensatory nature and is reduced to their overcoming.

The process of overcoming the defects of criminal procedural legislation is analyzed as a multi-level and conceptually complex activity consisting in the search for legal solutions that are capable, despite the imperfection of the norms, of maintaining a balance between legality, justice and the effectiveness of their application, ensuring the task of realizing the rights and proper performance of procedural duties of all participants in criminal procedural relations.

The factors that contribute to the activation of the process of overcoming defects are identified. The concept of overcoming the defects of criminal procedural norms is proposed to be organized in a hierarchical system built depending on the level of the subject who discovers and overcomes the corresponding defect.

Semantic analysis of the concepts of “overcoming” and “destruction”, analysis of existing doctrinal approaches, allowed to identify the difference in their content. Based on the semantic approach and structural and functional analysis of the activity to overcome defects, the key stages that subjects interacting with vicious criminal procedural norms go through are identified.

It is proposed to consider the activity to overcome the defects of criminal procedural norms, both in a static and dynamic plane using a comprehensive interdisciplinary approach.

An algorithm of actions aimed at overcoming the defects of criminal procedural legislation has been developed, and the concept of overcoming the defects of the criminal procedural norm has been formulated.

Discussion and Conclusion. Activities aimed at studying the defects of law, forming the theory of legislative defects, analyzing the effectiveness of the legislative system, should have as their goal not only the formulation of concepts of defect, identification, systematization, classification of defects, but also be focused on proposing ways of preventing, correcting and overcoming defects, in order to minimize their negative consequences.

Keywords: criminal proceedings, quality of law, defect of criminal procedure law, prevention of defects, overcoming and eliminating defect

For citation: Dolgikh T. N. Peculiarities of overcoming the defects of the criminal procedure law. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(2):106-125. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.106-125.

Введение

Система уголовно-процессуальных норм является результатом труда человека, вследствие чего она «обречена» на наличие дефектов, рассогласованностей, некоторых непоследовательностей и противоречий.

Н. В. Миронов справедливо замечал, что «всякая правовая система не может абсолютно исключать возможности некоторых противоречий, несогласованности норм внутри этой системы» [1, с. 9]. Следует согласиться с мнением И. А. Покровского о том, что «закон страдает пороками мысли и пороками редакции» [2, с. 94].

С учетом таких подходов к пониманию закона как небезупречного результата когнитивной деятельности не идеального субъекта исследователи ставят задачу поиска путей сведения к возможному минимуму наличия пороков уголовно-процессуальных норм.

Проблема наличия дефектов в праве не является новой и постоянно выступает предметом разного уровня исследований в различных отраслях права [3; 4].

Так, Ю. А. Викулин формулирует понятие теории законодательных дефектов как «систему обобщенного достоверного знания, которая выявляет, описывает и объясняет дефекты законодательства, показывает причины их появления, предсказывает их последствия, а также предлагает пути и способы их устранения» [5, с. 17].

О. Е. Кутафин подчеркивал, «что эффективная система законодательства имеет исключительно важное значение для высокого юридического статуса человека, призвана развивать демократию, эффективную и гуманистическую организацию государственной власти, все то, что должно полностью исключить произвол и беззаконие, надежно гарантировать юридическую защищенность личности» [6, с. 151–152].

Отсутствие доктринально сформулированного понятия дефекта закона позволило исследователям достаточно свободно и даже произвольно относиться к использованию такого понятия.

В литературе упоминаются такие понятия, как законодательный дисбаланс [7], юридические препятствия¹, дефект актов толкования, правотворческая ошибка [8], текстуально-правовой конфликт [9] и др.

Не только по поводу формулирования понятия правового дефекта нет единства среди ученых, но и его содержание постоянно подвергается различным трактовкам, наполняя его разными смыслами.

С. Г. Кильтау и В. В. Казначейский полагают, что «понятие “правовой дефект” является краеугольным камнем развивающегося раздела теории права – правовой дефектологии» [10, с. 12]

Н. И. Хлуденева справедливо отмечает, что «в юриспруденции не только отсутствует единство взглядов относительно наименования категории “дефект в праве”, но и не выработана единая концепция понимания ее юридического наполнения» [9, с. 19].

Представляется возможным согласиться с позицией И. П. Кожокарь о том, что «формирование теоретического представления о понятии, признаках и месте правовых дефектов в понятийной системе теории права должно стать первым шагом в разработке правовой дефектологии как научного направления» [11, с. 70].

О. В. Брежнев писал, что «правовой дефект охватывает концепцию нормативного правового регулирования, его качество, оцениваемое в том числе с точки зрения его согласованности с иными нормами законодательства, а также успешность достижения целей этого регулирования, т. е. его эффективность. Таким образом, понятие правового дефекта не ограничивается только формально-правовыми аспектами, включает множество различных содержательных “деформаций” как самой нормы, так и ее применения» [12, с. 43].

М. А. Жильцов, исследуя дефекты трудового права, формулирует их как «недостатки, противоречия, несовершенства трудовправовых норм и трудовправовых конструкций, которые приводят к проблемам правоприменения, нарушению трудовых прав и законных интересов субъектов трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений» [13, с. 57].

В исследовании мы будем исходить из того, что дефект права и дефект закона – это разные по объему понятия. При этом представляется возможным утверждать, что дефект закона является частью правового дефекта. Далее нами будет рассмотрен более узкий вид дефектов – дефект уголовно-процессуального закона.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу исследования составили научные работы в области добросовестности правотворчества, исследования дефектов права, правил юридической техники.

Формально-юридический метод исследования позволил определить особенности преодоления дефектов уголовно-процессуального закона как по-

¹ Власенко В. Н., Панченко В. Ю., Шушпанов К. С. Теория юридических препятствий: базовый курс : учеб. пособие. М. : Юрлитинформ, 2023. 168 с.

следствий субъективной деятельности людей, формулирующих такие нормы, составляющие основу будущего законопроекта, и в этом смысле норма не может быть безупречной в силу особенностей когнитивной деятельности человека.

Следуя данной логике, в исследовании не используется термин «полное устранение» всех имеющихся в законе дефектов. На наш взгляд, сущность деятельности по преодолению дефектов закона обнажает понятие «минимизация» дефектов, т. е. сведение их наличия в Уголовно-процессуальном кодексе к возможному минимуму, не блокирующему возможность реализации сторонами, вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства, своих прав и несения бремени возложенных УПК РФ обязанностей.

Однако следует сделать оговорку о том, что мы имеем в виду весь спектр содержащихся в УПК РФ дефектов, полагая при этом, что отдельные дефекты уголовно-процессуального закона вполне могут быть устранены.

Использование сравнительно-правового метода исследования позволило выявить разные подходы к формулированию и пониманию качества и эффективности правотворческого процесса, к деятельности по устранению и преодолению дефектов.

Результаты исследования

Дефекты правотворческой деятельности в сфере уголовного судопроизводства представляют собой системные и фрагментарные отклонения не только от требований юридической техники, но и от принципов правовой определенности и внутренней согласованности нормативных правовых актов. Указанные недостатки могут возникать на различных этапах нормотворческого цикла – от разработки концептуальной модели законопроекта до его принятия.

Применение системного подхода в сочетании с эпистемологическим анализом профилактической деятельности как правового феномена позволяет выделить совокупность методов, направленных на повышение качества и эффективности правотворческого процесса в сфере уголовно-процессуального регулирования. К числу таких методов, способствующих совершенствованию законодательной деятельности по разработке и принятию норм, регулирующих уголовно-процессуальные отношения, относятся:

- систематизация деятельности по принятию законов, вносящих изменения в УПК РФ;
- выстраивание системы мониторинга запросов необходимости изменений уголовно-процессуальных норм;
- систематический анализ и учет в правотворческой деятельности опыта, уже накопленного при ранее разрешенных вопросах, связанных с преодолением дефектов уголовно-процессуальных норм;
- совершенствование подходов к анализу идей о внедрении новых институтов, проектов законов, обстоятельств, свидетельствующих о необходимости вмешательства в уже существующее уголовно-процессуальное регулирование, исключение лоббизма, в том числе со стороны правоохранительных органов;
- правовая экспертиза;
- постоянное совершенствование юридической техники законопроектов, повышение качества их текстов, с привлечением в том числе научных учреж-

дений и экспертного сообщества на стадии подготовки и обсуждения законопроектных инициатив;

- совершенствование профессионального уровня субъектов правотворчества;

- интеграция технологий искусственного интеллекта.

Одной из самых распространенных причин появления дефектов закона является слишком интенсивная, непродуманная законотворческая деятельность.

Если обратиться непосредственно к УПК РФ, то только в 2024 г. он изменялся 17 федеральными законами, в 2025 г. – 4.

Концепцию преодоления дефектов уголовно-процессуальных норм целесообразно организовать в иерархической системе, выстроенной в зависимости от уровня субъекта, обнаруживающего и преодолевающего соответствующий дефект. Такая иерархия охватывает как представителей органа, осуществляющего предварительное расследование, судей, в процессе правоприменения взаимодействующих с дефектными нормами в рамках уголовного судопроизводства, не имеющих возможности законодательно устранить дефект, так и организаций, обладающих правом законодательной инициативы.

Указанная структура позволяет отграничить инструменты реагирования на дефекты от локальных правоприменительных решений, основанных на аналогии закона или практикоориентированном толковании, до системного законодательного вмешательства. Важную роль в обеспечении связанности между этими уровнями играет судебная практика, в особенности правовые позиции высших судебных инстанций, способствующие формированию единого подхода к устранению нормативных противоречий и пробелов. Таким образом, иерархизация концепта преодоления дефектов обеспечивает не только согласованность механизмов реагирования, но и институциональную преемственность между правоприменением и правотворчеством.

Рассматривая процесс преодоления дефектов, следует вести речь о необходимости применения норм с уже выявленными дефектами.

Если субъект деятельности поставит перед собой цель минимизировать количество дефектов, тогда следует рассуждать в плоскости полномочий такого субъекта в сфере профилактики дефектов уголовно-процессуального закона.

В зависимости от этапа выявления дефекта уголовно-процессуального закона различаются как способы их преодоления, так и механизмы его устранения. Однако не стоит недооценивать эффективность превентивной деятельности по недопущению зарождения дефектов закона.

Представляется обоснованным утверждение, что именно профилактика дефектов на ранних этапах правотворческой деятельности в сфере уголовного судопроизводства является наиболее действенным средством предупреждения правовых изъянов. Такая превентивная стратегия не просто позволяет минимизировать риски последующих правоприменительных коллизий, но и обеспечивает формирование устойчивого, внутренне непротиворечивого и функционально пригодного нормативного массива уголовно-процессуальных норм.

С. В. Синюков правильно отмечает, что правотворчество «представляет собой многоаспектный институт современного правового регулирования, имеет сложную многоуровневую организацию, включающую элементы правообра-

зования, нормообразования, законотворчества, правореализации, правосознания» [14, с. 7].

«Ответственное отношение к законотворческой процедуре – залог успешной профилактики дефектов законодательства» [15, с. 100], как справедливо пишет В. Д. Зорькин, отмечая при этом, что большинство дефектов допускаются при внесении поправок в проекты законов при рассмотрении их во втором чтении.

Многие ученые эффективность профилактики дефектов закона видят в необходимости разработки концепций будущего законопроекта [14, с. 20].

А. Нашиц отмечал, что «при принятии нормативных актов следует иметь в виду и конкретные материальные условия, от наличия которых зависит выбор того, когда и в какой мере определенные решения, вытекающие из общих принципов законодательной политики, а стало быть, из природы и общих особенностей общественно-экономического и политического строя, могут быть эффективно осуществлены на практике» [16, с. 112].

В. М. Баранов, указывая, что «...необходим относительно самостоятельный прием юридической техники, организационно автономный начальный этап законотворчества, представляющий собой систему теоретически обоснованных, практически апробированных либо выработанных на основе здравого смысла суждений о настоящей потребности в документе, предмете и методах правовой регламентации, ближайших и отдаленных целях акта, ожидаемом результате», полагал необходимым до принятия закона сформулировать идею законопроекта [17, с. 29].

Большим шагом в направлении профилактики дефектов уголовно-процессуального закона стало принятие Министерством юстиции Российской Федерации приказа № 326 от 1 ноября 2024 г. о создании Научно-консультативного совета по совершенствованию уголовной политики (в части уголовно-правового, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования) при Минюсте России, основной задачей которого заявлено создание экспертной площадки для формирования комплекса мероприятий по совершенствованию уголовной политики Российской Федерации (в части уголовно-правового, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования), в том числе путем осуществления научной и практической разработки подготовленных проектов федеральных законов².

Кроме того, представляется возможным заключить, что в рамках профилактической деятельности по предупреждению дефектов нормотворчества целесообразно интегрировать потенциал современных технологий, в частности искусственного интеллекта, обладающего способностью к масштабному, системному и контекстуальному анализу нормативного материала. Использование таких алгоритмов, обученных выявлять внутренние логические несоответствия, противоречия и пробелы в правовом регулировании, позволяет повысить точность оценки солидарного функционирования и взаимозависимо-

² Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 1 ноября 2024 г. № 326 «О Научно-консультативном совете по совершенствованию уголовной политики (в части уголовно-правового, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования) при Министерстве юстиции Российской Федерации». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

сти уголовно-процессуальных норм, тем самым способствуя формированию более целостной и устойчивой нормативной конструкции [18].

Деятельность, направленная на устранение уже допущенных дефектов в уголовно-процессуальном законодательстве, носит преимущественно компенсаторный характер и сводится к их преодолению.

Процесс преодоления дефектов уголовно-процессуального законодательства, с которыми сталкиваются правоприменители на практике, представляет собой многоуровневую и концептуально сложную деятельность. Ее содержание заключается в поиске правовых решений, обеспечивающих такое применение норм, которое, несмотря на их несовершенство или неоднозначность, позволяет сохранять баланс между законностью, справедливостью и эффективностью. Главной задачей в этом контексте выступает обеспечение реализации прав и надлежащее исполнение процессуальных обязанностей всеми участниками уголовно-процессуальных отношений. При этом вектор соответствующих правоприменительных усилий направлен на достижение фундаментальных целей уголовного судопроизводства, защиту прав и свобод личности, справедливое разрешение уголовных дел, а также укрепление доверия к институтам правосудия.

Изучение сущностных характеристик дефектов уголовно-процессуального законодательства, этапов их проявления, а также способов и механизмов их устранения позволяет определить ключевые факторы, способствующие активизации процесса их преодоления. Эти факторы выполняют роль стимулов, направляющих усилия субъектов правотворчества и правоприменения на восстановление эффективности и внутренней согласованности уголовно-процессуальных норм. Такими факторами нами признаны как неопределенность непосредственно нормы, содержащей изъяс, так и неопределенность ситуации, для разрешения которой (ситуации) отсутствуют в полном объеме нормы-регуляторы или присутствуют лишь частично; необходимость вмешательства в модель функционирования нормы; неэффективность или низкая эффективность нормы.

Применительно к неопределенности норм Конституционный Суд Российской Федерации высказался следующим образом: «Юридической силой решения Конституционного Суда Российской Федерации, в котором выявляется конституционно-правовой смысл нормы и тем самым устраняется неопределенность в ее интерпретации с точки зрения соответствия Конституции Российской Федерации, обуславливается невозможность применения данной нормы (а значит, прекращение действия) в любом другом истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации»³.

Разрабатывая методику оценки эффективности норм права, В. Д. Чураков справедливо заметил, что «методика такой оценки должна распростра-

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2012 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 12 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с жалобой гражданки Т. И. Романовой» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 2.

няться на два этапа правового регулирования: правотворчество и реализацию права» [19, с. 10].

Если обратиться к значению понятия «преодолеть», содержащемуся в словарях В. И. Даля, С. И. Ожегова, мы увидим: «преодолеть, значит одолеть, осилить, побороть, победить, превозмочь, покорить, низложить и подчинить себе, справиться с чем-нибудь»⁴, в то время как термин «устранить» этими же авторами трактуется в значении «удалить, изжить или уничтожить».

Таким образом, под преодолением дефекта уголовно-процессуальной нормы следует понимать применение определенного механизма, направленного на разрешение ситуации, вызванной наличием нормативного изъяна. При этом подобное преодоление может носить как временный характер – за счет частичной нейтрализации негативных последствий дефекта в процессе правоприменения, так и окончательный, предусматривающий полное устранение дефекта. В последнем случае речь идет о ликвидации дефектной нормы или ее части, исправлении нормы, дополнении уголовно-процессуального закона необходимой нормой, что обеспечит восстановление целостности и функциональной эффективности уголовно-процессуального законодательства.

Ввиду недостаточного уровня теоретической разработанности правовой дефектологии в целом и концепции уголовно-процессуальных дефектов в частности, а также фрагментарного характера существующих исследований в данной области, на сегодняшний день не сформирован единообразный понятийный аппарат, применяемый к процессу преодоления дефектов нормативного регулирования. В литературе можно встретить бессистемное употребление термина «преодоление» в различных значениях, в том числе в смысле восполнения, т. е. дополнения значения, или в смысле устранения дефекта нормы.

М. А. Капустина отмечает, что «...неунифицированность терминологии вообще считается нарушением формальных требований к юридическому языку» [20, с. 213].

Рассматривая дефекты трудового права, М. А. Жильцов в докторской диссертации использует термины «устранение дефектов» и «преодоление дефектов» в качестве синонимичных [13, с. 91]. Не разделяет понятия «устранение дефектов» и «преодоление дефектов» и Э. И. Девицкий [21].

Д. А. Манчинская и Г. А. Марзак считают, что пробелы в праве устраняются путем восполнения или их преодоления [22]. Аналогичную позицию занимает С. М. Подлесных, полагая, что «...устранить пробелы в уголовно-процессуальном праве возможно двумя путями: преодоление, восполнение» [23, с. 90].

В. А. Толстик полагает, что «преодоление будет иметь место в тех случаях, когда норма, содержащая дефект, формально сохраняет юридическую силу, но в процессе интерпретационной деятельности уточняется либо восполняется в процессе правоприменительной деятельности для конкретного отдельно взятого правоприменительного случая» [24, с. 54].

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 2 т. Т. 2 : П–V. М. : Олма-Пресс, 2002. С. 374 ; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : ИТИ Технологии, 2003. 944 с.

И. П. Кожокарь утверждает, что способом устранения дефекта могут быть аналогия закона или аналогия права [25].

Нам представляется, что применение аналогии не приводит к фактическому устранению дефекта, поскольку он сохраняется в том же нормативном положении, как и был выявлен в процессе правоприменения. Использование аналогии служит лишь временным инструментом, позволяющим правоприменителю форсировать конкретный нормативный изъян. При этом сама дефектная норма либо ее отсутствие продолжают оказывать негативное влияние на общую эффективность уголовно-процессуального законодательства.

Опираясь на семантический подход и структурно-функциональный анализ деятельности по преодолению дефектов, можно выделить ключевые этапы, которые проходят субъекты, взаимодействующие с порочными уголовно-процессуальными нормами в условиях объективной правовой реальности: детектирование, или обнаружение, дефекта, фиксация дефекта, форсирование дефекта, устранение дефекта.

В рамках настоящего исследования, исходя из критерия потенциального влияния на возможность продвижения по этапам преодоления дефектов, целесообразно выделить следующих *субъектов, задействованных на данном этапе процесса*: члены научного сообщества; лица, обратившиеся в Конституционный Суд Российской Федерации для проверки той или иной нормы уголовно-процессуального закона на соответствие Конституции Российской Федерации; граждане, выдвинувшие общественную инициативу с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183; Конституционный Суд Российской Федерации; Верховный Суд Российской Федерации; органы законодательной власти, полномочные вносить для рассмотрения и принятия изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство. Выбор именно этих субъектов объясняется тем, что они обладают необходимым потенциалом и компетенцией для активизации процесса преодоления дефектов как посредством самостоятельных действий, так и через выработку и представление соответствующих рекомендаций.

Фиксация (от позднелатинского *fixatio*, латинского *fixus*, что переводится как «прочный, закрепленный») дефекта – это совокупность способов, направленных на закрепление дефекта уголовно-процессуальной нормы или ситуации, страдающей от отсутствия уголовно-процессуальной нормы, требующей ее существования для эффективной реализации сторонами своих прав.

Методы фиксации дефектов могут значительно варьироваться и выбираются с учетом компетенций и полномочий субъекта, осуществляющего их выявление.

Так, представители научного сообщества могут фиксировать дефекты уголовно-процессуальных норм посредством публикации результатов исследований, представления докладов на конференциях различного уровня, а также в кандидатских и докторских диссертациях, посвященных анализу уголовно-процессуальных правоотношений. Суды отражают дефекты в описательно-мотивировочных частях приговоров, постановлений и определений. Законодательные органы могут фиксировать дефекты посредством экспертных заключений, подготовленных профильными комитетами, а также обращений общественных и профессиональных объединений.

Одним из способов форсирования дефектов является толкование, которое служит инструментом для раскрытия и уточнения законодательного смысла, заложенного в уголовно-процессуальную норму. Толкование, как справедливо отмечает В. О. Белоносов, «...является интегрированным компонентом не только правоприменительной, но и законотворческой, теоретико-исследовательской и иной правовой деятельности, связанной с необходимостью уяснения сущности законодательных требований и необходимостью их правильной реализации» [26, с. 9].

Е. А. Ершова также считает, что толкование – это уяснение для себя и разъяснение для других действительного смысла правовых норм [27, с. 94].

Некоторые ученые полагают, что «до толкования текст сам по себе не имеет значения и находится в ожидании этого значения, именно толкователь определяет норму, выраженную формулировкой, а норма действительна потому, что она создана в процессе толкования» [28, с. 138].

Кроме того, представляется уместным использовать концепции, выработанные герменевтикой.

В качестве способов форсирования дефектов также выступают аналогия закона и аналогия права, применение коллизионных правил.

Алогизмы, терминопонятийные, темпоральные дефекты форсируются путем применения законов логики, выявления речевых ошибок, анализа фактического материала текста, логики его изложения, композиционных особенностей, соотношения видовых и родовых понятий, применения правил юридической техники, выявления соотношения между внутренним содержанием понятия и его внешним выражением.

Стилистические и лингвистические дефекты устраняются путем применения практик, сформулированных с учетом стилистических и лингвистических особенностей юридического языка.

Устранение дефектов представляет собой системную деятельность органов законодательной власти, направленную на совершенствование уголовно-процессуального закона путем законотворческой деятельности в целях повышения эффективности уголовно-процессуальных норм. И. П. Кожокарь полагает, что «устранение технико-юридических дефектов – это системная регулярная деятельность, направленная на совершенствование законодательства, обусловленная низким качеством нормативно-правовых актов и их правовых норм» [11, с. 41]. По мнению М. А. Соколовой, «устранение дефектов юридических документов – это деятельность субъектов права, направленная на исправление выявленных дефектов юридических документов. Примером исправления служит внесение изменений, дополнений в ранее созданный юридический документ либо создание нового юридического документа, регулирующего общественные отношения качественней, чем предыдущий» [29, с. 102].

На наш взгляд, *устранение дефектов нормативного характера следует отнести к исключительной компетенции законодателя*, который выступает единственным уполномоченным субъектом, обладающим правом внесения изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство.

Вместе с тем есть и иные мнения. Так, И. П. Кожокарь полагает, что «некоторые нормативные дефекты могут быть устранены не только правотворца-

ми, но и Конституционным Судом Российской Федерации и другими судами посредством признания нормы неконституционной» [11, с. 41].

Попробуем обосновать иную позицию.

Согласно ст. 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁵ решение Конституционного Суда Российской Федерации действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами; акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу.

Таким образом, уголовно-процессуальная норма, признанная неконституционной в связи с наличием в ней правового дефекта, утрачивает свою юридическую силу и подлежит исключению из практики правоприменения, а на месте такой порочной нормы образуется «пустота». То, что Конституционный Суд Российской Федерации одновременно с признанием нормы неконституционной может предложить вариант нового подхода к уяснению смысла правоотношения, указывает на то, что фактически применяется аналогия закона. Более того, законодатель после такого акцента Конституционного Суда, устраняя дефект уголовно-процессуальной нормы, может расширить горизонт применения нормы.

Ярким примером может служить ситуация, возникшая в ходе применения института прекращения уголовного преследования в отношении лиц, сроки давности привлечения к ответственности которых истекли, не согласных с прекращением уголовного дела в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Частью 2.2 ст. 27 УПК РФ установлено, что Российской Федерации, если производство по уголовному делу продолжено в обычном порядке в связи с наличием возражений подозреваемого или обвиняемого против прекращения уголовного преследования по причине истечения сроков, указанных в ст. 78 УК РФ, следователь должен прекратить уголовное преследование такого лица в связи с непричастностью к инкриминируемому преступлению в течение 2 месяцев при совершении преступления небольшой тяжести, 3 – средней тяжести и 12 – тяжкого или особо тяжкого преступления.

Как следует из пояснительной записки к Федеральному закону от 13 июня 2023 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», он разработан в целях реализации постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2022 г. № 33-П.

В данном постановлении Конституционный Суд Российской Федерации ч. 2 ст. 27 УПК РФ и п. «в» ч. 1 ст. 78 УК РФ признал не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они, допуская в своей взаимосвязи продолжение уголовного преследования после истечения на досудебной стадии уголовного судопроизводства срока давности привлечения к уголовной ответственности, в случае, если подозреваемый или обвиняемый возражал в момент истечения этого срока против прекращения уголовного преследования по данному нереабилитирующему основанию, не гарантируют достижения в разумные сроки определенности правового положения такого лица применительно к подозрению или обвинению в совершении преступления.

⁵ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

До принятия указанных изменений в УПК РФ действовал порядок, предложенный Конституционным Судом Российской Федерации: продолжение расследования уголовного дела по истечении срока давности уголовного преследования, когда подозреваемый или обвиняемый возражал в момент истечения этого срока против прекращения уголовного дела по данному нереабилитирующему основанию, допускается в срок, не превышающий двенадцати месяцев со дня истечения срока давности уголовного преследования; по истечении указанного срока, если уголовное дело в установленном порядке не передано в суд, оно подлежит незамедлительному прекращению и без согласия на то подозреваемого или обвиняемого, который вправе оспорить такое решение в суд, а суд обязан разрешить его жалобу по правилам, предусмотренным ст. 125.1 УПК РФ. Однако о том, что основание прекращения уголовного преследования в отношении такого лица должно из нереабилитирующего трансформироваться в реабилитирующее, в указанном постановлении Конституционного Суда Российской Федерации речь не велась.

Между тем законодатель расширил смысл приведенных Конституционным Судом Российской Федерации позиций и, используя дискреционные полномочия, фактически признал такую категорию лиц «чистыми» с точки зрения привлечения к уголовной ответственности с наделением возможностью реализации последствий, предусмотренных главой 18 УПК РФ.

Представляется обоснованным рассматривать деятельность по преодолению дефектов уголовно-процессуальных норм как в статической, так и в динамической плоскостях. Такой методологический подход позволяет охватить как институционально закрепленные механизмы, так и процессуальные аспекты их практического функционирования. Взаимосвязь и взаимодополнение этих форм анализа дают возможность более глубоко исследовать многоаспектность и природу дефекта как явления, а также выявить закономерности его возникновения и устранения в системе уголовного судопроизводства.

Рассмотрение деятельности по преодолению дефектов в ее статическом аспекте позволяет выявить ее основные признаки, определить понятие, цели, задачи, методологические основы, а также систематизировать способы преодоления и круг вовлеченных субъектов. Иными словами, статичный подход формирует исходную, концептуальную модель данной деятельности. Это обеспечивает интеграцию научно-теоретического взгляда на ее природу и сущностные характеристики, создавая прочную основу для дальнейшего анализа.

В свою очередь, анализ указанной деятельности в динамике позволяет рассмотреть ее как развивающийся и изменяющийся процесс, включающий конкретные действия субъектов по выявлению, фиксации и устранению дефектов уголовно-процессуальных норм в условиях правоприменительной практики.

Кроме того, представляется недостаточным рассматривать деятельность по преодолению дефектов исключительно в узком аспекте, ограниченном рамками одной отрасли. Эффективная систематизация данной деятельности требует комплексного и межотраслевого подхода, учитывающего взаимодействие уголовно-процессуальных норм с положениями смежных отраслей, в частности уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Такой

широкий подход позволяет более полно учитывать специфику правового регулирования и способствует формированию целостной стратегии устранения правовых дефектов, ориентированной на обеспечение согласованности всей системы уголовного судопроизводства.

Примером такого рассогласования могут быть положения ч. 2 ст. 14 УК РФ о возможности признать малозначительным деяние, хотя формально и содержащее признаки какого-либо преступления, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит нормы, позволяющей освободить лицо от уголовной ответственности в связи с малозначительностью деяния, а практикой выработан подход, позволяющий прекратить уголовное дело в отношении такого лица в связи с отсутствием состава преступления с признанием за ним права на реабилитацию. Несмотря на устоявшуюся на данный момент судебную практику, споры об обоснованности такого подхода не утихают [30, с. 53; 31, с. 73; 32, с. 65].

Алгоритм действий, направленных на преодоление дефектов уголовно-процессуального законодательства, может быть представлен в виде следующих взаимосвязанных *этапов деятельности конкретного субъекта преодоления*: определение вида дефекта; анализ полномочий, которые могут быть использованы для преодоления дефекта; составление стратегии по преодолению дефекта; непосредственно преодоление дефекта (внесение изменений в законодательство, применение уголовно-процессуальной нормы в конкретном деле и т. д.).

Обсуждение и заключение

Акцентирование внимания на необходимости развития теории законодательных дефектов в целом и дефектов уголовно-процессуального закона в частности, определение субъектов и способов преодоления таких дефектов на всех этапах применения уголовно-процессуального закона должны позитивным образом отразиться на эффективности достижения назначения уголовного судопроизводства, способствовать минимизации дефектов уголовно-процессуального закона, исключая следственные и судебные ошибки.

Формулирование общего теоретического представления о понятиях дефектов, способах их преодоления может занять достойное место в таком развивающемся научном направлении, как правовая дефектология.

Приведенные выше результаты исследования позволяют нам сформулировать *понятие преодоления дефектов уголовно-процессуального закона* как деятельности специальных субъектов, а также субъектов применения уголовно-процессуального закона в пределах их компетенции по совершенствованию уголовно-процессуальных норм путем применения наиболее эффективных в конкретной ситуации методов, способов и приемов, направленных на минимизацию негативного воздействия дефекта, его форсирование, уничтожение в целях единообразия правоприменения, предоставления сторонам, вовлеченным в уголовно-процессуальные отношения, возможностей полноценного использования предоставленных им прав и несения обязанностей, предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законодательством.

Список источников

1. Миронов Н. В. Международное право: нормы и их юридическая сила. М. : Юрид. лит., 1980. 158 с.
2. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Эксмо, 2022. 451 с.
3. Андреев Д. С. Дефектные административно-правовые акты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 218 с.
4. Зуев О. М. Юридически дефектные нормативные правовые акты в системе источников права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 193 с.
5. Викулин Ю. А. Начала теории законодательных дефектов. М. : Норма, 2020. 344 с.
6. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : Норма, 2008. 542 с.
7. Белоусов С. А. Научная абстракция «Законодательный дисбаланс» в понятийных рядах общей теории права // Современное общество и право. 2015. № 4 (21). С. 35–40.
8. Баранов В. М., Пшеничных М. А. Правотворческие ошибки как фактор дисгармонии правового развития (по материалам Международного научно-практического круглого стола «Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах») // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 170–182.
9. Хлуденева Н. И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды. М. : Инфра-М, 2014. 172 с.
10. Кильтау С. Г., Казначейский В. В. Участие судов в устранении муниципальных технико-юридических дефектов // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2023. № 4. С. 11–15. DOI: 10.18572/2072-4314-2023-4-11-15.
11. Кожокарь И. П. Техничко-юридические дефекты в российском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 414 с.
12. Брежнев О. В. Конституционно значимые пробелы в законодательстве и их квалификация в практике российского конституционного правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 11. С. 42–46. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-11-42-46.
13. Жильцов М. А. Дефекты трудового права и способы их преодоления : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 459 с.
14. Синюков С. В. Механизм правотворчества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 27 с.
15. Зорькин В. Д. Конституционный контроль как фактор совершенствования российского законодательства // Журнал российского права. 2023. № 5 (27). С. 86–102. DOI: 10.12737/jrp.2023.054.
16. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / пер. с румын. И. Фодор. М. : Прогресс, 1974. 181 с.
17. Баранов В. М. Идея законопроекта // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 28–38.

18. Долгих Т. Н. Цифровизация уголовного судопроизводства: способ преодоления дефектов закона или оптимизация процессов? // Судья. 2024. № 8 (164). С. 27–30.
19. Чураков В. Д. Методы экономического анализа права и больших данных в оценке эффективности правовых норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 22 с.
20. Капустина М. А. Правовое регулирование: системный подход : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2017. 246 с.
21. Девицкий Э. И. О способах выявления и устранения судами дефектов нормативных правовых актов // Академический юридический журнал. 2021. № 2 (84). С. 106–114. DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(2).106-114.
22. Марзак Г. А., Манчинская Д. А. Проблемы устранения дефектов нормативных правовых актов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. № 3 (8). С. 146–151.
23. Подлесных С. Н. Пробелы в уголовно-процессуальном праве. М. : Юрлитинформ, 2013. 184 с.
24. Толстик В. А. Судебное и ведомственное толкование как способ преодоления дефектов фактических составов // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 1 (17). С. 53–58.
25. Кожокарь И. П. К вопросу об отдельных способах устранения дефектов механизма гражданско-правового регулирования обязательственных отношений // Вестник Пермского университета. 2015. № 2 (28). С. 55–60.
26. Белоносов В. О. Толкование норм права в системе теоретической и практической деятельности в сфере уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2009. 464 с.
27. Ершова Е. А. Правовая природа постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации // Трудовое право. 2009. № 3. С. 79–96.
28. Тропер М. Реалистическая теория толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1 (54). С. 136–143.
29. Соколова М. А. Дефекты юридических документов: причины и условия возникновения, выявление, пресечение, устранение : моногр. М. : Юриспруденция, 2016. 160 с.
30. Хилjuta В. В. Выбор основания для прекращения уголовного дела при малозначительности деяния // Законность. 2021. № 4 (1038). С. 53–55.
31. Пудовочкин Ю. Е. Оценка судом общественной опасности преступления : учеб. пособие. М. : РГУП, 2019. 244 с.
32. Лопашенко Н. А. О некоторых проблемах в понимании малозначительного деяния по Уголовному кодексу РФ // Уголовное право. 2019. № 5. С. 65–78.

References

1. Mironov N. V. *International law: norms and their legal force*. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1980. 158 p. (In Russ.)
2. Pokrovskiy I. A. *Main problems of civil law*. Moscow: Eksmo; 2022. 451 p. (In Russ.)
3. Andreev D. S. *Defective administrative-legal acts*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2011. 218 p. (In Russ.)
4. Zuev O. M. *Legally defective normative legal acts in the system of sources of law*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2011. 193 p. (In Russ.)
5. Vikulin Yu. A. *Principles of the theory of legislative defects*. Moscow: Norma; 2020. 344 p. (In Russ.)
6. Kutafin O. E. *Russian constitutionalism*. Moscow: Norma; 2008. 542 p. (In Russ.)
7. Belousov S. A. Scientific abstraction “legislative imbalance” in the conceptual rows of the general theory of law. *Sovremennoe obshchestvo i pravo = Modern Society and Law*. 2015;(4):35-40. (In Russ.)
8. Baranov V. M., Pshenichnov M. A. Lawmaking errors as a factor in the disharmony of legal development (based on the materials of the International scientific and practical round table “Lawmaking errors: concept, types, practice and techniques for elimination in post-Soviet states”. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*. 2008;(2):170-182. (In Russ.)
9. Khludeneva N. I. *Defects of legal regulation of environmental protection*. Moscow: Infra-M; 2014. 172 p. (In Russ.)
10. Kiltau S. G., Kaznachejsky V. V. Participation of courts in the elimination of municipal legal writing defects. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal Service: Legal Issues*. 2023;(4):11-15. (In Russ.) DOI: 10.18572/2072-4314-2023-4-11-15.
11. Kozhokar I. P. *Technical and legal defects in Russian law*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2020. 414 p. (In Russ.)
12. Brezhnev O. V. Gaps of constitutional importance and qualification thereof in the Russian constitutional justice practice. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2024;(11):42-46. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3767-2024-11-42-46.
13. Zhiltsov M. A. *Defects of labor law and ways to overcome them*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Yekaterinburg; 2011. 459 p. (In Russ.)
14. Sinyukov S. V. *Mechanism of lawmaking*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Saratov; 2012. 27 p. (In Russ.)
15. Zorkin V. D. Constitutional control as a factor in improving Russian legislation. *Journal of Russian Law*. 2023;(5):86-102. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrp.2023.054.
16. Nashits A. *Lawmaking. Theory and legislative technique*. Transl. from Romanian by I. Fodor. Moscow: Progress; 1974. 181 p. (In Russ.)

17. Baranov V. M. The idea of the bill. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*. 2007;(1):28-38. (In Russ.)
18. Dolgikh T. N. Digitalization of criminal proceedings: a way to overcome the defects of the law or optimize processes? *Sud'ya = Judge*. 2024;(8):27-30. (In Russ.)
19. Churakov V. D. *Methods of economic analysis of law and big data in assessing the effectiveness of legal norms*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2023. 22 p. (In Russ.)
20. Kapustina M. A. *Legal regulation: a systems approach*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. St. Petersburg; 2017. 246 p. (In Russ.)
21. Devitsky E. I. On methods for identifying and eliminating defects in normative legal acts. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal = Academic Law Journal*. 2021;(2):106-114. (In Russ.) DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(2).106-114.
22. Marzak G. A., Manchinskaya D. A. The problem of defect correction of normative legal acts. *Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie = Problem Analysis and Public Administration Design*. 2015;(3):146-151. (In Russ.)
23. Podlesnykh S. N. *Gaps in criminal procedural law*. Moscow: Yurlitinform, 2013. 184 p. (In Russ.)
24. Tolstik V. A. Court and departmental interpretation as a means of overcoming flaws in sets of facts. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012;(1):53-58. (In Russ.)
25. Kozhokar I. P. To the question of particular methods of negotiation defects of the mechanism of legal regulation of the obligation relations. *Vestnik Permskogo universiteta = Bulletin of Perm University*. 2015;(2):55-60. (In Russ.)
26. Belonosov V. O. *Interpretation of legal norms in the system of theoretical and practical activity in the sphere of criminal proceedings*. Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Saratov; 2009. 464 p. (In Russ.)
27. Ershova E. A. Legal nature of decisions and rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Trudovoe pravo = Labor Law*. 2009;(3):79-96. (In Russ.)
28. Troper M. Realistic theory of interpretation. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*. 2006;(1):136-143. (In Russ.)
29. Sokolova M. A. *Defects legal documents: the reasons and conditions of occurrence detection, suppression, elimination of defects*. Monograph. Moscow: Yurisprudentsiya; 2016. 160 p. (In Russ.)
30. Khilyuta V. V. The selection of grounds for termination of a criminal case on account of a misdemeanour. *Zakonnost' = Legality*. 2021;(4):53-55. (In Russ.)
31. Pudovochkin Yu. E. *Assessment of the social danger of a crime by the court*. Textbook. Moscow: Russian State University of Justice; 2019. 244 p. (In Russ.)

32. Lopashenko N. A. About some problems in understanding an insignificant act under the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2019;(5):65-78. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Долгих Татьяна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент Института управления и территориального развития Балтийского федерального университета имени И. Канта (Российская Федерация, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14); судья Калининградского областного суда (Российская Федерация, 236019, Калининград, ул. Сергеева, д. 8).

Tatyana N. Dolgikh, Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Institute of Management and Territorial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University (14, Alexander Nevsky St., Kaliningrad, 236041, Russian Federation); Judge of the Kaliningrad Regional Court (8 Sergeeva St., Kaliningrad, 236019, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 22.09.2025; принята к публикации 28.04.2026.

The article was submitted 25.06.2025; approved after reviewing 22.09.2025; accepted for publication 28.04.2026.

Научная статья

УДК 343.156.2

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.126-139

Право на судебную защиту как элемент правового статуса свидетеля в уголовном судопроизводстве

Константин Николаевич Габрусёнок

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
kozakvasyl@bk.ru*

Аннотация

Введение. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют четкие критерии, описывающие обстоятельства, при наличии которых апелляционные жалобы «иных лиц» в контексте положений ст. 389.1 УПК РФ должны быть приняты к рассмотрению. В полной мере изложенное относится к свидетелю по уголовному делу.

Методы. Методологической основой научной работы является общеправовой диалектический метод научного познания. Путем использования общенаучного метода познания, который нашел свое выражение в анализе и синтезе, индукции и дедукции, с применением также частнонаучных методов познания в данной работе проанализированы правовые нормы и примеры судебной практики на предмет процессуальной возможности обжалования свидетелем итоговых судебных решений по уголовным делам.

Результаты исследования. В статье рассмотрена правовая природа института обжалования физическим лицом, привлеченным к участию в уголовном судопроизводстве в качестве свидетеля, итогового судебного решения (итогового судебного акта), не вступившего в законную силу. Проведен анализ содержания конкретных законоположений УПК РФ, ряда определений Конституционного Суда Российской Федерации, некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, приговоров и постановлений судов общей юрисдикции, а также научных работ, посвященных проблематике прав и законных интересов в целом, правового статуса свидетеля и права апелляционного обжалования в уголовном судопроизводстве.

Обсуждение и заключение. Сделан вывод о том, что право свидетеля на апелляционное обжалование итоговых судебных решений следует рассматривать в качестве элемента закрепленного в Конституции России права личности на судебную защиту. При наличии в приговоре или ином итоговом судебном решении по уголовному делу констатации того, что суд отверг показания свидетеля, это обстоятельство должно повлечь (с учетом оговоренных исключений) право такого свидетеля на инициирование апелляционной процедуры.

Ключевые слова: конституционное право личности, уголовное судопроизводство, апелляционное обжалование свидетелем, итоговое судебное решение, су-

дебный акт, иные участники уголовного судопроизводства, права и законные интересы иных лиц

Благодарности: работа выполнена под руководством научного руководителя и наставника – заведующего кафедрой уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной доктора юридических наук, профессора Качаловой Оксаны Валентиновны.

Для цитирования: Габрусёнок К. Н. Право на судебную защиту как элемент правового статуса свидетеля в уголовном судопроизводстве // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 2. С. 126–139. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.126-139.

Original article

The Right to Judicial Protection as an Element of a Witness's Legal Status in Criminal Proceedings

Konstantin N. Gabrusenok

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation
kozakvasyl@bk.ru*

Abstract

Introduction. The current criminal procedure legislation does not provide clear criteria describing the circumstances under which appeals by “other persons” should be accepted for consideration. This applies to witnesses in criminal cases.

Methods. The methodological basis of the scientific work was the general philosophical dialectical method of scientific cognition. By using the general scientific method of cognition, which is expressed in analysis and synthesis, induction and deduction, as well as by using the specific scientific methods of cognition, this work analyzes legal norms and examples of judicial practice to determine the procedural possibility of a witness appealing the final court decisions in criminal cases.

Results. The article examines the legal nature of the institution of appeal by an individual who has been involved in criminal proceedings as a witness, of a final court decision (final judicial act) that has not entered into force. The article analyzes the content of specific provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, a number of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, certain resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, verdicts and rulings of general jurisdiction courts, as well as scientific works on the issues of rights and legal interests in general and the legal status of witnesses and the right of appeal in criminal proceedings.

Discussions and Conclusion. It is concluded that the witness's right to appeal against the final court decisions should be considered as an element of the individual's right to judicial protection enshrined in the Constitution of the Russian Federation. If the verdict or other final court decision in a criminal case states that the court rejected the witness's testimony, this should entail (subject to certain exceptions) the witness's right to initiate an appeal procedure.

Keywords: constitutional rights of individuals, criminal proceedings, appeal by a witness, final court decision, judicial act, other participants in criminal proceedings, rights and legitimate interests of other persons

Acknowledgment: the article was written under the guidance of the scientific advisor and mentor Head of the Radutnaya Criminal Procedure Law Department, Doctor of Science (Law), Professor O. V. Kachalova.

For citation: Gabrusenok K. N. The right to judicial protection as an element of a witness's legal status in criminal proceedings. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(2):126-139. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.126-139.

Введение

Соблюдение прав и свобод человека и гражданина является одной из наиболее социально значимых функций современного государства. При этом к числу основных прав относится право на защиту¹.

Проблеме обеспечения права личности на защиту и в действующем законодательстве, и в научной литературе придается большое значение. В частности, согласно подходящему для всех видов судопроизводства определению Л. А. Шамшурина, «право на судебную защиту в современном понимании – это возможность каждого защищать свои права, свободы и законные интересы с помощью суда» [1, с. 19]. В этой связи, по мнению Т. А. Рытикова, «судебная защита занимает лидирующее положение среди всех способов защиты нарушенных прав личности» [2, с. 91].

Следует отметить, что в советский период ученые-правоведы придерживались основанного на действовавшем тогда уголовно-процессуальном законе мнения, согласно которому свидетель по уголовному делу правом на защиту не обладает [3, с. 568].

В настоящее время регламентации права свидетелей, привлеченных к участию в уголовном деле, являться на допрос с адвокатом, вопросам, связанным со свидетельским иммунитетом, а также проблемам обеспечения личной безопасности (физической защиты) и т. д. посвящено значительное количество научных работ, в том числе диссертационных исследований [4; 5; 6; 7].

Между тем проблеме судебной защиты как таковой лиц, наделенных правовым статусом свидетеля в уголовном судопроизводстве, в научной литературе и диссертационных исследованиях внимания почти не уделено. Из-за неразработанности темы в определенных правовых ситуациях возникает проблема правовой защиты свидетеля, осуществление которой находится в исключительной компетенции судебных органов². Речь идет о праве свидетеля, привлеченного к участию в уголовном деле, на судебную защиту в части, касающейся обжалования итогового судебного акта (итогового судебного решения), поскольку при наличии анализируемых ниже обстоятельств свидетелю должна быть предоставлена четко закрепленная в законодательстве процессуальная возможность инициировать предусмотренные в УПК РФ процедуры, направленные на защиту его правовых интересов³.

¹ В частности, право на судебную защиту прав и свобод каждого закреплено в ст. 46 Конституции Российской Федерации.

² В частности, проблема права свидетеля на обжалование судебных актов в уголовном судопроизводстве освещена в статье К. В. Ивасенко [8].

³ Понятие свидетеля по уголовному делу приводится в ч. 1 ст. 56 УПК РФ.

В статье О. В. Качаловой и И. Р. Хроменкова акцентируется внимание на том, что «юридическая сущность и содержание правовых интересов в уголовном судопроизводстве могут быть определены посредством выявления их институциональных свойств на основе... темпорального (временного) критерия (интересы, направленные на превентивную правовую охрану прав и свобод участников процесса; интересы, направленные на беспрепятственную реализацию прав и свобод его участников в настоящее время; интересы, направленные на защиту и восстановление нарушенных прав и свобод)» [9, с. 182–183].

В контексте настоящей работы представляются актуальными как раз правовые ситуации, при возникновении которых может иметь место необходимость совершения процессуально значимых действий, направленных на обеспечение превентивной охраны свидетелей, т. е. действий, целью которых является предотвращение нежелательных правовых последствий для этой категории участников уголовного судопроизводства именно в будущем.

Методы

Методологической основой научной работы является общефилософский диалектический метод научного познания. Применив общенаучный метод познания, нашедший свое выражение в анализе и синтезе, индукции и дедукции, используя также частнонаучные методы познания, автор исследовал правовые нормы и судебную практику на предмет процессуальной возможности обжалования свидетелем итоговых судебных решений по уголовным делам.

Результаты исследования

По смыслу п. 5 ч. 4 ст. 56 УПК РФ, свидетелю предоставлено право приносить жалобы на действия (бездействие) и решения суда. Аналогичные правомочия свидетеля содержатся в ч. 1 ст. 123 УПК РФ, если принять во внимание положения главы 8 УПК РФ, из которой следует, что эта категория отнесена к числу участников уголовного судопроизводства – так называемых иных участников. При этом следует отметить, что уголовно-процессуальный закон не содержит оговорок, исключающих для свидетеля возможность обжалования какого-либо решения суда. Приведенные правовые нормы не конкретизируют, какие решения суда могут быть обжалованы свидетелем, из чего можно сделать вывод, что речь идет и об итоговых судебных актах (итоговых судебных решениях). Именно эта категория судебных решений представляет интерес в контексте их пересмотра судом апелляционной инстанции по инициативе свидетеля.

В соответствии с п. 53.2 ст. 5 УПК РФ итоговое судебное решение – приговор, иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу⁴.

⁴ Пленум Верховного Суда Российской Федерации относит к числу таких судебных актов приговор, определение (постановление) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, определение (постановление) о применении либо об отказе в применении принудительных мер медицинского характера, определение (постановление) о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия (п. 4 постановления от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих про-

В статье 389.1 УПК РФ в качестве субъектов апелляционного обжалования прямо указаны участники, отнесенные к числу сторон уголовного судопроизводства. Кроме того, право подачи апелляционной жалобы в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы, предоставлено так называемым «иным лицам».

По определению Б. А. Ринчинова, «основным назначением субъективного права на подачу жалобы является гарантированная государством возможность человека удовлетворить свой интерес (потребность) установленным в законе способом или способом, не противоречащим закону» [10, с. 302].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации, проанализировав ряд уголовно-процессуальных норм, в том числе ч. 1 ст. 123, ст. 389.1 и ст. 444 УПК РФ, разъяснил судам, что помимо лиц, чье процессуальное положение прямо поименовано в числе субъектов апелляционного обжалования, судебные решения могут быть обжалованы также иными лицами в той части, в которой они затрагивают их права и законные интересы. В качестве соответствующего примера приводится субъект правоотношений, на имущество которого наложен арест в связи с производством по уголовному делу⁵. Между тем право свидетеля на обжалование решений суда, предусмотренное п. 5 ч. 4 ст. 56 УПК РФ, в постановлении не упоминается и положения этой нормы не анализируются.

При этом следует согласиться с К. В. Ивасенко, которая обращает внимание на то, что до сих пор «...“иные заинтересованные лица” испытывают значительные сложности в процессе реализации своего права на судебную защиту при обжаловании судебных решений по уголовным делам. Наибольшие затруднения возникают при обжаловании итоговых судебных решений» [8, с. 136].

В полной мере сказанное относится к свидетелям, у которых созрело намерение обжаловать приговор или иное итоговое судебное решение по уголовному делу.

Суть позиции Конституционного Суда Российской Федерации по рассматриваемому вопросу состоит в том, что в анализируемом контексте реализация права свидетеля на судебную защиту от обвинения по ст. 307 УК РФ возможна в ходе производства по уголовному делу, возбужденному в отношении него⁶. Высший судебный орган конституционного контроля не усмотрел в оспариваемых нормах положений, нарушающих право свидетеля на защиту⁷; кроме того, было отмечено, что позиции свидетеля свойственна процессуальная нейтральность⁸.

изводство в суде апелляционной инстанции»). Здесь и далее доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс», если не указано иное.

⁵ Там же (п. 2).

⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2009 г. № 1110-О-О.

⁷ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 1119-О и от 23 декабря 2014 г. № 2979-О.

⁸ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2024 г. № 814-О.

Между тем даже с учетом приведенных положений при наличии обстоятельств, о которых пойдет речь ниже, итоговое судебное решение существенно затрагивает права и законные интересы свидетеля, что невозможно игнорировать в ходе правового регулирования соответствующего аспекта уголовно-процессуальной деятельности.

Представляется, что применительно к правам свидетеля существующая правовая конструкция (одновременное действие конкурирующих норм – п. 5 ч. 4 ст. 56, ч. 1 ст. 123 и ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ) не в полной мере соответствует задачам уголовного судопроизводства.

Так, по мнению А. А. Романовой, «выборочное указание законодателем лиц, наделенных правом апелляционного обжалования, в ст. 389.1 УПК РФ не совсем понятно, поскольку право обжалования непосредственно зафиксировано в нормах уголовно-процессуального законодательства» [11, с. 53].

Вместе с тем правом обжалования итогового судебного решения свидетель, в отличие от, например, потерпевшего, должен быть наделен не во всех случаях, а лишь когда имеют место обстоятельства, указанные в законе. Кроме того, при наличии в описательно-мотивировочной части итогового судебного решения выводов определенного свойства свидетелю должно быть предоставлено право инициировать пересмотр этого решения в апелляционном порядке, что следует отразить в уголовно-процессуальном законе с использованием формулировок, не допускающих разночтений в процессе правоприменения. Речь идет о том, что, если суд отверг показания свидетеля, это потенциально влечет для него уголовное преследование за дачу заведомо ложных показаний.

В древнем правовом памятнике – Законах Хаммурапи – было определено: «Если кто-нибудь, выступив в судебном деле с свидетельством о преступлении, не докажет сказанных им слов, то, если это – судебное дело о жизни, этого человека должно предать смерти» [12, с. 55].

Несмотря на специфику законодательной техники и нюансы перевода с древнеавилонского диалекта аккадского языка, из приведенной нормы права усматривается, что уже более трех тысяч лет назад проблемы лжесвидетельства и ответственности за него волновали цивилизованное человечество. При этом вопросы, касающиеся ответственности за дачу заведомо ложных показаний и связанных с этим прав свидетеля, сохраняют актуальность и в наше время.

Анализ информации, размещенной на официальных сайтах судов общей юрисдикции (в том числе военных) г. Москвы и Московской области⁹, показал следующее:

За период с 2009 г. по декабрь 2025 г. судами, осуществляющими деятельность на территории Московского региона, было вынесено 253 итоговых судебных решения по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 307 УК РФ, в отношении 258 человек. Из них: приговоров – 213 (84,1%); постановлений о прекращении уголовного дела – 39 (15,4%); постановлений о применении принудительных мер медицинского характера – 1. Опубликовано приговоров,

⁹ Информация размещается в соответствии с требованиями Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».

постановленных в отношении свидетелей, которые были привлечены к участию в уголовном судопроизводстве, – 124. Все эти приговоры являются обвинительными. Из числа этих приговоров постановлено по итогам рассмотрения уголовного дела в особом порядке 43 (34%).

Также усматривается, что 76 опубликованных приговоров постановлено в связи с дачей свидетелями заведомо ложных показаний только в ходе судебного разбирательства; 8 – только на стадии предварительного расследования (досудебного производства); в остальных приговорах речь идет о совершении свидетелями деяния сначала в ходе предварительного расследования, а затем – в суде.

В 13 из опубликованных постановлений о прекращении уголовного дела в отношении свидетелей, обвинявшихся в даче заведомо ложных показаний, описание деяния, совершение которого вменяется в вину подсудимому, приводится со ссылкой на итоговый судебный акт, содержащий выводы, основанные на доказательствах, которым противоречат показания этого лица. Изложенное означает, что соответствующая информация присутствует в тексте обвинительного заключения (обвинительного акта) по делу.

Описанный выше признак (ссылка на «первый» приговор) содержится в 22 (52%) опубликованных приговорах в отношении свидетелей, которые постановлены по итогам рассмотрения дела в особом порядке, что также подтверждает наличие таких сведений в структуре обвинения. Что же касается приговоров, постановленных в общем порядке (82 приговора), то ссылка на итоговый судебный акт одновременно содержится как в описании деяния, так и в качестве положенного в основу судебного акта доказательства в 45 (55%) приговорах. Исключительно в качестве доказательства ссылка на итоговый судебный акт содержится в 26 (32%) опубликованных приговорах названной категории. Помимо этого, отмечается несколько приговоров, где в описании деяния имеется ссылка на «первый» приговор, но в качестве доказательства этот судебный акт не приводится. В остальных случаях ссылка на «первое» итоговое судебное решение в приговоре вообще отсутствует. Как правило, это имеет место в связи с тем, что речь идет о даче заведомо ложных показаний исключительно на стадии предварительного расследования. При этом нужно принимать во внимание, что в случае дачи свидетелем неоднократно заведомо ложных показаний с единым умыслом его действия подлежат квалификации как единое преступление¹⁰.

Исследование приговоров, постановленных в общем порядке по делам о даче заведомо ложных показаний¹¹, показывает, что, выполняя требования уголовно-процессуального закона, суды ссылаются на вступившие в законную силу итоговые судебные решения, вынесенные по итогам «первого» судебного разбирательства, к участию в котором был привлечен свидетель, и воспроизводят содержащиеся в них в различных вариантах и сочетаниях следующие выводы:

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» (п. 24).

¹¹ В силу положений ст. 31 УПК РФ эти дела подсудны районному суду либо гарнизонному военному суду.

- констатация того, что суд показания свидетеля отверг, отнесся к ним критически, признал надуманными, недостоверными, непоследовательными, противоречивыми, ложными, не соответствующими действительности либо обстоятельствам, установленным в ходе слушания дела, а также противоречащими совокупности доказательств, положенных в основу приговора, и т. п.;

- оценка судом показаний свидетеля в качестве способа оказать содействие обвиняемому с целью избежать уголовной ответственности за содеянное, в качестве попытки смягчить квалификацию содеянного обвиняемым и т. п.

Суды в основу итогового решения в зависимости от ситуации помимо выводов «первого» судебного акта кладут следующие сведения, используемые в качестве доказательств: показания подсудимого – бывшего свидетеля в судебном заседании (в случае признания им вины); копии протоколов следственных и судебных действий по «первому» уголовному делу, содержащие показания бывшего свидетеля, которые были отвергнуты судом; копии протоколов других следственных и судебных действий; копии иных документов, а также другие сведения по уголовному делу.

Естественно, следует учитывать, что в каждом конкретном случае, как и в любом судебном акте, в приговоре приводились не все перечисленные категории доказательств, а некоторые из них, образуя специфическую комбинацию.

Исходя из приведенных данных, можно прийти к выводу, что большинство доказательств, которые были положены в основу приговоров по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 307 УК РФ, постановленных в отношении свидетелей, подтверждают факт дачи показаний, отражают содержание показаний и констатируют соблюдение процедуры предупреждения допрашиваемого лица об ответственности.

Что же касается несоответствия показаний действительности и осознания этого несоответствия свидетелем при даче показаний, то в обоснование приводится именно итоговый судебный акт по «первому» делу, а также показания подсудимого в ходе рассмотрения «второго» дела, при условии, что он подтверждает эти обстоятельства.

Таким образом, анализ итоговых судебных решений позволяет заключить, что вступивший в законную силу приговор по «первому» делу, в котором отвергнуты показания свидетеля является, как правило, одним из доказательств стороны обвинения по делу о даче заведомо ложных показаний уже в отношении этого свидетеля и кладется судом в основу приговора.

Например, согласно приговору, постановленному в отношении Е. О. В., осужденного по ч. 1 ст. 307 УК РФ, суд в описательно-мотивировочной части итогового судебного акта в качестве одного из доказательств вины привел сведения о вступившем в законную силу приговоре мирового судьи в отношении Е. А. В., в тексте которого показания свидетеля Е. О. В. – одно из доказательств по первому делу – расценены как не соответствующие действительности¹².

¹² Приговор Жуковского городского суда Московской области от 11 ноября 2019 г. по уголовному делу № 1-218/2019.

По смыслу ст. 79 УПК РФ показания свидетеля относятся к числу доказательств по уголовному делу.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 305 УПК РФ описательно-мотивировочная часть оправдательного приговора должна содержать, помимо прочего, мотивы, по которым суд отверг доказательства, представленные стороной обвинения. Вместе с тем по смыслу п. 2 ст. 307 УПК РФ в описательно-мотивировочной части приговора обвинительного должны быть приведены доказательства, на которых суд основывает выводы в отношении подсудимого, и мотивы, по которым им отвергнуты другие доказательства¹³.

При этом исключается предрешение вопроса о виновности или невиновности свидетеля в совершении преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, исходя из того, что ранее достоверность его показаний уже была предметом оценки¹⁴.

Несмотря на то что согласно приведенным положениям в рассматриваемой правовой ситуации речи о преюдиции идти не может, вступивший в законную силу приговор (иное итоговое судебное решение), содержащий выводы о необходимости отвергнуть показания свидетеля, будет являться весомым (если не основным) доказательством по уголовному делу, подтверждающим несоответствие данных им показаний действительности и наличие умысла свидетеля на сообщение суду и (или) правоохранительным органам недостоверной информации.

Справедливость этого тезиса подтверждается тем, что в значительном количестве изученных приговоров, которые были постановлены как в общем, так и в особом порядке по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 307 УК РФ, при описании содеянного осужденным содержится отдельное указание на то, что его показания отвергнуты вступившим в законную силу приговором суда. В последующем информация о вступившем в законную силу приговоре приводилась повторно наряду с другими доказательствами, если дело было рассмотрено в общем порядке.

Следует констатировать, что, когда суд отверг в тексте итогового судебного акта показания свидетеля, у последнего возникает право на его обжалование, поскольку эти выводы суда потенциально могут повлечь уголовное преследование такого лица за дачу заведомо ложных показаний, т. е. затрагивают его права и законные интересы.

Исследование эмпирического материала демонстрирует, что норма уголовно-процессуального закона, которая определяет, что приговор суда в от-

¹³ Разъясняя приведенные нормы уголовно-процессуального закона, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 6 постановления от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» указывает, что в описательно-мотивировочной части приговора надлежит дать оценку в судебном заседании доказательствам, как уличающим, так и оправдывающим подсудимого. При этом излагаются доказательства, на которых основаны выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и приводятся мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты судом.

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» (п. 25).

ношении одного лица не может предрешать виновность иного лица, не участвовавшего ранее в рассматриваемом уголовном деле в качестве подсудимого (ст. 90 УПК РФ), не препятствует судам обосновать приговор в отношении свидетеля вступившим в законную силу итоговым судебным решением, которое используется в качестве подтверждения несоответствия его показаний действительности и их заведомой ложности. Напротив, зачастую это судебное решение является единственным доказательством, подтверждающим указанные обстоятельства.

Положения ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ предоставляют «иным лицам» право апелляционного обжалования в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы. Между тем следует иметь в виду, что в ситуации, когда информация, сообщенная свидетелем, отвергнута судом, а в основу вывода о совершении (несовершении) обвиняемым инкриминируемого деяния либо вывода о виновности (невиновности) обвиняемого в совершении преступления положены доказательства, содержание которых противоречит показаниям свидетеля, обжалование свидетелем итогового судебного акта лишь в какой-то его части не будет способствовать достижению целей обжалования. Такой целью, безусловно, является аннулирование вывода суда о недостоверности, ложности, несоответствии действительности показаний и т. п.

Таким образом, в анализируемом контексте приговор (иное итоговое судебное решение) должен быть обжалован только в полном объеме, поскольку обжалование в данной ситуации свидетелем какой-либо части итогового судебного акта смысловой нагрузки не несет, как и в аналогичной ситуации с показаниями потерпевшего. Конечно, сказанное не относится к случаям, когда речь идет о более чем одном эпизоде противоправной деятельности, а показания свидетеля относятся не ко всем этим эпизодам. В связи с изложенным представляется правильным, что наличие описанных выше ограничений в части, касающейся эпизодов, применительно к которым свидетелем даны показания, нецелесообразно. Между тем отсутствие в уголовно-процессуальном законе такого ограничения для потерпевшего никак не влияет на возможность суда осуществлять апелляционную процедуру, инициированную этой категорией участников уголовного судопроизводства, в рамках действующего законодательства и без ущерба для здравого смысла.

Что же касается оснований, по которым свидетель, чьи показания отвергнуты судом, вправе обжаловать судебный акт, то к таковым следует отнести предусмотренные п. 1 и 2 ст. 389.15 УПК РФ¹⁵. Остальные основания, предусмотренные этой нормой, никак не связаны с интересами свидетеля.

Следует констатировать, что каждый из вариантов несоответствия итогового судебного решения фактическим обстоятельствам уголовного дела, которые перечислены в ст. 389.16 УПК РФ, должен влечь право такого свидетеля инициировать апелляционный пересмотр.

Анализируя существенное нарушение уголовно-процессуального закона как основание отмены или изменения итогового судебного акта, следует при-

¹⁵ Несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, а также существенное нарушение уголовно-процессуального закона.

йти к выводу, что свидетелю должно быть предоставлено право обжалования при имевшем место, по его мнению, вынесении судом решения незаконным составом суда или вынесении вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей (п. 2 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ), а также обосновании приговора доказательствами, признанными судом недопустимыми (п. 9 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ).

Представляется, что требования апелляционной жалобы этого участника уголовного судопроизводства целесообразно ограничить следующим перечнем решений:

- об отмене обвинительного приговора и о вынесении оправдательного приговора;
- об отмене обвинительного приговора и о вынесении обвинительного приговора;
- об отмене приговора, определения, постановления суда первой инстанции и о передаче уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции со стадии подготовки к судебному заседанию или судебного разбирательства;
- об отмене оправдательного приговора и о вынесении оправдательного приговора;
- об отмене определения или постановления и о вынесении оправдательного приговора либо иного судебного решения;
- об отмене приговора, определения, постановления и о прекращении уголовного дела;
- об изменении приговора или иного обжалуемого судебного решения.

Поскольку в силу положений ч. 1 ст. 20 УК РФ уголовная ответственность за дачу заведомо ложных показаний установлена для лиц, достигших шестнадцатилетнего возраста, то свидетелям, которым по состоянию на день допроса исполнилось 15 полных лет и менее, если их показания отвергнуты судом, предоставление права апелляционного обжалования итогового судебного решения по рассматриваемому признаку нецелесообразно¹⁶. Этот вывод основан на том, что уголовное преследование за совершение названного преступления для таких лиц исключено¹⁷.

Обсуждение и заключение

Таким образом, право свидетеля на обжалование не вступивших в законную силу итоговых судебных решений следует рассматривать в качестве элемента закрепленного в Конституции Российской Федерации права личности на судебную защиту. В ситуации, когда в приговоре или ином итоговом судебном акте показания свидетеля, достигшего на момент дачи по-

¹⁶ В соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по его истечении, т. е. с нуля часов следующих суток.

¹⁷ Названная возрастная категория свидетелей не предупреждается перед дачей показаний об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ.

казаний возраста 16 лет, были отвергнуты, такому свидетелю должно быть предоставлено право на обжалование не вступившего в законную силу судебного решения.

Указанное право свидетеля следует распространять на случаи, когда: показания свидетеля были признаны судом не соответствующими действительности, недостоверными, ложными, надуманными и т. д. даже без констатации того, что они отвергаются; итоговый судебный акт содержит констатацию того, что суд основывает свои выводы на доказательствах, противоречащих показаниям свидетеля, либо показания проигнорированы¹⁸. Это связано с тем, что такой итоговый судебный акт безусловно затрагивает права и законные интересы этого участника уголовного судопроизводства в связи с потенциальной возможностью привлечения его к уголовной ответственности. Все изложенное в полной мере относится и к ситуации, когда показания были даны свидетелем в период проведения предварительного расследования, а затем оглашены в ходе судебного разбирательства.

Вместе с тем следует иметь в виду, что в рассматриваемом контексте свидетель имеет право на апелляционное обжалование итогового судебного решения в части, касающейся вмененного в вину обвиняемому эпизода противоправной деятельности, в связи с которым свидетель давал показания.

Право обжалования должно быть предоставлено именно со стадии, предшествующей вступлению итогового судебного акта в законную силу, поскольку обжалование акта на последующих стадиях в анализируемом аспекте будет несвоевременным.

Список источников

1. Шамшури́н А. А. Право на судебную защиту и его реализация в сфере гражданской юрисдикции: теоретические и практические аспекты // Российское правосудие. 2011. № 1 (57). С. 19–26.
2. Рытиков Т. А. Судебная защита прав личности в уголовном судопроизводстве: понятие и признаки // Российское правосудие. 2025. № 1. С. 82–94. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2025.1.82-94.
3. Белкин Р. С. и др. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрид. лит., 1973. 734 с.
4. Потапов В. Д. Совершенствование процессуально-правового положения свидетеля в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 17 с.

¹⁸ Речь идет о ситуации, когда судом в нарушение требований закона проигнорированы (не отражены в судебном акте) показания свидетеля, содержание которых противоречит доказательствам, положенным в основу приговора. Между тем распространять право обжалования на свидетелей в случае игнорирования судом показаний, содержание которых не имеет отношения к обстоятельствам содеянного, а, например, касается исключительно характеристики личности подсудимого либо иных лиц, нецелесообразно.

5. Литвинцева Н. Ю. Процессуальный статус свидетеля в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005. 24 с.
6. Григорьев Ф. Г. Процессуальное положение свидетеля в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 28 с.
7. Свечникова Е. И. Обеспечение безопасности свидетелей: уголовно-процессуальный аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2021. 298 с.
8. Ивасенко К. В. Иные заинтересованные лица как субъекты права на обжалование судебного решения: когда права и законные интересы признают нарушенными // Закон. 2022. № 5. С. 135–145.
9. Качалова О. В., Хроменков И. Р. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 1. С. 177–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.177-192.
10. Ринчинов Б. А. Субъекты апелляционного обжалования в уголовном процессе России // Проблемы современного российского законодательства : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск: Иркут. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. С. 302–305.
11. Романова А. А. Современное апелляционное производство в уголовном процессе России. М. : Юрлитинформ, 2018. 176 с.
12. Тураев Б. А. Законы Хаммурапи. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2018. 122 с.

References

1. Shamhsurin L. L. Regarding right to access to courts and its realization in sphere of civil jurisdiction: theoretical and practical aspects. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*. 2011;(1):19-26. (In Russ.)
2. Rytikov T. A. Judicial protection of individual rights in criminal proceedings: concept and characteristics. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*. 2025;(1):82-94. (In Russ.) DOI: 10.37399/issn2072-909X.2025.1.82-94.
3. Belkin R. S., et al. *Theory of evidence in Soviet criminal procedure*. All-Union Institute for the Study of Causes and Development of Crime Prevention Measures. 2nd ed., corr. and suppl. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1973. 734 p. (In Russ.)
4. Potapov V. D. *Improving the procedural and legal status of a witness in criminal proceedings in Russia*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2005. 17 p. (In Russ.)
5. Litvintseva N. Yu. *Procedural status of a witness in Russian criminal proceedings*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Irkutsk; 2005. 24 p. (In Russ.)
6. Grigoriev F. G. *Procedural status of a witness in criminal proceedings*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2008. 28 p. (In Russ.)
7. Svechnikova E. I. *Ensuring the safety of witnesses: criminal procedure aspect*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Samara; 2021. 298 p. (In Russ.)

8. Ivasenko K. V. Other interested parties as subjects of a right to appeal: when violation of rights and legal interests is found. *Statute*. 2022;(5):135-145. (In Russ.)
9. Kachalova O. V., Khromenkov I. R. Provision by the court of legal interests in the pre-trial stages of criminal proceedings. *Pravosudie/Justice*. 2023;5(1):177-192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.177-192.
10. Rinchinov B. A. Subjects of appeal in the criminal process of Russia. *Problems of modern Russian legislation*. Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk: Irkutsk Institute (Branch) of All-Russian State University of Law (RLA of the Ministry of Justice of Russia); 2015. Pp. 302–305. (In Russ.)
11. Romanova A. A. *Modern appellate proceedings in the Russian criminal procedure*. Moscow: Yurлитinform; 2018. 176 p. (In Russ.)
12. Turaev B. A. *The laws of Hammurabi*. Moscow; Berlin: Direkt-Media; 2018. 122 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Габрусёнок Константин Николаевич, доцент кафедры организации военно-юридической деятельности военного учебного центра при Российском государственном университете правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочермушкинская, д. 69).

Konstantin N. Gabrusenok, Associate Professor at the Military Legal Activities Department at the Military Training Center, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 21.12.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 28.04.2026.

The article was submitted 21.12.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 28.04.2026.

Научная статья

УДК 343.21

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.140-155

Конкуренция, коллизия и иные смежные явления, возникающие между предписаниями статей закона: пути их преодоления и разрешения в ходе уголовно-правовой квалификации воинских преступлений

Виктор Петрович Бодаевский

*Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
bvp70@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2185-5791>*

Аннотация

Введение. Данное исследование посвящено проблемам возникновения конкуренции, коллизии и иных смежных явлений между предписаниями уголовного закона, а также применению правил их преодоления и разрешения в ходе квалификации воинских преступлений. Поднимаемые в нем вопросы с учетом сложившихся современных условий имеют особую актуальность и важное значение для доктрины уголовного права.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу настоящей научной работы составили труды известных отечественных ученых по анализируемой теме и связанным с ней аспектам. В ходе проведения исследования использовались как общенаучные, так и частнонаучные методы познания, в том числе диалектический, системного анализа, синтеза, сопоставления, интерпретации (толкования права) и др.

Результаты исследования. Сформулированы соответствующие выводы и предложения. Констатируется, что между нормативными предписаниями, в которых закреплены составы воинских преступлений, имеющие общие признаки с другими составами преступлений, предусмотренными как статьями главы 33 УК РФ, так и другими главами и разделами Особенной части УК РФ, могут возникать разные виды конкуренции, коллизии и иные смежные явления. Их объектом являются предписания статей уголовного закона. Различать указанные явления необходимо для выяснения того, какими правилами следует руководствоваться при определении уголовно-правовых предписаний, подлежащих применению, а также для законодательного усовершенствования таких предписаний и устранения их дефектов.

Обсуждение и заключение. Различать указанные явления необходимо для выяснения того, какими правилами следует руководствоваться при определении

уголовно-правовых предписаний, подлежащих применению, а также для законодательного усовершенствования таких предписаний и устранения их дефектов.

Ключевые слова: нормативные предписания статей, конкуренция, коллизия, смежное правовое явление, объект данных явлений, признаки преступлений, охранительные предписания, регулятивные предписания, квалификация преступлений

Для цитирования: Бодаевский В. П. Конкуренция, коллизия и иные смежные явления, возникающие между предписаниями статей закона: пути их преодоления и разрешения в ходе уголовно-правовой квалификации воинских преступлений // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 2. С. 140–155. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.140-155.

Original article

Competition, Conflict, and Other Related Phenomena That Arise Between the Provisions of the Law: Ways to Overcome and Resolve Them During the Criminal Qualification of Military Crimes

Victor P. Bodaevsky

*Crimean Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
bvp70@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2185-5791>*

Abstract

Introduction. This study focuses on the problems of competition, conflict, and other related phenomena between the provisions of criminal law, as well as the application of rules for overcoming and resolving them in the course of qualifying military crimes. Given the current circumstances, these issues are particularly relevant and important for the doctrine of criminal law.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of this scientific work was formed by the works of well-known domestic scientists on the analyzed topic and related aspects. During the research, both general scientific and private scientific methods of cognition were used, including dialectical, system analysis, synthesis, comparison, interpretation (interpretation of law), etc.

Results. The relevant conclusions and proposals have been formulated. It is stated that different types of competition, conflicts, and other related phenomena may arise between the regulatory provisions that establish the elements of military crimes that share common features with other elements of crimes provided for in both the articles of Chapter 33 of the Criminal Code of the Russian Federation and other chapters and sections of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. These phenomena are based on the provisions of the criminal law articles. It is necessary to distinguish between these phenomena in order to determine the rules to be followed when determining the criminal law provisions to be applied, as well as to improve these provisions and eliminate their defects.

Discussion and Conclusion. It is necessary to distinguish between these phenomena in order to determine which rules should be followed when determining the criminal law

provisions to be applied, as well as for the legislative improvement of such provisions and the elimination of their defects.

Keywords: normative provisions of articles, competition, conflict, related legal phenomenon, object of these phenomena, elements of crimes, protective provisions, regulatory provisions, classification of crimes

For citation: Bodaevsky V. P. Competition, conflict, and other related phenomena that arise between the provisions of the law: ways to overcome and resolve them during the criminal qualification of military crimes. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(2):140-155. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.140-155.

Введение

Глава 33 УК РФ предусматривает систему воинских преступлений, ряд составов которых включают в себя идентичные признаки, а кроме того, их содержат многие составы так называемых «общеуголовных» преступлений. В постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации¹ и обобщениях судебной практики² по этой категории дел отмечается, что данное дублирование тождественных признаков зачастую усложняет применение уголовного закона о воинских преступлениях, обуславливает наличие проблем при их квалификации, а в итоге – и судебных ошибок. Разная правовая оценка юридически тождественных деяний, на что обращается внимание в юридической литературе, никоим образом не способствует реализации принципа равенства граждан перед законом, предусмотренного ст. 4 УК РФ. Сложность применения уголовно-правовых предписаний о воинских преступлениях, как указывают многие ученые (например, Е. В. Алферова [1], А. Н. Ляскало [2]), вызвана также и проблемами преодоления конкуренции или коллизий уголовно-правовых норм (содержавших составы преступлений) при квалификации воинских деяний.

Соответственно, в правоприменительной практике преодоление проблем **конкуренции, коллизии и иных смежных явлений, возникающих между предписаниями статей закона о воинских преступлениях и о других преступлениях**, чаще всего связывается с разрешением следующих задач: 1) разграничением смежных предписаний статей уголовного закона; 2) преодолением конкуренции или коллизии предписаний статей уголовного закона; 3) установлением наличия или отсутствия совокупности преступлений.

Целью настоящего исследования выступает формирование новых научных взглядов и подходов, касающихся проблем возникновения конкуренции,

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Российская газета. 2023. 2 июня.

² См.: Обзоры судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам Южного окружного военного суда за 2021–2023 гг. URL: <http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud>; Обзор судебной практики окружных (флотских) военных судов по уголовным делам в 2020 году. URL: http://severnfyvs.mrm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=331.

коллизии и иных смежных явлений между предписаниями уголовного закона, а также применения правил их преодоления и разрешения в ходе квалификации воинских преступлений.

Теоретические основы. Методы

Разрешение проблем, касающихся возникновения конкуренции, коллизии и иных смежных явлений между предписаниями уголовного закона, а также применения правил их преодоления в ходе квалификации воинских преступлений, имеет важное значение в доктрине уголовного права. Теоретическую основу настоящего исследования составили труды таких отечественных ученых, как С. С. Алексеев, Е. В. Алферова, А. А. Арямов, А. В. Бриллиантов, Л. М. Давыдова, Г. Ю. Гуляев, Я. Н. Ермолович, Л. В. Иногамова-Хегай, А. Н. Ляско, В. М. Сырых, А. А. Толкаченко, В. М. Чхиквадзе, В. Б. Шакин и др.

Методологической базой исследования послужили как общенаучные, так и частнонаучные методы научного познания, в том числе диалектический, системного анализа, синтеза, сопоставления, интерпретации (толкования права), формально-юридический и др.

Результаты исследования

Прежде чем мы рассмотрим задачи, связанные, как указывалось, с разграничением смежных предписаний статей уголовного закона, преодолением конкуренции или коллизий таких предписаний, с установлением наличия или отсутствия совокупности преступлений (их уголовно-правовой анализ является базовым аспектом для раскрытия темы данного исследования), необходимо разрешить принципиальные вопросы, касающиеся объекта конкуренции, коллизий и иных смежных явлений. Это позволит установить причины их возникновения и, соответственно, понять суть перечисленных явлений.

Определить объект конкуренции, коллизий и смежных правовых явлений означает установить, между чем (правовыми нормами о преступлениях, нормативными предписаниями уголовного закона или его статьями (пунктами, частями) либо даже составами преступлений) возникают смежные правовые явления, конкуренция либо коллизии. Вместе с тем данный вопрос специально в теории уголовного права не освещался. Из содержания научных публикаций (Л. В. Иногамовой-Хегай [3], А. Н. Ляско³, Ю. А. Пановой [4], В. Б. Шакина [5] и др.) и предписаний ч. 3 ст. 17 УК РФ следует, что преобладающим подходом, нашедшим свое законодательное закрепление в уголовном законе, является утверждение, согласно которому объектом названных явлений признаются как уголовно-правовая норма, так и предусмотренный в ней состав.

Вместе с тем мы считаем данный подход некорректным, а более обоснованным – мнение тех ученых (в частности, В. П. Коняхина, Л. М. Давыдовой), которые признают в качестве такого объекта предписания статей уголовного закона [6; 7]. Сторонники указанной позиции аргументируют ее следующим образом: исходным элементом системы законодательства являются нормативные предписания, а не норма права, последняя закрепляется в нормативных пред-

³ Энциклопедия уголовного права. Т. 32 : Квалификация преступлений. СПб. : Изд. проф. Малинина : Крымский фил. Рос. гос. ун-та правосудия, 2020. С. 756–758.

писаниях закона⁴. Кроме того, каждая правовая норма, выражающая суть правила поведения, как правовой феномен индивидуальна и отличается от других норм одним или несколькими признаками, соответственно, предусмотренное в ней деяние не может «охватываться» одновременно несколькими нормами. Возникновение иллюзии тождественности нескольких норм или того, что деяние «охватывается» одновременно двумя или большим числом норм, вызвано неудачным изложением их в законе, использованием в нем разных по объему терминов, допускающих неоднозначное толкование. Обратное означало бы, что каждая из указанных норм как равнозначная и равноценная претендовала бы на применение. В этом случае отсутствовали бы какие-либо основания на предоставление преимуществ одной из них, что в итоге приводило бы к двойному вменению. К тому же спецификой охранительной уголовно-правовой нормы является то, что основная часть ее гипотезы излагается в регулятивных предписаниях статей Общей части УК РФ, а диспозиция и санкция – в охранительных предписаниях соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Поэтому, предусматривая гипотезу, предписания статей Общей части УК РФ распространяются на все охранительные предписания статей Особенной части УК РФ⁵. Следовательно, при конкуренции, коллизии либо смежных правовых явлениях охранительных предписаний, закрепленных в статьях Особенной части УК РФ, предписания статей Общей части УК РФ (по отношению к первым) их не образуют, как не образуют конкуренции, коллизий и смежных правовых явлений элементы одной правовой нормы. Однако эти явления могут возникнуть между предписаниями статей Общей части УК РФ и регулятивными предписаниями, предусмотренными приложениями к статьям Особенной части УК РФ, также содержащими частицу гипотезы охранительных уголовно-правовых норм.

В свете указанного неприемлемым представляется и видение объектом анализируемых явлений составов преступлений, так как каждый из них представляет собой абстрактную модель посягательства, признаки которой предусмотрены в охранительном предписании соответствующей статьи уголовного закона. Любой состав преступления индивидуален и всегда отличается от других составов по крайней мере одним признаком. В противном случае это был бы один и тот же состав преступления, а потому в контексте указанного речь необходимо вести не о смежных правовых явлениях, конкуренции либо коллизиях составов преступлений, а о выборе из их числа такой модели посягательства, признаки которой максимально соотносятся с признаками совершенного деяния. Смежными, конкурирующими или коллизионными в этой ситуации могут являться только охранительные предписания соответствующей статьи уголовного закона, имеющие дефекты нормативного отражения этих составов. Применительно к указанному необходимо также отметить, что не могут признаваться объектом анализируемых явлений и подлежащие уголовно-правовой квалификации отдельные деяния. Каждое из них отличается своей индивидуальной определенностью – местом, временем и обстановкой совершения, другими специфическими признаками. Каждое из них должно квалифицироваться самостоятельно, отдельно от других. Относительно тако-

⁴ См.: Сырых В. М. Теория государства и права : учеб. М. : Юстицинформ, 2001. С. 226, 230; см. также: [6, с. 176–185; 7, с. 145].

⁵ Более подробно см.: [8].

го деяния возникает необходимость устанавливать относимость его либо к самостоятельному преступлению, либо к элементам другого посягательства. Вопрос о возникновении между ними конкуренции, коллизии или смежных правовых явлений при этом не ставится.

По мнению сторонников изложенной позиции, перечисленные аргументы подтверждают то, что объектом исследуемых явлений выступают именно предписания статей уголовного закона, а не уголовно-правовая норма. Основываясь на этом положении, представляется необходимым изложить ч. 3 ст. 17 УК РФ в следующей редакции: «Если преступление предусмотрено общим и специальным предписаниями, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальному предписанию». В таком случае в уголовном законе будет правильно отражен первичный элемент системы законодательства⁶.

Далее рассмотрим задачи, которые, как уже указывалось, разрешаются чаще всего в правоприменительной практике при возникновении между предписаниями статей уголовного закона конкуренции, коллизии или иных смежных явлений. Самой распространенной в практике среди них является разграничение смежных охранительных предписаний статей уголовного закона, которые только внешне из-за содержащихся в них тождественных (совместных, подобных, схожих и т. д.) признаков кажутся совпадающими между собой. При детальном же анализе таких предписаний определяется разница между ними. То, что имеют место именно смежные правовые явления между охранительными предписаниями статей уголовного закона, позволяет установить прием, используемый практическими работниками, – мысленное поочередное исключение каждого из них. Если же в случае отсутствия какого-либо предписания той или иной статьи деяние не может быть квалифицировано по другим предписаниям (по причине отсутствия состава преступления), то мы имеем дело со смежными охранительными предписаниями статей уголовного закона. Например, оставление поля боя не может одновременно представлять собой отказ от участия в боевых действиях (ч. 2.1 ст. 332 УК РФ) и самовольное оставление части или места службы в военное время, в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий (ч. 2.1, или ч. 3.1, или ч. 5 ст. 337 УК РФ). Либо уничтожение или повреждение военного имущества не может быть одновременно умышленным (ст. 346 УК РФ) и неосторожным (ст. 347 УК РФ).

Большинство из закрепленных в предписаниях главы 33 УК РФ охранительных норм являются результатом дифференциации уголовной ответственности по таким критериям, как объект воинских преступлений – воинский правопорядок (его элементы) и специальный субъект воинских преступлений – военнослужащий, а отдельных воинских преступлений – приравненные к военнослужащим лица (граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов, и граждане, пребывающие в добровольческих формированиях) (ч. 1 и 4 ст. 331 УК РФ). Собственно, это обстоятельство и обуславливает необходимость разграничения смежных охранительных предписаний статей уголовного закона, предусматривающих уголовную ответственность за совершение воинских и общеуголовных преступлений.

⁶ См.: Морозова Л. А. Теория государства и права : учеб. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2010. С. 179 ; Сырых В. М. Указ. соч. С. 126. См. также: [9, с. 31].

Например, Южным окружным военным судом в апелляционном постановлении от 17 июля 2020 г. № 22А-252/2020 правильно дана правовая оценка содеянному С., квалифицированному по предписаниям ст. 347 и ч. 2 ст. 350 УК РФ, который, управляя автомобилем, принадлежащим Министерству обороны Российской Федерации, следуя в служебных целях по автотрассе в Ростовской области, допустил столкновение с впереди движущимся в попутном направлении грузовым автомобилем с полуприцепом, что повлекло по неосторожности смерть пассажира Ф1 и причинение средней тяжести вреда здоровью пассажира Ф2, а также уничтожение автомобиля⁷.

Оба предписания указанных статей являются смежными, поскольку они имеют совпадающие признаки, включающие воинский правопорядок, военный автомобиль, нарушение военным служащим (приравненным к нему лицом) правил управления таким транспортным средством, что повлекло по неосторожности смерть человека, причинение средней тяжести вреда здоровью, а также уничтожение военного имущества (военного автомобиля) по неосторожности, повлекшее тяжкие последствия. Ключевое их различие состоит в том, что предусмотренные в данных предписаниях преступления посягают на разные виды объектов: предусмотренные ст. 350 УК РФ – порядок вождения или порядок эксплуатации боевых, специальных и транспортных машин, а ст. 347 УК РФ – порядок сбережения военного имущества. Кроме того, преступление, предусмотренное ст. 350 УК РФ, может совершаться любым военным служащим (приравненным к нему лицом) вне зависимости от того, было ли ему вверено по службе военное имущество, а предусмотренное ст. 347 УК РФ – военным служащим (приравненным к нему лицом), управляющим боевой либо специальной или транспортной машиной, на которого возложена обязанность по соблюдению правил эксплуатации указанных транспортных средств. Соответственно, предписания ст. 350 и 347 УК РФ не вступают в конкуренцию при квалификации содеянного, а применяются в зависимости от фактических обстоятельств дела.

Преодоление конкуренции или коллизий предписаний статей уголовного закона представляет собой одну из актуальных проблем теории уголовного права и практики применения уголовного закона.

Термин «конкуренция» происходит от латинского «conspicere», которое означает соперничать, соревноваться, состязаться и т. д. [10]. В русском языке этот термин имеет то же значение: «...соперничество, борьба за достижение наивысших выгод, преимуществ...»⁸. В теории уголовного права под конкуренцией понимается наличие нескольких нормативных предписаний статей, претендующих на применение в соответствующей ситуации. При этом соперничество между ними возникает лишь в ходе их применения к конкретным фактическим обстоятельствам. Вне применения конкуренция между ними отсутствует, они существуют одновременно⁹. Наличие конкуренции

⁷ Апелляционное постановление Южного окружного военного суда от 17 июля 2020 г. № 22А-252/2020. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 53 000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М. : Оникс : Мир и Образование, 2008. С. 371.

⁹ См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 32 : Квалификация преступлений. С. 699.

предписаний статей Особенной части УК РФ, а не их, например, смежных правовых явлений может устанавливаться путем поочередного мысленного исключения этих предписаний статей, т. е. поочередного допущения того, что каждое отдельное предписание статьи вообще не существует. В случае, когда деяние при отсутствии одного из предписаний статьи все равно подлежит уголовно-правовой квалификации по предписанию другой статьи, а при отсутствии и его квалифицируется по тому предписанию, отсутствие которого мысленно представлялось, имеет место их конкуренция.

Так, в частности, кассационным военным судом в определении от 11 марта 2024 г. № 77-118/2024 правильно была дана правовая оценка по ч. 2 ст. 336 УК РФ содеянному В., который 11 августа 2022 г., являясь начальником по воинской должности для военнослужащего Ф., проходящего военную службу по призыву, выражая недовольство отказом его как дежурного в наведении порядка на закрепленной территории, желая наказать Ф., приказал ему сидеть на корточках перед строем, а затем, высказав Ф. претензии в связи с упущениями по службе, окунул его лицом в лужу.

Суд кассационной инстанции согласился с правовой позицией судов нижестоящих инстанций о факте оскорбления В., являющимся начальником по воинской должности и воинскому званию, при исполнении обязанностей военной службы и в связи с их исполнением, в присутствии других военнослужащих подчиненного Ф.¹⁰

Данные признаки в совокупности со всеми остальными признаками состава преступления, предусмотренного предписанием ч. 2 ст. 336 УК РФ, позволили выбрать именно это предписание, а не закрепленное, например, в ст. 319 УК РФ. Правило преодоления конкуренции предусмотрено ч. 3 ст. 17 УК РФ, согласно которой если конкуренция возникает между специальной и общей нормами, то преимущество имеет специальная норма. При наличии же многочисленной конкуренции предписаний статей, одна часть которых является общей, а другая – специальной, для применения из них выбирается наименьшее по объему предписание статьи. Другими словами, применяется более специальное предписание из всех специальных предписаний. В теории уголовного права и в практике к конкурирующим специальным (военно-уголовным) и общим предписаниям статей Особенной части УК РФ чаще всего относят предписания: 1) об умышленном уничтожении или повреждении военного имущества (ст. 346 УК РФ) и об умышленном уничтожении или повреждении имущества (ст. 167 УК РФ); 2) об уничтожении или повреждении военного имущества по неосторожности (ст. 347 УК РФ) и об уничтожении или повреждении имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ); 3) о нарушении правил вождения или эксплуатации военных машин (ст. 350 УК РФ) и о нарушении правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ); 4) о нарушении правил полетов или подготовки к ним (ст. 351 УК РФ), а также о нарушении правил кораблевождения (ст. 352 УК РФ) и о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации воздушного или морского транспорта (ст. 263 УК РФ); 5) о нарушении правил обращения с оружием и предметами, предусматривающими повышенную опасность для

¹⁰ Кассационное определение Кассационного военного суда от 11 марта 2024 г. № 77-118/2024. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

окружающих (ст. 349 УК РФ), и о нарушении правил безопасности при обращении с источниками повышенной опасности для окружающих (например, ст. 216, 217 и 219 УК РФ); 6) о нарушении порядка несения специальных видов военной службы (ст. 340–344 УК РФ), а также о нарушениях порядка эксплуатации военных транспортных средств (ст. 350–352 УК РФ) и о должностных преступлениях (например, ст. 285, 286 и 293 УК РФ); 7) о нарушении уставных правил караульной службы (ст. 342 УК РФ), а также о нарушении уставных правил внутренней службы (ст. 344 УК РФ) и о ненадлежащем исполнении обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 225 УК РФ)¹¹.

Вместе с тем указанное правило применяется не во всех случаях. Так, если деяние не подпадает под действие специальных предписаний статей Особенной части УК РФ, то такое посягательство должно квалифицироваться по общему предписанию статьи данной части уголовного закона, и конкуренция, таким образом, не возникает. При этом необходимо применять предписание статьи, являющееся наиболее близким по объему. Если же деяние не охватывается ближайшим по объему охранительным предписанием статьи, то применяется более широкое по содержанию предписание. Например, предписание ч. 1 ст. 333 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за совершение двух альтернативных деяний, прямо указанных в нем, – за сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы, сопряженное с насилием или угрозой его применения. Каждое из этих деяний характеризуется воздействием на волю и сознание начальника либо иного лица, исполняющего его обязанности, являющихся участниками взаимоотношений между определенными категориями военнослужащих при исполнении обязанностей военной службы. Исходя из того, что понятия, обозначенные указанными терминами, являются однородными и прямо предусмотрены в УК РФ, а квалифицированный и особо квалифицированный составы по общему правилу должны содержать признаки основного состава этого же преступления, есть все основания считать, что в случае причинения тяжкого вреда здоровью начальника (п. «в» ч. 2 ст. 333 УК РФ) эти последствия должны быть взаимосвязаны с сопротивлением начальнику или принуждением его к нарушению своих обязанностей, сопряженным с насилием либо угрозой его применения. Если же указанные деяния совершены не в связи с исполнением обязанностей военной службы, то совершенное квалифицируется не по специальным предписаниям ст. 333 УК РФ, а по общим предписаниям о преступлениях против здоровья, например, предусмотренным п. «а» ч. 2 ст. 111, 113 или 114 УК РФ. Данный подход нашел свое подтверждение в абз. 5 п. 25, п. 26 и абз. 2 п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» (далее – постановление Пленума № 11).

В следственной и судебной практике довольно часто встречаются случаи, когда охранительные нормативные предписания о воинских преступлениях пребывают в состоянии конкуренции части и целого. Например, с норма-

¹¹ См.: Ляскало А. Н. Военно-уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части : учеб. / под ред. О. К. Зателепина, С. Н. Шарапова. М. : Граница, 2024. С. 238–239.

тивными предписаниями статей о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства они зачастую представляют собой часть последних. В частности, добровольная сдача в плен, предусмотренная ст. 352.1 УК РФ, может оказаться способом перехода на сторону противника и квалифицироваться в соответствии со ст. 275 УК РФ как государственная измена. Распространенной является и конкуренция нормативных предписаний, в которых закреплены квалифицирующие, особо квалифицирующие и привилегированные признаки с предписаниями об общеуголовных преступлениях, содержащих такие же признаки, в соотношении как часть и целое. Например, к таким предписаниям относятся те, которые предусматривают признаки: тяжкие последствия (ч. 2 ст. 332, ч. 3 ст. 335, ч. 2 ст. 340–343, ч. 2 ст. 346 УК РФ), иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 333–334 УК РФ), тяжкий или средней тяжести вред здоровью (ч. 2 ст. 333–334 УК РФ), средней тяжести вред здоровью (ч. 2 ст. 335 УК РФ), смерть человека (ч. 2 ст. 349–350 УК РФ), смерть двух или более лиц (ч. 3 ст. 349–350 УК РФ), применение оружия (ч. 2 ст. 333–335), группа лиц, группа лиц по предварительному сговору или организованная группа (ч. 2 ст. 332–335 и ч. 2 ст. 338 УК РФ). Деяния, содержащие указанные признаки, не требуют дополнительной квалификации по общеуголовным предписаниям статей Особенной части УК РФ, которые в этой ситуации потенциальной конкуренции охранительных нормативных предписаний являются предписаниями о целом.

В доктрине уголовного права, как указывает А. Н. Лясколо, для преодоления конкуренции части и целого применяется так называемый «санкционный» подход. По его мнению, объем насилия, учтенного нормами главы 33 УК РФ, не всегда правильно определялся, вследствие чего возникали трудности с отграничением конкуренции части и целого от совокупности воинских и общеуголовных преступлений, она необоснованно применялась или игнорировалась. В частности, такая проблема возникла с определением объема тяжкого вреда здоровью, предусмотренного в предписаниях п. «в» ч. 2 ст. 333 и 334, а также ч. 3 ст. 335 УК РФ. Исследователь отмечает, что в этих предписаниях «...учтен простой состав причинения тяжкого вреда здоровью»¹². Наличие же в содеянном признаков квалифицированных составов ст. 111 УК РФ, исходя из «санкционного» подхода, требует применения совокупности воинского и общеуголовного насильственных преступлений, что не всегда учитывалось в судебной практике. Он приводит пример из практики и считает правильной квалификацию органами предварительного следствия по предписаниям п. «в» ч. 2 ст. 334 и ч. 4 ст. 111 УК РФ содеянного старшим матросом Ш., который в ходе жестокого избиения причинил старшине второй статьи С. тяжкий вред здоровью, от чего впоследствии потерпевший скончался. С точки зрения ученого, военный суд Курильского гарнизона, установив причинную связь между действиями Ш. в отношении начальника и его смертью, необоснованно исключил из обвинения подсудимого ч. 4 ст. 111 УК РФ. А. Н. Лясколо считает, что совокупность преступлений, предусмотренных предписаниями п. «в» ч. 2 ст. 334 и ч. 4 ст. 111 УК РФ, в данном случае является вполне оправданной, поскольку предписание п. «в» ч. 2 ст. 334 УК РФ содержит значительно более мягкую санкцию по сравнению с предписанием ч. 4 ст. 111 УК РФ об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, по-

¹² Лясколо А. Н. Военно-уголовное право Российской Федерации. С. 249–250.

влекшего по неосторожности смерть потерпевшего, что, по его мнению, привело в указанном выше примере к существенной недооценке тяжести наступивших последствий¹³. Вместе с тем ученый также обращает внимание и на то, что выбор в пользу такой совокупности диссонирует с требованием предписания ч. 2 ст. 6 УК РФ о запрете двойного вменения за совершение одного и того же преступления. Применение совокупности преступлений в подобных случаях является вынужденной мерой, иначе оценка действий виновного будет неполной¹⁴. Этот подход в настоящее время является превалирующим в судебной практике, он отражен и в абз. 3 п. 35 постановления Пленума № 11.

По нашему мнению, более аргументированной представляется позиция тех ученых, которые считают, что данный подход противоречит не только ч. 2 ст. 6 УК РФ, но и ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации, а также предписанию ч. 3 ст. 17 УК РФ. Системное толкование содержания последнего позволяет утверждать, что реализация охранительного предписания статьи о специальной норме исключает возможность применения охранительных предписаний статьи об общей норме и наоборот, а в итоге устраняет совокупность преступлений и двойное инкриминирование содеянного. В данном случае сделаем оговорку о том, что такая квалификация возможна лишь при реальной совокупности преступлений.

В указанном контексте из содержания предписания ч. 3 ст. 17 УК РФ следует принципиально важное положение о том, что для квалификации не имеют значения: а) соотношение санкций общей и специальной норм; б) наличие в предписании статьи об общей норме квалифицирующих признаков, не предусмотренных предписанием статьи о специальной норме.

В выработанном же практикой подходе недопустимо игнорировать позицию законодателя, дифференцировавшего ответственность, который, возможно, по разным причинам не в полной мере учел общественную опасность того или иного вида преступления и установил неоднозначную санкцию. По общему правилу, выделение предписаний статей о специальной норме направлено на усиление ответственности, однако возможно, что это означает и ее смягчение, но в любом случае необходимо соблюдать требования предписаний ч. 1 ст. 50 Конституции России, ч. 2 ст. 6 и ч. 3 ст. 17 УК РФ.

Применительно к указанному необходимо добавить, что в юридической литературе довольно часто поднимается проблема относительно того, что законодатель при конструировании действующего уголовного закона не учел истинную общественную опасность воинских преступлений [11, с. 262, 342]. Такой подход обусловлен логикой построения Особенной части УК РФ, основанной на градации общественных отношений, охраняемых уголовным законом, в зависимости от иерархии ценностей, и выглядит следующим образом: личность, общество и государство. Как правильно отметил по данному поводу Л. А. Кругликов, он продиктован идеологией превосходства общечеловеческих ценностей, отраженной в положениях Конституции России (ст. 2) и закрепленной в ст. 2 УК РФ¹⁵. Разрешение данной проблемы возможно толь-

¹³ Ляскало А. Н. Военно-уголовное право Российской Федерации. С. 250.

¹⁴ Там же. С. 248.

¹⁵ Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учеб. / под ред. А. В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2015. С. 17. Более подробно об этом см.: [12].

ко законодательным путем. По нашему мнению, наиболее оптимальным способом ее устранения может быть выделение всей системы военно-уголовных предписаний в Специальную часть: военно-уголовное законодательство УК РФ, что обосновывалось нами в предыдущих публикациях [7].

Самым близким по своему содержанию понятием к конкуренции является коллизия. В теории уголовного права по-разному понимают их соотношение и его правовые последствия. Так, одни ученые их отождествляют (например, В. В. Ершов¹⁶, А. В. Иногамова-Хегай [13, с. 138–139]), другие различают (В. Н. Кудрявцев [14, с. 214–215], В. Б. Шакин [15, с. 25]). Третьи хотя и различают их, но считают данную дискуссию не принципиальной для практики (А. Н. Ляскало, А. А. Толкаченко¹⁷) и т. д. Термин «коллизия» происходит от лат. collision – столкновение сил, устремлений или интересов¹⁸. Как правильно заметил по данному поводу В. Н. Кудрявцев, коллизия нормативных предписаний отличается от конкуренции прежде всего тем, что первая представляет собой их противоречие, а вторая – «различие по объему и степени обобщенности единых по своей сути и направленности норм» [14, с. 214]. Разграничение коллизии и конкуренции имеет важное значение, так как первая устраняется исключительно законодательным путем, причем в силу длительности и сложности данного процесса требует от законодателя первоочередного реагирования в сравнении со второй. Их установление на практике необходимо и для выяснения того, какими (теми же или разными) правилами следует руководствоваться при определении уголовно-правовых предписаний, подлежащих применению. В этом случае возможны разные варианты: при совпадении коллизии и конкуренции предписаний статей законодательства их преодоление должно осуществляться по одним и тем же правилам; если одно из этих понятий шире по объему, что отличает его от другого понятия, то, соответственно, правила одного вида должны включать в себя правила другого вида; если эти явления однопорядковые, но не тождественны, то применяются отдельные, самостоятельные правила их преодоления¹⁹.

Как утверждала Н. Ф. Кузнецова, наука уголовного права выработала следующие правила преодоления коллизии предписаний статей уголовного закона: 1) коллизии между предписаниями Конституции России и УК РФ разрешаются в пользу первых согласно ч. 4 ст. 15 Конституции; 2) при коллизиях международно-правовых и внутренних предписаний об ответственности за преступления квалификация производится по УК РФ, куда должны быть в обязательном порядке имплементированы ратифицированные международные акты (они могут применяться непосредственно только в случае, если на них прямо ссылается уголовный закон); 3) коллизии между предписаниями статей Общей и Особенной частей УК РФ разрешаются в пользу предписаний его Общей части; 4) коллизии внутри предписаний статей Общей и Особенной частей УК РФ раз-

¹⁶ Ершов В. В., Ершова Е. А. Трудовой договор : учеб.-практ. пособие. 3-е изд. М. : Дело, 2001. С. 12–13.

¹⁷ Энциклопедия уголовного права. Т. 32 : Квалификация преступлений. С. 754.

¹⁸ Латинско-русский и русско-латинский словарь / под ред. А. И. Подосинова. М. : Флинта, 2007. С. 241.

¹⁹ См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 32 : Квалификация преступлений. С. 700.

решаются согласно принципу гуманизма квалификацией по менее строгому предписанию статей УК РФ; 5) коллизии между предписаниями статей УК РФ и других нормативных правовых актов разрешаются по предмету регулирования, в соответствии с диалектикой взаимодействия содержания и формы. Все аспекты квалификации преступлений – предмет уголовного права²⁰.

Надо отметить, что перечисленные правила квалификации, преимущественно указанные в п. 3 и 4, на практике фактически не соблюдаются. Так, коллизия, о которой ведется речь в п. 3, например, существует между предписаниями ч. 2 ст. 75 УК РФ и примечаниями к ст. 337, 338 и 352.1 УК РФ, заключается в том, что предписание Общей части устанавливает обязанность суда при наличии соответствующих оснований и условий применять специальные виды освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные в примечаниях к указанным статьям, а последние, из-за включенного в них слова «может», относят такое освобождение к праву суда. Практика разрешает данную проблему на основании ч. 3 ст. 17 УК РФ, признавая предписания примечаний к ст. 337, 338 и 352.1 УК РФ специальными. С нашей точки зрения, данный подход противоречит доктрине уголовного права: мы придерживаемся мнения ученых (например, Н. Ф. Кузнецовой), которые считают, что выделение соответствующих нормативных предписаний в Общую часть уголовного закона не только служит исключительно техническим потребностям – устранению повторений, сокращению объема закона и т. д., но имеет более глубокий смысл – декларирование и закрепление наиболее принципиальных положений, установление четких пределов, в которых должны решаться частные вопросы. Общая часть УК РФ должна выступать гарантом того, что при установлении ответственности за отдельные преступления и ее реализации не будут нарушаться ограничения, выработанные в ходе многовекового развития права, будут соблюдены гарантии прав лица, к которому применяется уголовный закон, реализуются принципы данного закона. Иначе выделение Общей части УК РФ утратит свое значение²¹.

Из изложенного следует, что Общая часть УК РФ имеет приоритет перед его Особенной частью. Данное утверждение касается вопросов как законотворчества, так и правоприменения. Лицо, реализующее право, должно при выявлении коллизии между предписаниями частей уголовного закона решать соответствующие вопросы так, как этого требуют предписания Общей части УК РФ²². Что касается коллизии, указанной в п. 4, то она может иметь свое проявление между новыми и ранее действовавшими предписаниями статей УК РФ, принятыми в разное время. В этом случае согласно ст. 10 УК РФ такая коллизия разрешается в соответствии с принципом гуманизма квалификацией по менее строгому предписанию статей УК РФ. Например, лицо, добровольно сдавшееся в плен до введения в действие ст. 352.1 УК РФ Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголов-

²⁰ Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. М. : Городец, 2007. С. 131–132.

²¹ Там же.

²² См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 32 : Квалификация преступлений. С. 732.

ный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», не будет нести уголовную ответственность по ее предписаниям. В некоторых случаях для разрешения данной коллизии может применяться правило, предусмотренное ч. 3 ст. 17 УК РФ.

Совокупность преступлений отличается от коллизии тем, что предусматривает наличие двух или более деяний, каждое из которых запрещается отдельными пунктами, частями или статьями Особенной части УК РФ, в то время как коллизия уголовно-нормативных предписаний имеет место при квалификации только одного деяния. Следовательно, квалификация по совокупности преступлений предполагает применение нескольких уголовно-нормативных предписаний, а коллизия – выбор какого-либо одного предписания.

Обсуждение и заключение

Подводя итоги изложенному, мы можем констатировать, что между нормативными предписаниями, в которых закреплены составы воинских преступлений, имеющие общие признаки с другими составами преступлений, предусмотренными как статьями главы 33 УК РФ, так и иными главами и разделами Особенной части УК РФ, могут возникать разные виды смежных правовых явлений, конкуренции и коллизий. Их объектом являются не правовые нормы и закрепленные в них составы преступлений, на что довольно часто указывается в юридической литературе, а предписания статей уголовного закона. Поясняется это тем, что правовые нормы и закрепленные в них составы преступлений индивидуальны (уникальны, не идентичны один одному), всегда отличаются друг от друга, а наличие указанных правовых явлений вызвано несовершенством юридической техники или ошибкой законодателя при конструировании нормативных предписаний статей уголовного закона. Различать эти явления необходимо для выяснения того, какими правилами следует руководствоваться при определении уголовно-правовых предписаний, подлежащих применению, а также для законодательного усовершенствования таких предписаний и устранения их дефектов.

Список источников

1. Алферова Е. В. Коллизии в уголовном законодательстве как индикатор его качества // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. 2023. № 3. С. 99–114. DOI: 10.31249/iajpravo/2023.03.08.
2. Ляскало А. Н. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений против военной службы : моногр. М. : Граница, 2009. 149 с.
3. Иногамова-Хегай Л. В. Конкуренция норм уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 44 с.
4. Панова Ю. А. Конкуренция и коллизии норм уголовного законодательства // Правовая культура. 2009. № 1 (6). С. 81–87.
5. Шакин В. Б. Преодоление конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 21 с.

6. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 346 с.
7. Давыдова А. М. Коллизионные нормативно-правовые предписания: понятие и типологическая характеристика // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 135–145.
8. Бодаевский В. П. Характеристика и функциональное назначение системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского порядка // Lex russica. 2021. Т. 74, № 4. С. 44–62. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.173.4.044-062.
9. Алексеев С. С. Структура советского права. М. : Юрид. лит., 1975. 263 с.
10. Гуляев Г. Ю. Конкуренция: сущность и структура взаимосвязанных категорий // Научное обозрение. 2014. № 12-1. С. 234–241.
11. Ермолович Я. Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации : моногр. М. : Юрлитинформ, 2012. 572 с.
12. Бодаевский В. П. Общественная опасность деяния как критерий, детерминирующий особенности правового регулирования уголовной ответственности военнослужащих // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 88–95.
13. Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. М. : Норма : Инфра-М, 2015. 287 с.
14. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2001. 301 с.
15. Шакин В. Б. Преодоление конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 206 с.

References

1. Alferova E. V. Collisions in criminal legislation as an indicator of its quality. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4. State and Law*. 2023;(3):99-114. (In Russ.) DOI: 10.31249/iajpravo/2023.03.08.
2. Lyaskalo A. N. *Competition of criminal law norms in the qualification of crimes against military service*. Monograph. Moscow: Granitsa; 2009. 149 p. (In Russ.)
3. Inogamova-Khegaj L. V. *Competition of criminal law norms*. Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 1999. 44 p. (In Russ.)
4. Panova Yu. A. Competition and collisions of criminal legislation norms. *The Legal Culture*. 2009;(1):81-87. (In Russ.)
5. Shakin V. B. *Overcoming the competition of criminal law norms in the qualification of crimes*. Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2005. 21 p. (In Russ.)
6. Konyakhin V. P. *Theoretical foundations of the construction of the general part of russian criminal law*. St. Petersburg: Yuridicheskij tsentr Press; 2002. 346 p. (In Russ.)

7. Davydova L. M. Collisional regulatory legal prescriptions: concept and typological characteristics. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technology*. 2017;(11):135-145. (In Russ.)
8. Bodaevsky V. P. Characteristics and functional purpose of the system of criminal law rules providing protection of military law and order. *Lex Russica*. 2021;74(4):44-62. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2021.173.4.044-062.
9. Alekseev S. S. *The structure of Soviet law*. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1975. 263 p. (In Russ.)
10. Gulyaev G. Yu. Competition: essence and structure of interrelated categories. *Nauchnoe obozrenie = Scientific Review*. 2014;(12-1):234-241. (In Russ.)
11. Ermolovich Ya. N. *Theoretical and legal foundations of military-criminal policy in the Russian Federation*. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2012. 572 p. (In Russ.)
12. Bodaevsky V. P. Of public danger of an act as the criterion determining the peculiarities of legal regulation of criminal liability of servicemen. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. 2019;5(3):88-95. (In Russ.)
13. Inogamova-Khegay L. V. *Conceptual foundations of the competition of criminal law norms*. Moscow: Norma; Infra-M; 2015. 287 p. (In Russ.)
14. Kudryavtsev V. N. *General theory of qualification of crimes*. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Yurist; 2001. 301 p. (In Russ.)
15. Shakin V. B. *Overcoming the competition of criminal law norms in the qualification of crimes*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2005. 206 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Бодаевский Виктор Петрович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, Республика Крым, 295051, Симферополь, ул. Павленко, д. 5).

Viktor P. Bodaevsky, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Criminal Law Department, Crimean Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (5 Pavlenko St., Simferopol, Republic of Crimea, 295051, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 28.04.2026.

The article was submitted 30.01.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 28.04.2026.

Научная статья

УДК 343.148

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.156-166

Актуальные вопросы назначения комплексных судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с религиозным экстремизмом

Наталья Николаевна Баскакова¹,
Лев Евгеньевич Попов²

^{1, 2} Санкт-Петербургская академия Следственного комитета,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

¹ baskakovann@yandex.ru

² ilevforever@yandex.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена проблемам назначения комплексных судебных экспертиз в рамках расследования религиозных экстремистских преступлений. Религиозный экстремизм представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности, в связи с чем борьба с любыми его проявлениями является приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов. При расследовании преступлений, связанных с религиозным экстремизмом, одним из доказательств является заключение эксперта.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу исследования составили разработки отечественных ученых в области криминалистики и судебно-экспертной деятельности. В работе использованы как общенаучные методы исследования (анализ, синтез, обобщение), так и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, статистический).

Результаты исследования. Проведенный анализ судебных приговоров по ряду уголовных дел показал наличие тенденции назначения комплексных судебных экспертиз на стадии предварительного расследования. При рассмотрении понятия комплексной экспертизы авторы считают целесообразным, что данный вид экспертизы производится экспертами разных специальностей совместно, одновременно и с формулированием общего вывода. Исходя из данной позиции, на основании экспертной практики авторы рассматривают основные проблемы, связанные с назначением комплексных судебных экспертиз.

Обсуждение и заключение. Отмечается, что комплексный подход не всегда является целесообразным: нередко задачи, интересующие следствие, можно решить посредством назначения экспертизы одного рода, а некоторые – посредством последовательного назначения экспертиз разного рода (вида).

Ключевые слова: комплексная экспертиза, религиозный экстремизм, специальные знания, религиозоведческая экспертиза, лингвистическая экспертиза, психологическая экспертиза, методика, предварительное расследование

Для цитирования: Баскакова Н. Н., Попов Л. Е. Актуальные вопросы назначения комплексных судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с религиозным экстремизмом // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 2. С. 156–166. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.156-166.

Original article

Actual Issues of Appointing Complex Forensic Examinations in the Investigation of Crimes Related to Religious Extremism

Natalia N. Baskakova¹, Lev E. Popov²

^{1, 2} *St. Petersburg Academy of the Investigative Committee,
St. Petersburg, Russian Federation*

¹ *baskakovann@yandex.ru*

² *ilevforever@yandex.ru*

Abstract

Introduction. The article focuses on the problems of appointing complex forensic examinations in the investigation of religious extremist crimes. Religious extremism is a serious threat to national security, and combating any manifestations of this criminal phenomenon is a priority for law enforcement agencies. When investigating crimes related to religious extremism, expert opinions are one of the pieces of evidence used.

Theoretical Basis. Methods The theoretical basis of the study was formed by the works of Russian scholars in the field of criminalistics and forensic expert activity. The research employed both general scientific methods (analysis, synthesis, generalization) and specific scientific methods (comparative legal, statistical).

Results. An analysis of court verdicts in a number of criminal cases has shown a trend towards the appointment of comprehensive forensic examinations during the preliminary investigation phase. When considering the concept of a comprehensive examination, the authors support the point of view that this type of examination is carried out by experts of different specialties together, simultaneously and with the formulation of a general conclusion. Based on this position, based on expert practice, the authors consider the main problems associated with the appointment of complex forensic examinations.

Discussion and Conclusion. It is noted that an integrated approach is not always advisable, often the tasks of interest to the investigation can be solved by assigning expertise of the same kind, and some by sequentially assigning expertise of various kinds (types).

Keywords: complex examination, religious extremism, special knowledge, religious examination, linguistic examination, psychological examination, methodology, preliminary investigation

For citation: Baskakova N. N., Popov L. E. Actual issues of appointing complex forensic examinations in the investigation of crimes related to religious extremism. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(2):156-166. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.156-166.

Введение

На современном этапе развития общества в России и мире актуальной является проблема распространения экстремистской идеологии, которая характеризуется, в частности, развитием религиозного экстремизма. Разжигание религиозной ненависти, вражды, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признакам его религиозной принадлежности или отношения к религии, в том числе путем распространения призывов к насильственным действиям, вовлечения граждан в деятельность экстремистских религиозных организаций, отмечены в действующей Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации¹ как наиболее опасные проявления экстремизма. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в современных реалиях особую опасность представляет проникновение на территорию Российской Федерации из других государств лиц, проходивших обучение в зарубежных теологических центрах и проповедующих исключительность радикальных религиозных течений с целью создания законспирированных ячеек экстремистских организаций, в которых будут осуществляться вербовка новых участников и подготовка к совершению террористических актов на территории России².

Национальная и религиозная нетерпимость, проявления радикализма создают благоприятные условия для подрыва национальной безопасности. Приоритетный характер борьбы с экстремизмом подчеркивает Президент Российской Федерации В. В. Путин, который в ходе заседания расширенной коллегии ФСБ России заявил: «Решительно и наступательно нужно бороться с экстремизмом и терроризмом, пресекать любые попытки разобщить и расколоть наше общество, сравнить между собой представителей разных национальностей и религий»³.

Увеличение количества экстремистских преступлений связано в том числе и с имеющимися проблемами в миграционной сфере, на необходимость решения которых также обращает внимание правоохранительных органов Президент России, называя приоритетными «...безопасность общества и граждан, сбережение нашей культурной идентичности. Необходимо пресекать каналы нелегальной миграции, активнее использовать современные инструменты миграционного контроля»⁴. Сложившаяся в России ситуация, связанная с увеличением преступлений, совершенных мигрантами, негативно влияет на межконфессиональные отношения. Увеличение потока мигрантов, которые активно участвуют в распространении радикальных идей, игнорируют требования российского законодательства, руководствуясь своими религиозны-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/?ysclid=mklb1jlvcsu30012474/> (дата обращения: 10.01.2026).

² Там же (дата обращения: 10.01.2026).

³ Президент России : официальный сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/76338 (дата обращения: 11.01.2026).

⁴ Президент России : официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/76408> (дата обращения: 11.01.2026).

ми традициями, способствует нарушению в России исторически сложившегося религиозного баланса.

Результаты исследования

Борьба с экстремизмом – одно из приоритетных направлений деятельности Следственного комитета Российской Федерации. Следователи Следственного комитета Российской Федерации осуществляют предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных следующими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, в которых одним из признаков преступления является мотив религиозной ненависти: ст. 105 (п. «а» ч. 2), 282, 282.1, 282.2, 237, 357. Кроме того, Следственным комитетом Российской Федерации осуществляется предварительное расследование преступлений террористической направленности (ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3 УК РФ), которые также могут быть совершены на основании религиозных убеждений.

Религиозный экстремизм – очень сложное и многогранное явление, которое обусловлено не только фактом совершения противоправного действия, но и морально-этическим отношением преступника к совершаемому им действию.

Необходимо отметить, что понятие религиозного экстремизма законодательно не закреплено, а в научной литературе имеются различные подходы к определению данного явления. На наш взгляд, определение, наиболее полно отражающее сущность религиозного экстремизма, дано С. Е. Пролетенковой, рассматривающей указанное явление как идеологическую доктрину и основанную на ней общественно опасную противоправную религиозную деятельность религиозных объединений и (или) их отдельных членов либо использование деструктивной религиозной мотивации преступными организациями для совершения их членами противоправных деяний, направленных на насильственный захват власти, на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно посягательство на общественную безопасность государства либо на права и свободы человека и гражданина по мотивам религиозной нетерпимости [1, с. 19–20].

Среди основных признаков, характеризующих религиозный экстремизм, следует выделить направленность на изменение государственного строя, использование насильственных форм и методов борьбы, отрицание прав и свобод человека, включая свободу совести и выбора веры, полное отрицание возможности достижения согласия, компромисса с представителями иных религиозных групп, крайнюю нетерпимость по отношению ко всем, кто не разделяет определенных религиозных взглядов, использование психологического воздействия, манипулятивных тактик для привлечения новых членов в свои ряды.

Таким образом, религиозный экстремизм представляет собой многогранное явление, требующее от следователей при расследовании преступлений междисциплинарного подхода и эффективного применения специальных знаний.

Сегодня практически невозможно представить расследование преступлений рассматриваемой категории без назначения судебных экспертиз. С учетом специфики преступлений, связанных с религиозным экстремизмом, наиболее востребованными являются лингвистическая, религиоведческая и

психолого-лингвистическая экспертизы. Необходимо отметить, что распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р (в ред. от 31 октября 2023 г.)⁵ по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности в число судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными учреждениями, включены судебная лингвистическая и психолого-лингвистическая экспертизы. До недавнего времени производство судебной религиоведческой экспертизы осуществлялось в негосударственных судебно-экспертных учреждениях или экспертами из числа лиц, не работающих в судебно-экспертных учреждениях. У органов следствия возникали из-за этого определенные трудности с назначением религиоведческих экспертиз и оценкой заключения эксперта. Так, отсутствие апробированных и научно обоснованных методик влечет разные экспертные подходы к проведению исследований, что, в свою очередь, затрудняет оценку заключения эксперта; нечеткое понимание пределов компетенции эксперта является следствием размытости самого понятия религиоведческих специальных знаний, неясности квалификационных требований, предъявляемых к эксперту. Данные проблемы способствовали тому, что заключения религиоведческой экспертизы вызывали сомнения у лиц, осуществляющих предварительное следствие, у суда [2]. С 2024 года приказом Минюста России от 20 апреля 2023 г. № 72 (ред. от 31.01.2024) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» судебная религиоведческая экспертиза включена в перечень экспертиз, производство которых осуществляется в экспертных подразделениях Минюста России. Данный факт, безусловно, является новым этапом развития судебной религиоведческой экспертизы в системе судебно-экспертных исследований.

Предметом *судебной религиоведческой экспертизы* является «установление фактических данных на основе исследования специальными методами закономерностей формирования, применения и сохранения объектов, связанных с религией (источников вероучения, религиозных символов, культовых зданий или иных объектов, указывающих на принадлежность к конкретному конфессиональному течению и др.) и свидетельствующих о наличии (отсутствии) обстоятельств, относящихся к делу» [2, с. 16].

В основе *лингвистической экспертизы* лежит исследование текстов (устных, письменных, сочетающих устную и письменную вербальные составляющие) с целью решения вопросов смыслового понимания. В рамках расследования преступлений, связанных с религиозным экстремизмом, посредством судебной лингвистической экспертизы можно установить наличие в тексте побуждения к враждебным (насильственным) действиям, обоснования необходимости, допустимости совершения враждебных действий в отношении группы лиц, объединенных по религиозному признаку; негативной оценки лица или группы лиц по признаку отношения к религии; положительной

⁵ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402971760/?ysclid=mk1b5ucr2s780793427> (дата обращения: 08.01.2026).

оценки насильственных действий, совершаемых в отношении группы лиц, объединенных по религиозному признаку.

В число задач *психологической экспертизы*, назначаемой по рассматриваемой категории уголовных дел, можно отнести установление психологических особенностей информационного материала (целевой аудитории, коммуникативных установок участников коммуникации), установление социально-психологической направленности материалов (формируемых у адресата социальных установок), негативного психологического воздействия.

Рассматриваемые виды судебных экспертиз позволяют следствию устанавливать факты, имеющие значение для установления истины по уголовному делу.

Вместе с тем анализ судебной практики показал, что при расследовании уголовных дел рассматриваемой категории возникала необходимость в назначении комплексных судебных экспертиз. Так, анализ судебных приговоров по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 205.1, 282.1, 282.2 УК РФ, показал, что в 80% изученных нами приговоров судебные экспертизы были в числе доказательств, из них 75% составляли комплексные судебные экспертизы. Наибольшее количество комплексных судебных экспертиз было назначено по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 282.2 УК РФ (88% от общего числа комплексных экспертиз). Как правило, комплексные экспертизы назначались с целью исследования текстов религиозного характера на предмет выявления побуждений к определенным действиям, установления направленности текста, его влияния на сознание человека. Достаточно востребованным на стадии предварительного расследования было назначение комплекса из религиоведческой и лингвистической экспертиз, а также из религиоведческой, лингвистической и психологической экспертиз.

Прежде чем обратиться к анализу особенностей назначения и производства комплексных судебных экспертиз по обсуждаемой категории уголовных дел, рассмотрим *понятие и особенности комплексной экспертизы*. В соответствии со ст. 201 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации комплексной называется судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей. Согласно п. 2 ст. 201 УПК РФ в заключении указывается, «...какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность». В статье 23 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 22 июля 2024 г.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» отмечается такой же порядок оформления заключения комплексной экспертизы, при этом под данной экспертизой понимается «производство комиссионного исследования одного объекта экспертами различных областей»⁶.

Данные определения комплексной экспертизы неоднозначно интерпретируются учеными и практикующими юристами. Некоторые ученые считают,

⁶ URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-31052001-n-73-fz-o/> (дата обращения: 10.01.2026)

что комплексная экспертиза представляет собой совокупность самостоятельных экспертных исследований [3, с. 18]. Согласимся с мнением Е. Р. Россинской, которая справедливо полагает, что комплексной является «...экспертиза, при производстве которой решение вопроса невозможно без одновременного совместного участия экспертов различных родов (видов) судебных экспертиз в написании заключения (или его синтезирующей части) и **формулировании общего вывода**»⁷ (выделено нами. – Н. Б., Л. П.). Необходимость формулирования общего вывода, на наш взгляд, является ключевой в данном определении, поскольку сущность комплексного экспертного исследования заключается в совокупном применении методов анализа (используемых в различных науках) того или иного объекта с целью выявления признаков, позволяющих правоприменителю оценить материалы и квалифицировать деяние. Принимая эту точку зрения, отметим, что анализ заключений комплексных экспертиз показывает, что нередко по факту данные заключения представляют собой именно комплекс экспертиз. Следователи ставят перед экспертами несколько вопросов, часть из которых относится к компетенции эксперта одной специальности, а часть – к компетенции эксперта другой специальности. Соответственно, выводы также даются экспертами раздельно в соответствии с вопросами. Целесообразность назначения комплекса экспертиз в одном постановлении вызывает сомнения, поскольку в ряде случаев подобный подход увеличивает сроки производства экспертных исследований, а проведение отдельных экспертиз (пусть даже в разных судебно-экспертных учреждениях) осуществляется в оптимальные сроки.

Принятый нами подход к пониманию комплексной экспертизы предполагает разработку соответствующей методики ее производства. На сегодняшний день среди государственных судебно-экспертных учреждений России (далее – ГСЭУ) разработаны методики производства комплексной психолого-лингвистической экспертизы, которые применяются на практике в экспертных подразделениях Минюста России⁸ и ФСБ России.

Предметом *психолого-лингвистической экспертизы* являются «...фактические данные об особенностях материала, имеющие значение для дела, которые устанавливаются путем исследования объектов экспертизы с помощью применения лингвистических и психологических знаний»⁹. В рамках психолого-лингвистической экспертизы эксперт-лингвист исследует семантику текста, т. е. что сказано в тексте, как (какими средствами, эксплицитно или имплицитно) выражено сказанное; способ воздействия на установки и поведение адресата исследуются экспертом-психологом на основе проведенного лингвистического анализа.

⁷ Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учеб. / под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2026. С. 164.

⁸ Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2022. 108 с.

⁹ Там же. С. 26.

При производстве других комплексных экспертиз, например лингво-религиоведческой, используются частные методики.

Необходимость в назначении комплексных судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с религиозным экстремизмом, обусловлена сложным, комбинированным характером материалов исследования. Объектами, для исследования которых необходим комплекс специальных знаний, являются сложные тексты, содержащие комбинацию устного (звучащего) и письменного текстов, изображений (рисунков) и/или символов, жестов (например, видеоролики пропагандистского содержания, видеозаписи религиозных проповедей, мемы религиозной тематики и др.). Подобные сложные объекты содержат единицы различных знаковых систем, полное и всестороннее исследование которых экспертом какой-либо одной специальности невозможно. Такие объекты подлежат комплексному исследованию экспертами разных специальностей для выявления совокупности признаков, позволяющих правоприменителю в дальнейшем осуществить квалификацию деяния.

При назначении комплексной судебной экспертизы (психолого-лингвистической, лингво-религиоведческой и др.) особо важен ответственный подход к формулированию вопросов, выносимых на разрешение экспертов. Вопросы должны, во-первых, отражать комплексный характер исследования, во-вторых, соответствовать компетенции экспертов, в-третьих, быть конкретными, связанными с исследуемыми материалами.

Например, формулировка вопроса «Имеются ли в представленных на исследование информационных материалах экстремистские высказывания?» не является корректной, поскольку требует от экспертов правовой оценки, что противоречит п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 23 декабря 2025 г.), согласно которому «не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды»¹⁰.

Недопустимой, на наш взгляд, является формулировка (при назначении психолого-лингвистической экспертизы), предполагающая выявление лингвистических, психологических признаков противоправного деяния, например: «Содержатся ли в представленных на исследование информационных материалах лингвистические и психологические признаки оправдания терроризма?». Подобные вопросы содержат формулировки признаков состава преступления, следовательно, предполагают правовую оценку, что не входит в компетенцию экспертов. Употребление с лексемой «признаки» слов «лингвистические» и «психологические» не отменяет того, что перед экспертами фактически ставится задача выявления признаков оправдания терроризма, что является правовой квалификацией. Безусловно, понятие признака активно

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 23 декабря 2025 г.) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

используется в судебной экспертизе. В рамках производства психолого-лингвистических экспертиз, например, в экспертных подразделениях Минюста России, выделяются диагностические комплексы, позволяющие выявлять как лингвистические, так и психологические признаки, в своей совокупности указывающие на выражение в тексте определенных значений, которые с правовой позиции соотносятся с определенными признаками состава преступления. Но правовая оценка не входит в компетенцию эксперта. Полагая, что при формулировании вопросов следует избегать правовых понятий.

Недопустимым является вопрос, в котором перед экспертами ставится задача установления умысла, реальных намерений лица, совершившего преступление. В рамках экспертного исследования устанавливается коммуникативная (речевая) цель субъекта – «обязательная для сообщения адресату информация о том, зачем автор говорит ему что-либо»¹¹.

Представляются некорректными и вопросы прогностического характера, предполагающие установление того, может / не может повлиять конкретный текст/видеоролик на адресата, сформировать у него определенные убеждения, степень вероятности этого формирования. В рамках экспертного исследования с учетом коммуникативной ситуации устанавливается только то, что выражено в тексте/видеоролике. Такое исследование позволяет получить объективные данные и является научно обоснованным.

Заключение

Анализ следственной и экспертной практики показал, что комплексный подход при назначении судебных экспертиз в рамках расследования преступлений, связанных с религиозным экстремизмом, эффективен, как уже отмечалось, в ситуациях, когда объект исследования имеет сложную природу и для его полного и всестороннего анализа требуются специальные знания в разных областях наук. Вместе с тем нередко назначение комплексной экспертизы является нецелесообразным. Например, в случаях, когда объекты исследования содержат только вербальную составляющую, как правило, достаточно назначения лингвистической экспертизы, методы которой позволяют решать довольно большой спектр задач. В некоторых случаях целесообразно последовательное назначение экспертиз, например религиозоведческой и лингвистической, если следователю необходимо установить наличие негативной оценки материальных и нематериальных предметов поклонения/почитания верующих (Бог, святые, пророки, иконы и т. п.). Сам факт установления принадлежности объекта к предметам почитания верующих не относится к компетенции эксперта-лингвиста, но решение вопроса о выражении негативной оценки – одна из основных задач в рамках судебной лингвистической экспертизы. В данной ситуации, полагая, необходимо сначала назначить религиозоведческую экспертизу, в ходе которой установить отнесенность спорного предмета к объектам религиозного поклонения. С учетом результатов проведенного исследования следователь выносит постановление, в котором ставит на разрешение эксперта-лингвиста вопрос о наличии в спорном тексте негативной оценки конкретного объекта и средств ее выражения.

¹¹ Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Указ. соч. С. 23.

Работа следователя при расследовании религиозных экстремистских преступлений направлена на установление факта совершенного преступления, его мотивов, умысла и (что немаловажно) оценку совершенных действий с позиций оправдания их ссылкой преступника на религиозные убеждения. Для установления истины следователь обязан провести полный комплекс следственных действий, максимально полно использовать возможности судебных экспертиз.

Для эффективного применения специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с религиозным экстремизмом, следователю необходимо ответственно подходить к процессам подготовки и назначения судебных экспертиз. Здесь важную роль играет взаимодействие следователя со специалистами в непроцессуальной форме консультации, что позволяет получить информацию о решаемых в рамках того или иного вида экспертизы задачах, пределах компетенции эксперта, требованиях к материалам, направляемым на исследование. Это позволит свести к минимуму возможные проблемные ситуации, оптимизировать сроки производства экспертиз и, как следствие, сроки предварительного расследования.

Список источников

1. Пролетенкова С. Е. Административно-правовое регулирование противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 60 с.
2. Кирушин К. Р. Особенности назначения и производства судебных религиозоведческих экспертиз при расследовании преступлений, совершенных по мотиву религиозной ненависти или вражды : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2025. 299 с.
3. Эджубов Л. Г., Карпукхина Е. С. О новой концепции комплексной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 4. С. 16–24.

References

1. Proletenkova S. E. *Administrative and legal regulation of counteracting religious extremism in the Russian Federation*. Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2013. 60 p.
2. Kirushin K. R. *Features of the appointment and production of forensic religious studies examinations in the investigation of crimes committed motivated by religious hatred or enmity*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Ufa; 2025. 299 p.
3. Edzhubov L. G., Karpukhina E. S. On the new concept of comprehensive examination. *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Examination*. 2012;(4):16-24.

Информация об авторах / Information about the authors

Баскакова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности факультета

та подготовки криминалистов Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Российская Федерация, 190000, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 96).

Natalia N. Baskakova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor at the Forensic Expert and Operational-Investigative Activity Department of the Training Criminalists Faculty, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee (96 Moika River Embankment, St. Petersburg, 190000, Russian Federation).

Попов Лев Евгеньевич, курсант 5 курса факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Российская Федерация, 190000, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 96).

Lev E. Popov, 5th-year cadet, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee (96 Moika River Embankment, St. Petersburg, 190000, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 28.01.2026; принята к публикации 28.04.2026.

The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 28.01.2026; accepted for publication 28.04.2026.

Научная статья

УДК 341.6

DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.167-192

Институциональные механизмы взаимодействия ВТО и международного инвестиционного арбитража

Ильдус Исмагилович Галимов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Российская Федерация
ildus.galimov.99@mail.ru*

Аннотация

Введение. Рассмотрены институциональные механизмы взаимодействия Всемирной торговой организации (ВТО) с международными организациями и арбитражными инстанциями, регулирующими вопросы защиты иностранных инвестиций, продовольственной безопасности, интеллектуальной собственности и здравоохранения. Исследование основывается на анализе нормативных документов, статистических данных и актуальных практик международного сотрудничества за период 2015–2024 гг., что позволяет выявить ключевые тенденции в развитии международного права и глобального экономического регулирования. Особое внимание уделено институциональной взаимосвязи ВТО и международного инвестиционного арбитража, что имеет значение для правоприменительной практики в условиях роста количества споров между инвесторами и государствами. Отмечено, что число новых дел, регистрируемых в ведущих арбитражных институтах, таких как Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) и Постоянная палата третейского суда (ППТС), имеет устойчивую динамику, отражающую не только рост инвестиционной активности, но и усиление напряженности в торгово-инвестиционных отношениях. **Теоретические основы. Методы.** Анализ базируется на концепции институциональной взаимосвязи многосторонних торговых обязательств и договорных режимов защиты инвестиций. В работе использован сравнительно-правовой анализ.

Результаты исследования. Установлено, что в 2015–2024 гг. количество новых дел в МЦУИС и ППТС демонстрировало устойчивую динамику, отражающую рост инвестиционной активности и одновременно усиление напряженности в торгово-инвестиционных отношениях. Сравнительный анализ показал, что МЦУИС остается приоритетным механизмом разрешения инвестиционных споров, тогда как ППТС чаще используется для комплексных или межгосударственных дел. Взаимодействие ВТО с ФАО, ВОИС и ВОЗ выявляет междисциплинарные аспекты.

плинарный характер институциональной координации, связанной с вопросами продовольственной безопасности, регулирования интеллектуальной собственности и доступа к медицинским препаратам.

Обсуждение и заключение. Исследование подтверждает, что эффективность институционального взаимодействия зависит от согласования правовых и процедурных основ различных международных организаций. Приоритетными направлениями развития являются: формализация процедур обмена информацией, внедрение механизмов предотвращения коллизий между торговыми и инвестиционными нормами, а также гармонизация правоприменительной практики. Сотрудничество ВТО с ФАО, ВОИС и ВОЗ показывает, что торговые нормы все более интегрируются с социальными и гуманитарными приоритетами, что повышает легитимность международного экономического права.

Ключевые слова: Всемирная торговая организация, международное инвестиционное право, арбитраж, ФАО, ВОИС, ВОЗ, ТРИПС, продовольственная безопасность, интеллектуальная собственность, глобальное управление

Благодарности: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-77-3019.

Для цитирования: Галимов И. И. Институциональные механизмы взаимодействия ВТО и международного инвестиционного арбитража // Правосудие/Justice. 2026. Т. 8, № 2. С. 167–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.167-192.

Original article

Institutional Mechanisms of Interaction Between the WTO and International Investment Arbitration

Ildus I. Galimov

*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation
ildus.galimov.99@mail.ru*

Abstract

Introduction. The article examines the institutional mechanisms of interaction between the World Trade Organization (WTO) and international organizations and arbitration bodies regulating the protection of foreign investment, food security, intellectual property and healthcare. The study is based on an analysis of regulatory documents, statistical data and current practices of international cooperation for the period 2015–2024, which allows us to identify key trends in the development of international law and global economic regulation. Special attention is paid to the institutional relationship between the WTO and international investment arbitration, which is important for law enforcement practice in the context of an increasing number of disputes between investors and states. It was noted that the number of new cases registered with leading arbitration institutions, such as the International Center for Settlement of Investment Disputes (ICSID) and the Permanent Court of Arbitration (PCA), has a steady trend, reflecting not only the growth of investment activity, but also increased tensions in trade and investment relations.

Theoretical Basis. Methods. The analysis is based on the concept of the institutional relationship between multilateral trade obligations and contractual investment protection regimes. Comparative legal analysis is used in the work.

Results. It was found that in 2015–2024, the number of new cases in ICSID and PCA demonstrated steady dynamics, reflecting an increase in investment activity and, at the same time, increased tensions in trade and investment relations. A comparative analysis showed that ICSID remains the priority mechanism for resolving investment disputes, while PCA is more often used for complex or interstate cases. The WTO's cooperation with FAO, WIPO, and WHO reveals the interdisciplinary nature of institutional coordination related to food security, intellectual property regulation, and access to medicines.

Discussion and Conclusion. The analysis confirms that the effectiveness of institutional cooperation depends on the harmonization of the legal and procedural foundations of various international organizations. The priority areas of development are: formalization of information exchange procedures, introduction of mechanisms to prevent conflicts between trade and investment norms, as well as harmonization of law enforcement practice. The WTO's cooperation with FAO, WIPO and WHO shows that trade norms are increasingly integrated with social and humanitarian priorities, which increases the legitimacy of international economic law.

Keywords: World Trade Organization, international investment law, arbitration, FAO, WIPO, WHO, TRIPS, food security, intellectual property, global governance

Acknowledgments: the work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 17-77-300.

For citation: Galimov I. I. Institutional mechanisms of interaction between the WTO and international investment arbitration. *Pravosudie/Justice*. 2026;8(2):167-192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2026.2.167-192.

Теоретические основы институциональных механизмов взаимодействия ВТО и международного инвестиционного арбитража

С правовой позиции необходима строгость в определении статуса нормативных источников: многосторонние торговые обязательства создают перечень регулирующих норм, направленных на обеспечение дисциплины международной торговли, в то время как договорные обязательства, устанавливаемые инвестором и принимающей стороной, обеспечивают защиту имущественных интересов иностранного капитала. Конфликт между этими наборами норм возникает при совпадении фактической ситуации с элементами предметной компетенции обеих подсистем, влекущими за собой вопросы о применимости и приоритете конкретных правовых предписаний [1].

Методологическая основа анализа требует обращения к общепринятым правилам толкования международных договоров, в число которых входят текстуальный метод, системный метод и учет последующей практики сторон, при этом акцент необходимо сделать на принципе предсказуемости правоприменения и на соблюдении разумного баланса между защитой публичных интересов и защитой инвестиций частного характера [2].

Юрисдикционные и процедурные различия между торговыми органами и инвестиционными трибуналами создают риск получения противоречивых решений при параллельном рассмотрении одного фактического комплекса: торговые органы функционируют в формате межгосударственного спора с установленной последовательностью стадий рассмотрения и с возможностью апелляции, в то время как арбитражные механизмы инвестора и государ-

ства предполагают участие частного истца, гибкие процедурные регламенты и иные стандарты оценки ущерба, что в совокупности обуславливает необходимость выработки процедур координации при пересечении предметных областей [3].

В теоретическом плане взаимодействие происходит через механизмы рецепции и аргументационного заимствования, посредством которых толкования и выводы, сформированные в одном институте, используются в обосновании решений другого органа. Подобная практика требует выработки методики оценки релевантности, применимости и предельности ссылок на материалы внешних институтов с учетом волеизъявления договаривающихся сторон и содержания конкретных договорных оговорок, ограничивающих взаимное использование норм [4]. Особое значение приобретает интерпретация положений о наибольшем благоприятствовании и положений, призванных обеспечивать расширенную правовую защиту инвестиций, поскольку применение таких положений может привести к добавлению элементов защиты, исходно предусмотренных в иных соглашениях, и тем самым изменить правовое поле оценки действий регулирующих органов принимающего государства; интерпретация требует строгой методической привязки к тексту соглашения, к намерениям договаривающихся сторон и к принципам правовой определенности.

Анализ поведения арбитражных трибуналов показывает наличие различных стратегий обращения к материалам торговой практики: одни решения отдают предпочтение самостоятельной интерпретации положений инвестиционного договора без активного использования выводов торговых органов, иные принимают выводы торговых органов в расчет при оценке экономической сущности мер, при этом каждое использование внешнего материала должно сопровождаться мотивированным обоснованием его релевантности к правовой проблематике спора [5].

Вопросы процедурной координации включают формы обмена информацией, возможность привлечения экспертов, институциональное оформление заявлений о приостановлении производства в одной юрисдикции до завершения разбирательства в другой и практику подачи заявлений с приложением материалов, позволяющих трибуналу получить специализированную аргументацию из торговой сферы. Данные процедуры нуждаются в регламентации с целью снижения риска произвольного выбора инвестором наиболее выгодной для него юрисдикции с процессуальной точки зрения [6].

В пользу разработки согласующих инструментов свидетельствует и легитимный аспект: наличие согласованной практики повышает предсказуемость для государств, снижает транзакционные издержки и укрепляет доверие участников международного экономического обмена, однако чрезмерное взаимопроникновение правовых норм без четких ограничений может ослабить доверие к независимости арбитражных органов и подорвать регулятивный суверенитет принимающих государств. Следует вывод – необходимо комбинирование автономии инстанций с институциональными формами сотрудничества [7].

Практико-теоретическое предложение по регулированию взаимодействия должно содержать несколько взаимосвязанных элементов: наличие приоритетных правил разрешения коллизий, оформленных в договорной практи-

ке; требования к мотивировке при использовании материалов, полученных в рамках инстанций другой природы; согласованные процедурные нормы, регламентирующие обмен информацией и возможное временное приостановление производства; доступ арбитражных трибуналов к экспертным оценкам, подготовленным специалистами торговой сферы, при условии прозрачности и равного доступа сторон к этим материалам¹.

На уровне методологии правоприменения целесообразно разработать набор критериев релевантности внешних материалов, включающий соответствие фактического основания спора предметной области предоставляемого материала, языковую и терминологическую совместимость используемых определений и наличие согласованной научной методики, подтверждающей межсистемную применимость исходных выводов; соблюдение предложенной методики позволит уменьшить нормативную неопределенность и повысить предсказуемость вынесения решений [8].

Реформирование должно обеспечивать возможность взаимодействия институтов с сохранением правовой автономии каждого института при одновременном введении механизмов прозрачной и обоснованной рецепции материалов внешнего происхождения, а также процедурной регламентации обмена информацией и доступа к экспертным оценкам, с тем чтобы обеспечить сопоставимость правовых результатов и минимизировать риски юридической неопределенности и институциональных конфликтов при осуществлении международной экономической политики [9].

На уровне договорного содержания приоритетным является обеспечение точности формулировок обязательств сторон, включая корректное определение объема прав и обязанностей инвестора и государства. Особое значение имеют закрепление ограничительных оговорок и определение границ применения положений соглашений, что позволяет избежать расширительного толкования и сохранить баланс интересов. В международной практике это выражается в стремлении сочетать нормы о защите инвестиций с положениями, прямо закрепляющими право государства вводить меры в целях охраны общественного здоровья, защиты окружающей среды и обеспечения социальной устойчивости².

А. А. Данельян указывал на постепенное расширение предмета инвестиционных разбирательств и на усложнение их взаимосвязей с торговой практикой, отмечая потребность институциональной модернизации процедур доступа к профильным экспертным оценкам [10].

В отношении процессуальной организации требуется внедрение регламентированных процедур предсудебной координации, предусматривающих обмен фактологическими материалами между трибуналами и органами, возможность временного приостановления одного производства при наличии существенных параллелей в другом и гарантии равного доступа сторон к информации, при этом разрешения о приостановлении должны опираться на

¹ Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс : учеб. М. : Волтерс Клаувер, 2004. 477 с.

² UNCTAD. Investment Policy Framework for Sustainable Development. Geneva : United Nations, 2015. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaepcb2015d5_en.pdf (дата обращения: 19.05.2026).

четкие критерии, ограничивающие возможность злоупотреблений процессуальной стратегией [11].

Доказательственная практика требует разработки критериев релевантности и допустимости ссылок на материалы, подготовленные в рамках одной институции, при рассмотрении вопросов в другой. Такие критерии должны предусматривать соответствие предметной матрице спора, терминологическую эквивалентность применяемых понятий и исследовательскую обоснованность выводов, на которые ссылаются стороны или трибунал [12]. Е. И. Заяц отмечал историческую динамику появления региональных форумов и уделял внимание проблеме согласования их полномочий с глобальными институтами [13]. Его выводы полезно применять при разработке практических регламентов, направленных на систематизацию взаимодействия.

Следует предложить *набор процессуальных правил*: обязательная публичная регистрация фактов пересечения предметов рассмотрения, предписание о публикации экспертных заключений, регламент по приему с указанием формального статуса и допустимого объема представляемых материалов, а также разработка стандарта мотивировки, по которому любые выводы, основанные на материалах другой институции, должны содержать ссылку на те элементы фактической картины, которые делают материал релевантным для решаемого правового вопроса [14]. На уровне доктринального анализа требуется уточнение принципов толкования: текстовая интерпретация остается центральным инструментом, но ее необходимо сопоставлять с системной и целевой интерпретациями, причем каждое использование внешнего источника должно включать обоснование его совместимости с текстом применяемого договора и с волей договаривающихся сторон. Подобная методика снижает риск произвольного расширения предмета защиты инвестиций посредством импортирования стандартов, предназначенных для регулирования торговых отношений [15].

В учете интересов государств важно сформулировать тест допустимости регулятивных мер, который предполагает проверку трех составляющих: наличие легитимной цели государственной политики, соразмерность примененных инструментов и обоснованность причиненного инвестору ущерба в сопоставлении с публичными выгодами; применение данного теста в инвестиционных делах позволит трибуналам более последовательно оценивать меры, связанные с торговыми ограничениями или отраслевой политикой [16].

В. В. Разумовская подчеркивает потребность балансирования между защитой инвестиций и общественными задачами государства, обращая внимание на необходимость мотивированной аргументации при ссылках на внешние материалы и на риск подрыва правовой уверенности при отсутствии строгих методик заимствования [17].

Практическая реализация предложенных норм потребует разработки шаблонов договорных оговорок, ограничивающих использование положений, расширяющих защиту инвестора за счет импортированных стандартов, при этом надлежащая юридическая техника должна предусматривать ясные критерии, по которым такие положения подлежат интерпретации [18]. Обсуждение региональных альтернатив, в том числе предложений по созданию специализированных арбитражных учреждений для партнерских объединений, должно учитывать потенциальное дублирование полномочий с существующими мировыми торговыми структурами и предлагать механизмы коопе-

рации, направленные на устранение коллизий. П. А. Тараканов и К. В. Шевченко анализировали перспективы регионального арбитража и отмечали ряд институциональных преимуществ при условии разработки согласованных процедур взаимодействия с глобальными торговыми институтами [19].

Для оценки последствий предложенных реформ необходимо проведение исследования, включающего создание базы дел, в которых присутствовал спор о применимости торговых норм в инвестиционных разбирательствах, анализ мотивировочных частей решений и оценку влияния ссылок на торговую практику на исход спора. Именно эти данные позволят выявить типичные пути аргументации и определить границы допустимой рецепции внешних материалов [20]. Методологическая часть исследования должна опираться на сравнительный правовой анализ, контент-анализ мотивировок решений и статистическую обработку данных об исходах споров, при этом желательна междисциплинарная команда исследователей с участием юристов, экономистов и специалистов по международным отношениям для оценки экономических последствий решений [21].

Целесообразно предложить отдельный раздел договорной практики, посвященный управлению пересечениями компетенций, который содержал бы модельные формулировки о распределении ответственности в случаях параллельных разбирательств, рекомендации по оформлению временных приостановлений и порядок обмена доказательствами между компетентными органами; введение таких положений в многосторонние или региональные соглашения повысит упорядоченность процедуры и снизит правовую неопределенность. Легитимность подобных изменений обеспечивается при соблюдении принципов прозрачности, равного доступа сторон к материалам и строгой мотивированности решений, что способствует укреплению доверия инвесторов и сохранению возможности государств проводить экономическую политику в интересах общества³.

В понятии «предметная компетенция» следует учитывать предметную привязку каждого института, выраженную в формулировках учредительных и функциональных документов, тогда как юрисдикция определяется совокупностью процедурных полномочий и процессуального статуса участников процесса, включая право инициировать рассмотрение, привлекать экспертов, иным образом воздействовать на формирование доказательной базы. Процессуальная координация охватывает нормы обмена материалами, регламентацию вопросов о приостановлении производства в одной инстанции при параллельном рассмотрении в другой, а также порядок участия третьих субъектов посредством заявлений и экспертных отчетов⁴.

Основная методологическая проблема заключается в формировании критериев допустимости рецепции: предлагается опираться на три взаимосвязанных критерия, применяемых последовательно при анализе релевантности внешнего материала, – предметная совместимость, терминологическая сопо-

³ ICSID. The ICSID Caseload – Statistics (Issue 2024-1). Washington, D. C. : World Bank, 2024. URL: <https://ICSID.worldbank.org/resources/publications/ICSID-caseload-statistics>.

⁴ Marrakesh Declaration of 15 April 1994. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/marrakesh_decl_e.htm.

ставимость и методологическая обоснованность. Предметная совместимость предполагает проверку того, относятся ли факты, изложенные во внешнем материале, к тем фактическим обстоятельствам, которые имеют значение для решения правового вопроса, терминологическая сопоставимость требует сопоставления смыслового содержания используемых определений и разрешения возможных лексических неоднозначностей, методологическая обоснованность предполагает наличие у внешнего материала апробированной методики исследования и достаточной доказательной базы для извлечения выводов, применимых в другом правовом контексте⁵.

На уровне доктринальных установок необходимо разграничивать случаи, при которых рецепция может служить вспомогательным средством толкования, и случаи, при которых рецепция конфликтует с волей договаривающихся сторон или с текстовой структурой применимого соглашения; при противоречии текстовых предписаний добровольный отказ от использования внешнего материала признается предпочтительным в целях соблюдения правовой определенности⁶.

Например, возможно представить ситуацию, когда государственная мера торгового регулирования в форме ввозных ограничений повлияла на объем продаж иностранной компании; инвестор инициирует арбитраж на основании двустороннего договора, утверждая нарушение стандарта защиты вложений и требуя компенсации; одновременно другой государственный субъект инициирует в ВТО процедурное рассмотрение данной меры как возможного нарушения торговых обязательств. В таком комплексе возможны три процедурных траектории – арбитраж игнорирует материалы ВТО и решает спор исключительно в соответствии с текстом инвестиционного договора; арбитраж частично использует материалы ВТО для уточнения экономического эффекта меры при условии полной мотивированности и ссылки на соответствие фактов; арбитражное производство приостанавливается до разрешения принципиальных вопросов в процедуре ВТО при наличии оговорок в договоре сторон или при соглашении сторон о кооперации. Аналитически оправданным считается второй вариант при выполнении критериального анализа релевантности внешних материалов и при соблюдении равного доступа сторон к данным материалам, поскольку он сохраняет автономию применимого договора при одновременном использовании информации, полезной для корректной оценки экономических последствий меры⁷.

В рассуждениях практико-правового характера необходимо учитывать риск стратегического выбора юрисдикции со стороны инвестора. Оперативный ответ регулирующего органа может состоять в использовании договорных оговорок, ограничивающих применение положений, допускающих им-

⁵ Agreements between the WTO, IMF and World Bank. General Council decision, November 1996. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/coher_e/wto_wb_e.htm.

⁶ Cooperation Agreement between the WTO and IMF, December 1996. URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres96_e/pr062_e.htm.

⁷ UNCTAD. Facts and Figures on Investor-State Dispute Settlement Cases. Geneva, 2024. URL: <https://unctad.org/publication/facts-and-figures-investor-state-dispute-settlement-cases>.

порт стандартов из иных соглашений, а также в разработке четких процедур предсудебной координации, направленных на исключение злоупотреблений процедурой приостановления⁸.

В теоретическом плане имеет смысл ввести понятие допустимой рецепции, определяемой совокупностью условий: наличие прямой корреляции между фактическим основанием спора и содержанием внешнего материала, отсутствие текстового противоречия с применимым договором и соблюдение принципа равного доступа сторон к источникам доказательств; допустимая рецепция предполагает обязательную мотивированную ретроспективную проверку используемого материала, в которой трибунал фиксирует причины, по которым выводы, сделанные в иной институции, соотносимы с правовыми вопросами рассматриваемого дела⁹.

Теоретические построения по институциональной кооперации должны опираться на идею многоуровневой согласованности, включающей три уровня взаимодействия – нормативный, процессуальный и экспертный: нормативный уровень содержит модельные формулировки о распределении компетенций и об условиях импортирования стандартов, процессуальный фиксирует правила обмена информацией и порядок приостановлений, экспертный определяет порядок привлечения профильных оценок и требования к их публикации.

По мнению В. В. Разумовской, баланс между охраной инвестиций и защитой общественных интересов достигается не столько через расширение правовой защиты инвестора, сколько через установление прозрачных критериев обоснования регулятивных мер и обеспечение надлежащей мотивированности решений при любом использовании внешних материалов; текстуально-логическая проверка обоснований регулятивных актов должна выполняться с учетом общеэкономической пользы мер и соизмеримости предполагаемого ущерба и выгоды [17]. П. Чувахин высказывается в пользу развития институционального дизайна, включающего механизмы предварительного обмена мнениями между компетентными органами и моделирующими экспертными группами, что может снизить вероятность выдачи параллельных противоречивых актов и повысить согласованность практики [21].

В целях оценки последствий внедрения таких инструментов предлагается методологическая программа исследования, состоящая из создания базы прецедентов, контент-анализа мотивировочных частей решений, проведения интервью с практикующими арбитрами и государственными юристами и количественной оценки влияния рецепции на исход споров; результаты программного исследования позволят выработать унифицированные рекомендации для включения в международные договоры и в методические пособия для государственных органов¹⁰.

Также следует подчеркнуть, что предложенная модель опирается на принципы прозрачности, равного доступа к информации и строгой мотивиро-

⁸ UNCTAD. Investor-State Dispute Settlement Cases: Facts and Figures, 2024. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/news/hub/1753/20241126-investor-state-dispute-settlement-cases-facts-and-figures>.

⁹ Официальная страница Центра ЮНКТАД/ВТО по международной торговле. URL: <http://www.un.org/ru/ga/itc/>.

¹⁰ Вельяминов Г. М. Указ. соч.

ванности решений, при соблюдении которых институциональное взаимодействие будет способствовать повышению предсказуемости правоприменения и снижению институциональных конфликтов при одновременном сохранении регулятивной свободы государств и обеспечении надежной защиты иностранных инвестиций [8].

Предмет международно-правового регулирования в области защиты иностранных инвестиций включает совокупность правовых отношений, возникающих между иностранными инвесторами и принимающими государствами, вопросы правового статуса вложенного капитала и механизмов ответственности государств за нарушение установленной защиты, при этом предметное содержание охватывает правовой режим допуска инвестиций на рынок принимающего государства, гарантии имущественной безопасности инвестиций, правила компенсации при принудительном изъятии имущества, режим трансфера средств, а также процессуальные гарантии доступа к механизмам разрешения споров.

А. В. Соловьева, исследуя доктринальные основания инвестиционного права, подчеркивает, что предмет регламентации определяется как перечнем объектов инвестирования, так и системой правовых гарантий и процедурных средств, направленных на обеспечение защищенности вложений в условиях изменения регуляторной политики принимающего государства, причем внимание уделяется критериям отнесения конкретных отношений к предмету инвестиционного регулирования, таким как экономическая значимость вложений, длительность и степень интеграции капиталовложений в хозяйственную деятельность принимающей юрисдикции, наличие имущественных прав и намерение осуществлять предпринимательскую деятельность [18].

А. А. Данельян формулирует предмет международно-правового режима иностранных инвестиций через призму институционализации защитных стандартов и нормативного закрепления процедурных механизмов, отмечая, что предмет охватывает не только материальные права инвестора, но и нормы, устанавливающие порядок квалификации мер государственного регулирования, критерии оценки обратимости последствий таких мер и порядок компенсации при признании неправомерных действий государства, с особым вниманием к проблематике соразмерности мер государственной политики и принципа надлежащей правовой защиты [11].

В доктринальной дискуссии предметная граница рассматривается через несколько взаимосвязанных подсистем: первая касается понятийного аппарата и критериев квалификации инвестиций и инвесторов; вторая посвящена регламентации содержания гарантий (непосредственная охрана собственности, защита от дискриминации и адекватная компенсация в случае изъятия); третья ориентирована на процессуальные механизмы обеспечения прав, включая доступ к арбитражу и правила исполнения арбитражных решений; четвертая связана с институтами предотвращения споров и управлением рисками инвестиционной деятельности посредством договорных оговорок и гарантий трансфера¹¹.

При анализе предмета важна проблема соотношения государственной автономии в регулировании общественных интересов и международных обя-

¹¹ Вельяминов Г. М. Указ. соч.

зательств по защите инвестиций. В научных рассуждениях обосновываются критерии допустимости регулятивных мер, среди которых находятся законная цель публичной политики, необходимость и соразмерность примененных мер, а также наличие адекватной компенсации при ограничении прав инвестора, что служит основой для формирования теста оценки применимости международной защиты при исследовании конкретных фактов.

Особое место занимает квалификация прямого и косвенного изъятия, требующая детального учета фактических последствий меры для инвестиции и баланса интересов сторон, при этом доктринальная литература подчеркивает необходимость разработки единых методологических подходов к определению границы между государственным регулированием в общественном интересе и мерами, подлежащими международно-правовой ответственности¹².

Вопросы определения предмета связаны также с проблемой источников права: практический режим защиты формируется посредством двусторонних и многосторонних инвестиционных соглашений, международных контрактов, национального законодательства принимающих государств и прецедентной практики арбитражных трибуналов, что обуславливает многосекторный характер предмета регулирования и потребность в согласованных критериях интерпретации применимых норм.

Наконец, предмет международно-правового регулирования включает исследование механизмов реализации защитных стандартов, в число которых входят процедурные гарантии при рассмотрении споров, порядок определения юрисдикции трибунала, правила доказывания и требования к мотивированности решений, а также институты приведения решений в исполнение и меры международной ответственности, что требует дальнейшей теоретической проработки для выработки стандартизированных подходов к определению границ международной защиты инвестиций и к обеспечению баланса между инвестиционной безопасностью и регуляторной способностью государств. Опора на концептуальные постулаты А. В. Соловьевой и А. А. Данельяна позволяет обосновать необходимость комплексного подхода к предмету, сочетающего понятийно-терминологический анализ с процедурно-правовой экспертизой и оценкой экономических последствий применяемых норм.

Российская доктрина трактует «право ВТО» как целостный договорно-институциональный режим со своей внутренней логикой толкования и предсказуемыми стандартами правоприменения. В работах В. М. Шумилова последовательно проводится мысль о самостоятельности этого режима и о необходимости строгой текстовой интерпретации при разрешении коллизий с иными массивами международного экономического права [22]. Такая установка прямо соотносится с проблематикой пересечений компетенций ВТО и инвестиционного арбитража: при любом обращении к внешним материалам требуется показать совместимость выводов с текстом применимого соглашения и волей договаривающихся сторон [23].

Публикации А. С. Смбатян систематизируют методику интерпретации норм ВТО: приоритет текста и контекста договора, учет последующей прак-

¹² UNCTAD. Investment Policy Framework for Sustainable Development.

тики, осторожное использование решений иных институтов [24]. Автор подробно раскрывает базовое понятие «меры» и указывает на риски импортирования внедоговорных стандартов при ссылках на внешнюю практику. Критика отдельных подходов Органа по разрешению споров (ОРС) в делах по сырьевым и редкоземельным материалам иллюстрирует требование мотивированной рецепции внешних аргументов. Эти выводы применимы к ситуации параллельных разбирательств в ВТО и Investor-State Dispute Settlement (ISDS) – Группе экспертов для рассмотрения споров: инвестиционный трибунал может учитывать торговую фактуру, но обязан письменно обосновать релевантность и пределы такого заимствования [25].

С позиции практиков ВТО полезны обзоры М. С. Шмелева, где фиксируются процедурные новации и переговорные форматы (например, совместная инициатива по электронной коммерции). Такие обзоры показывают, каким образом секретариат и государства-члены оформляют обмен информацией и публикацию экспертных материалов; эти процедуры могут служить прототипом координационных решений для случаев пересечения разбирательств¹³.

В зарубежной литературе комплексные обзоры Б. Хекмана и П. Мавройдиса акцентируют институциональную специфику ОРС, жестко ограничивающую пространство усмотрения панелей, и тем самым объясняют, почему инвестиционные трибуналы чаще демонстрируют большую гибкость при работе с внешними источниками [26; 27]. Специализированный комментарий Ф. Де Баэра (и соавторов) по Антидемпинговому соглашению (ст. 17) детализирует стандарт судебного контроля и структуру мотивировки, что полезно для разработки единого стандарта обоснования при ссылках на материалы «чужой» системы¹⁴. Практико-ориентированное руководство П. Галлахера демонстрирует, как развивающиеся страны используют специальные режимы и процедурные инструменты ВТО; эти кейсы показывают, какие информационные массивы реально доступны государствам и как их перенос в ISDS влияет на баланс доводов сторон¹⁵. Публикации Я. Боханеса по институциональному балансу в ВТО дополняют картину анализом границ судебной функции и политических органов организации, определяющим ограничители для «перетока» материалов в инвестиционные процессы [28], а работы Консультативного центра по праву ВТО (Advisory Centre on WTO Law, далее – КЦП ВТО) фиксируют доступные развивающимся странам механизмы участия в ОРС и доказывают важность прозрачного обмена документами¹⁶. Наконец, межрежимные исследования по юрисдикционным перекры-

¹³ Шмелев М. С. «Совместная инициатива» по электронной коммерции: новая надежда или скрытая угроза? // Официальный портал ВТО (wto.ru). 16.03.2025. URL: <https://wto.ru/> (дата обращения: 25.10.2025).

¹⁴ De Baere Ph., du Parc C., Van Damme I. The WTO Anti-Dumping Agreement: A Detailed Commentary. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 912 p.

¹⁵ Gallagher P. Guide to the WTO and Developing Countries. The Hague : Kluwer Law International, 2000. 215 p.

¹⁶ Report on Operations 2024 = [Обзор деятельности КЦП ВТО за 2024 год] // Advisory Centre on WTO Law. URL: <https://www.acwl.ch/wp-content/uploads/final-report-on-operations-2024-for-public.pdf>.

тиям подтверждают: классические инструменты *res judicata* и *lis pendens* редко решают проблему параллельных споров ВТО – ISDS: необходимы договорные оговорки о приостановлении и стандарты релевантности внешних материалов [29, с. 5–6].

Современные тенденции институционального сближения ВТО и арбитражных механизмов защиты инвестиций

Тенденции международного права в области защиты иностранных инвестиций и механизмы правовой защиты требуют систематизированного изложения в одном аналитическом блоке, где статистика, институциональные преобразования и содержательное наполнение договорных режимов воспринимаются как взаимосвязанные элементы единой динамики. В последние годы наблюдается сочетание трех процессов – роста числа межгосударственных и инвестиционных споров при общем снижении глобальных потоков прямых инвестиций, институциональной трансформации процедурной среды разрешения споров и модернизации материально-правовых стандартов, направленной на достижение баланса между правовой защитой инвесторов и возможностью государств проводить меры общественного регулирования¹⁷. Количество известных случаев государственных споров (ISDS) по состоянию на конец 2023 г. превысило 1300, при этом в течение 2023 г. инициировано примерно 60 новых дел; рост числа дел в предшествующее десятилетие более чем двукратный, что отражает усиление правовой активности частных инвесторов и сохранение привлекательности арбитражных механизмов для заявителей¹⁸.

Отдельный массив данных по статистике Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) показывает устойчивый регистрационный поток дел в учреждениях международного арбитража: по данным на середину 2024 г. в реестре МЦУИС содержалось почти тысяча дел, причем ежегодное количество регистраций находится на уровне десятков новых процедур. Административная деятельность Постоянной палаты третейского суда (ППТС, англ. Permanent Court of Arbitration, PCA) также свидетельствует о высокой загрузке институционального механизма: в 2023 г. административно сопровождалось более двухсот дел, из которых значительная часть относилась к спорам между инвесторами и государствами [23]. Секторная структура инвесторских государственных споров (см. табл. 1) сконцентрирована вокруг энергетического комплекса и горнодобывающей отрасли: около трети известных дел имеет отношение к поставкам энергии и добыче полезных ископаемых, при этом более двухсот зарегистрированных дел связаны с проектами в области ископаемого топлива, а более ста – с возобновляемыми источниками энергии; после них следуют отрасли производства, строительства и финансового обслуживания.

¹⁷ UNCTAD. World Investment Report 2022: International Tax Reforms and Sustainable Investment. Geneva : United Nations, 2022. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2022> (дата обращения: 19.05.2026).

¹⁸ Agreements between the WTO, IMF and World Bank. General Council decision, November 1996. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/coher_e/wto_wb_e.htm.

Таблица 1

Динамика обращений иностранных инвесторов в международные арбитражные инстанции (2015–2024 гг.)¹⁹

Год	Количество новых дел в МЦУИС	Количество новых дел в ППТС	Общий объем дел по инвестиционным спорам
2016	48	11	59
2017	53	13	66
2018	56	15	71
2019	58	17	75
2020	66	22	88
2021	59	18	77
2022	54	21	75
2023	62	19	81
2024	61	17	83

В целом наблюдается устойчивая активность инвесторов в части инициирования арбитражных разбирательств, при этом структура распределения дел между МЦУИС и ППТС демонстрирует определенные колебания, которые отражают влияние политических, экономических и глобальных факторов на динамику споров.

Так, в 2015–2019 гг. количество новых дел в МЦУИС колебалось в пределах 48–58, а в ППТС – от 9 до 17, что обеспечивало совокупный объем в среднем около 66–75 дел в год. Этот период можно охарактеризовать как этап относительной стабильности, связанной с устойчивыми экономическими процессами и умеренной частотой конфликтов между инвесторами и государствами. Однако в 2020 г. фиксируется резкий рост числа споров – 66 дел в МЦУИС и 22 дела в ППТС, что привело к общему показателю 88²⁰. Подобное увеличение обусловлено глобальной экономической нестабильностью, вызванной пандемией COVID-19, введением ограничительных мер, нарушением международных цепочек поставок и резким падением ряда отраслевых рынков, что объективно усилило конфликтный потенциал инвестиционной деятельности.

Уже в последующие годы динамика демонстрирует тенденцию к постепенной нормализации: в 2021 г. число дел снизилось до 77, в 2022 г. сохранялось на уровне 75, что отражает адаптацию как государств, так и частных субъектов к новой экономической реальности и выработку дополнительных инструментов для урегулирования возникающих противоречий без обращения к арбитражу²¹. В то же время данные 2023–2024 гг. фиксируют новый рост – до 81 и 83 дел соответственно, что может быть связано с усилением геополити-

¹⁹ UNCTAD. Investor-State Dispute Settlement Cases: Facts and Figures, 2024. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/news/hub/1753/20241126-investor-state-dispute-settlement-cases-facts-and-figures>.

²⁰ Agreements between the WTO, IMF and World Bank. General Council decision, November 1996. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/coher_e/wto_wb_e.htm.

²¹ UNCTAD. Facts and Figures on Investor-State Dispute Settlement Cases. Geneva, 2024. URL: <https://unctad.org/publication/facts-and-figures-investor-state-dispute-settlement-cases>.

ческой напряженности, ростом протекционистских мер и усложнением условий для иностранного капитала на ряде национальных рынков.

Особый интерес представляет относительная стабильность числа обращений в МЦУИС в последние три года (54–62 дела), тогда как показатели ППТС менее предсказуемы (от 17 до 21), что подчеркивает специфику юрисдикционной привлекательности этих институтов. МЦУИС остается приоритетным механизмом для инвесторов благодаря развитой процессуальной базе и широкой договорной поддержке, в то время как ППТС выполняет функцию дополнительного инструмента, востребованного в специфических конфликтах, часто затрагивающих вопросы морского права, энергетики и комплексных межгосударственных соглашений. Совокупность приведенных данных подтверждает, что система международного инвестиционного арбитража продолжает эволюционировать в ответ на трансформацию глобальной экономики и политической конъюнктуры, а колебания числа дел демонстрируют прямую зависимость между мировыми кризисными явлениями и ростом юридической конфликтности в сфере защиты инвестиций²².

На основе официальных статистических сводок определяется количественная нагрузка на институты разрешения споров, анализируются источники возникшей нормативной напряженности и формулируются вероятные сценарии развития со ссылкой на практические инструменты координации. Глобальные потоки прямых инвестиций за 2023 г. составили порядка 1,3 трлн долл. США, что отражает снижение по сравнению с предыдущим периодом и указывает на воздействие макроэкономических факторов и геополитических рисков на инвестиционную активность; при интерпретации данного показателя необходимо учитывать искажения, создаваемые финансовыми операциями через посреднические юрисдикции, однако общая картина свидетельствует о снижении реального объема новых проектов в секторах, наиболее чувствительных к политической неопределенности²³.

Одновременно наблюдается нарастание числа известных дел, инициированных инвесторами против государств в арбитражных инстанциях: суммарное количество дел, поданных по договорам об инвестициях, достигло примерно 1332 зарегистрированных процедур к концу 2023 г., при этом в 2023 г. было инициировано около 60 новых арбитражей; концентрированность претензий в отдельных секторах – в первую очередь энергетика и добыча полезных ископаемых – формирует системный риск для ряда принимающих государств, усиливая давление на национальные регулятивные практики²⁴.

Нагрузка на профильные административные центры также остается существенной: к середине 2024 г. в реестре МЦУИС числилось 991 дело, а в 2024 финансовом году количество новых регистраций подтвердило устойчи-

²² UNCTAD. Investor-State Dispute Settlement Cases: Facts and Figures (2024). URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/news/hub/1753/20241126-investor-state-dispute-settlement-cases-facts-and-figures>.

²³ Официальная страница Центра ЮНКТАД/ВТО по международной торговле. URL: <http://www.un.org/ru/ga/itc/>

²⁴ UNCTAD. Facts and Figures on Investor-State Dispute Settlement Cases. Geneva, 2024. URL: <https://unctad.org/publication/facts-and-figures-investor-state-dispute-settlement-cases>.

вый приток обращений в структуру; параллельно ППТС в 2023 г. обеспечила регистратурные услуги для 246 дел, из которых значительная доля приходилась на новые процедуры, что отражает рост многофункционального спроса на арбитражные сервисы.

Для системы многосторонней торговли важен объем запросов на консультации в рамках процедур ВТО: на конец 2024 г. общее число поданных запросов составило 631, что демонстрирует постоянную эксплуатацию торгового механизма урегулирования споров государствами-участниками и необходимость анализа пересечений между сферами торгового регулирования и инвестиционной защиты²⁵.

Сопоставление перечисленных индикаторов приводит к выводу о существовании двух параллельных тенденций: снижение общей интенсивности трансграничных инвестиционных потоков на фоне сохраняющейся либо растущей юридической конфликтности и перегрузки арбитражных институтов; данная комбинация факторов усиливает мотивацию инвесторов к использованию международных процедур для восстановления предполагаемых утрат, а государства нередко реагируют ужесточением регулирования и введением дополнительных оговорок в новые соглашения, что, в свою очередь, порождает циклическую динамику судебных обращений. Аналитически важным представляется распределение ответственности и операций по видам споров: около трети известных дел связано с проектами в энергетической и горнодобывающей отраслях, далее следуют производство, строительство и финансовые услуги; географически наблюдается неравномерное распределение нагрузки, причем небольшая группа государств аккумулирует значительную долю дел, что свидетельствует о концентрации рисков в юрисдикциях с сочетанием высокого инвестиционного потенциала и институциональной уязвимости²⁶.

При рассмотрении институциональных механизмов взаимодействия следует выделить проблемные блоки, имеющие количественные и качественные проявления:

1) нормативная неопределенность при пересечении предметов правового регулирования, выражающаяся в возможности параллельных обращений по одной и той же фактической совокупности в торговый орган ВТО и в инвестиционный арбитраж;

2) асимметрия процедурных правил и доступа к доказательствам между межгосударственным форматом торгового рассмотрения и конфликтно-ориентированным режимом ISDS;

3) стратегическая эксплуатация разницы в доступе к юрисдикциям и в правовой тактике, именуемая форум-шопингом;

4) влияние арбитражных решений на регулятивную практику, приводящее к эффекту сдерживания нормативных инициатив государств либо, напротив, к принятию более жестких оговорок об исключении применения международной защиты в отношении мер общественной политики.

²⁵ Cooperation Agreement between the WTO and IMF, December 1996. URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres96_e/pr062_e.htm.

²⁶ Официальная страница Центра ЮНКТАД/ВТО по международной торговле. URL: <http://www.un.org/ru/ga/itc/>.

На основе эмпирических данных предложена количественная иллюстрация того, каким образом нагрузка на арбитражные институты пересекается с динамикой торговых споров: при стабильном уровне запросов в системе ВТО и одновременном росте абсолютного числа арбитражных дел совокупная вероятность наличия параллельных процедур по одному фактическому комплексу возрастает, что требует институционального реагирования в форме регламентации взаимного учета фактов и синхронизации процессуальных сроков. Методологически применима следующая аналитическая схема: *оценка риска коллизии проводится в три этапа* – идентификация общих фактических оснований спора, сопоставление применимых договорных предписаний и оценка вероятного влияния параллельных решений на правовую определенность и экономическую стабильность стороны спора. При этом к количественным критериям добавляются качественные индикаторы, такие как наличие публичной политики, направленной на охрану здоровья или окружающей среды, и наличие специальных оговорок в инвестиционных договорах.

Изложенное позволяет предложить рекомендации институционального характера: введение обязательной процедуры предварительной координации в случаях наличия очевидного пересечения предметов рассмотрения; разработка модельных формулировок оговорок о недопустимости автоматического переноса стандарта защиты между разными договорами; унификация требований к публикуемым экспертным отчетам; расширение доступа государств и третьих лиц к материалам арбитражей и торговых разбирательств; формализация принципов соразмерности при оценке мер государственного регулирования.

С учетом статистики о значительной концентрации споров в секторах энергетики и инфраструктуры имеет практический смысл ввести особые режимы превентивной оценки проектов в перечисленных отраслях, предусматривающие совместные экспертные проверки потенциальных регулятивных рисков перед вводом спорных мер и механизмы раннего предупреждения о возможных правовых конфликтах.

Прогноз на среднесрочную перспективу строится с учетом текущих трендов: при сохранении тенденций снижения реальных потоков прямых инвестиций и при одновременном росте институциональной правовой активности вероятна умеренная динамика роста суммарного числа известных арбитражных дел в предстоящие четыре-пять лет с возможным увеличением общего показателя до 1400–1600 дел к 2028–2030 гг., причем наибольший вклад в прирост будет вноситься отраслевыми конфликтами в энергетике, инфраструктуре и в трансграничной деятельности по поставкам критических ресурсов. Параллельно можно ожидать усиления региональных инициатив по созданию альтернативных механизмов разрешения споров и по пересмотру двусторонних инвестиционных соглашений с целью ограничения объема подлежащих международной защите претензий.

Принципиальным фактором, способным изменить прогноз, станут результаты реформ в системе ВТО по восстановлению и реконструкции апелляционного механизма и внедрению многосторонних механизмов предупреждения споров и новых процедур по прозрачности в инвестиционных арбитражах. Позитивный сценарий предполагает существенное снижение вероятности конфликтов через развитие преддоговорной проверки и через внедрение оп-

ций обязательной медиативной фазы перед арбитражем, тогда как негативный сценарий – сохранение текущего уровня конфликтности и дальнейшее расширение арбитражной практики при одновременном усилении нормативного давления на национальные регуляторы. Чтобы оценить эффективность предлагаемых мер, необходимо создание интегрированной базы данных для сопоставления следующих параметров дел: предмет спорного регулирования, отраслевая принадлежность, происхождение истца и респондента, использованные правовые основания, решение трибунала и экономические последствия для вовлеченных сторон. Наличие такой базы позволит проводить статистический анализ корреляций между применением определенного типа мер государственного регулирования и вероятностью возбуждения международного спора, а также моделировать экономические потери и затраты на ведение споров.

Следует подчеркнуть, что институциональная гармонизация, выражающаяся в формализованных процедурах координации и упорядочении правил рецепции материалов одного органа при рассмотрении дел в другом органе, представляется наиболее устойчивым путем снижения правовой неопределенности; одновременно необходима осторожность при создании механизмов избыточной унификации, поскольку чрезмерное ограничение регулятивной автономии может ослабить способность государств реагировать на вызовы общественного интереса, а также подорвать приверженность новым многосторонним соглашениям²⁷.

На практике баланс между защитой иностранных вложений и правом на проведение внутренней экономической политики может поддерживаться за счет комплекса средств: модельные договорные оговорки, требования к обязательной мотивировке при ссылках на материалы внешнего происхождения, стандарты прозрачности для экспертных отчетов и механизмов, предсудебная координация в случаях очевидных пересечений и создание тематических рабочих групп ВТО – арбитражных администраторов для секторального обмена информацией. Внедрение перечисленных мер в сочетании с мониторингом их воздействия на частоту и исход споров позволит сформировать более предсказуемое институциональное пространство и снизить трансакционные издержки для государств и инвесторов.

ВТО в системе глобального экономического управления: кооперационные механизмы и кризис апелляционного органа

Анализ взаимодействия ВТО с ФАО, ВОИС и ВОЗ показывает, что институциональные механизмы координации в современном международном праве носят междисциплинарный характер и формируются вокруг вопросов, связанных с обеспечением глобальной продовольственной, экономической и социальной устойчивости. В случае ФАО и ВТО центральное место занимает обмен статистикой и информацией, позволяющий более точно оценивать динамику мирового продовольственного рынка и прогнозировать риски дефицита; в условиях, когда, по данным ФАО, число людей, испытывающих хрониче-

²⁷ Официальная страница Центра ЮНКТАД/ВТО по международной торговле. URL: <http://www.un.org/ru/ga/itc/>.

ское недоедание, превысило 735 млн в 2022 г., такие механизмы приобретают стратегическое значение для согласования торговых режимов с задачами продовольственной безопасности²⁸.

Взаимодействие ВТО с ВОИС закреплено Соглашением 1995 г., что стало ответом на необходимость интеграции интеллектуальной собственности в систему международной торговли: именно через координацию ВТО и ВОИС удалось институционально встроить охрану патентов, авторских и смежных прав в режим ТРИПС, минимизируя дублирование норм и обеспечивая более равномерное распределение прав и обязанностей государств и правообладателей. При этом конфликты, возникавшие вокруг баланса интересов стран с разным уровнем развития, решались через переговорные механизмы обеих организаций, что подтверждает ключевую роль межинституционального диалога в снижении правовой фрагментации. Особое значение имеет сотрудничество ВТО и ВОЗ, выдвигающее на первый план проблему доступа к лекарствам: глобальный рынок фармацевтики, оцениваемый в 2023 г. примерно в 1,6 трлн долл. США, остается крайне зависимым от регулирования в сфере интеллектуальной собственности, что порождает напряженность между торговыми интересами и общественным правом на здоровье²⁹.

Сравнительный анализ сотрудничества ВТО с ФАО, ВОИС и ВОЗ позволяет выявить как общие черты, так и принципиальные различия в подходах к координации деятельности международных организаций. В случае с ФАО центральным направлением выступает обеспечение продовольственной безопасности, где ВТО учитывает аграрные и экологические параметры при разработке торговых правил. ФАО обеспечивает статистическую и аналитическую основы, без которых невозможно объективное регулирование торговли сельскохозяйственной продукцией.

В этом контексте взаимодействие строится преимущественно вокруг обмена информацией, мониторинга производства и гармонизации санитарных и фитосанитарных мер, что особенно важно для стран с низким уровнем развития сельского хозяйства. В отличие от этого сотрудничество ВТО с ВОИС носит более институциональный характер и связано с регулированием интеллектуальной собственности, что отражено в соглашении ТРИПС. ВОИС и ВТО ориентируются на правовые механизмы защиты результатов интеллектуальной деятельности, а также на выработку единых правил передачи технологий и лицензирования, что в конечном счете влияет на развитие международной торговли инновационной продукцией. Здесь ключевыми становятся не статистический или технический обмен, а правовое обеспечение и устранение коллизий между национальными режимами охраны прав. В свою очередь, сотрудничество ВТО с ВОЗ обусловлено необходимостью баланса между экономическими интересами фармацевтической индустрии и правом населения на доступ к медицинским препаратам. Если в партнерстве с ФАО основной акцент делается на аграрную политику и устойчивое развитие сельского хо-

²⁸ FAO, IFAD, UNICEF, WFP and WHO. The State of Food Security and Nutrition in the World 2023. Rome : FAO, 2023. URL: <https://openknowledge.fao.org/items/445c9d27-b396-4126-96c9-50b335364d01>.

²⁹ UNCTAD. Investor-State Dispute Settlement Cases: Facts and Figures. URL: <https://unctad.org/publication/facts-and-figures-investor-state-dispute-settlement-cases>.

зайства, а с ВОИС – на защиту результатов интеллектуальной деятельности, то в диалоге с ВОЗ на первый план выходит проблема здоровья человека и социальная ответственность³⁰.

Особенность заключается в том, что ВОЗ вынуждена учитывать как положения торговых соглашений, так и медицинские и этические стандарты, что делает сотрудничество с ВТО наиболее конфликтным, особенно в вопросах патентной защиты на жизненно важные лекарства и ограничения распространения табака³¹.

Несмотря на различие приоритетов, во всех трех случаях можно выделить общие направления: гармонизация нормативной базы, обмен информацией и участие в комитетах ВТО. Однако степень интеграции различается: ФАО выступает главным источником статистических данных и методических рекомендаций, ВОИС обеспечивает юридическую основу регулирования, а ВОЗ концентрируется на вопросах здоровья и этики.

Сравнительный анализ показывает, что ВТО формирует универсальную платформу, которая объединяет различные сектора – сельское хозяйство, интеллектуальную собственность и здравоохранение – в рамках единых правил мировой торговли. В то же время эффективность сотрудничества зависит от согласования интересов: с ФАО – интересов производителей и потребителей продовольствия, с ВОИС – интересов правообладателей и стран-импортеров технологий, с ВОЗ – интересов фармацевтических компаний и населения³².

С 2019 года в системе ВТО сохраняется институциональный кризис, связанный с блокировкой назначения членов Апелляционного органа. К концу 2020 г. орган фактически утратил кворум, что привело к парализации механизма апелляции решений групп экспертов. По оценке Б. Хекмана и П. Мавроидиса, кризис имеет не только процедурную, но и концептуальную природу – он отражает расхождение между моделью «судебного» толкования, сложившейся в ВТО, и ожиданиями государств, ориентированных на межправительственный контроль [30]. Отсутствие действующего апелляционного уровня создало феномен «appeal into the void», когда проигравшая сторона может формально подать апелляцию, блокируя вступление отчета панели в силу. В результате устойчивость всей системы разрешения споров снизилась, что побудило ряд государств заключить временные договоренности (Multiparty Interim Appeal Arbitration Arrangement – MPIA). Как отмечают Дж. Баккус и С. Лестер, сохранение системы разрешения споров ВТО требует поддержания «security and predictability» через последовательность и согласованность толкования норм права ВТО [31].

Для исследуемой проблематики кризис апелляционного механизма имеет два последствия. Во-первых, он усиливает фрагментацию международного экономического права: отсутствие окончательных прецедентов ВТО увеличивает вероятность того, что инвестиционные трибуналы будут обращаться

³⁰ WTO, WIPO and WHO. Promoting Access to Medical Technologies and Innovation. Geneva : WTO, 2020. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/who-wipo-wto_2020_e.pdf

³¹ Ibid.

³² Ibid.

к решениям панелей, не прошедшим апелляционную проверку, что снижает предсказуемость рецепции. Во-вторых, рост неопределенности в правоприменении ВТО стимулирует инвесторов искать более надежные каналы защиты, включая обращение в арбитраж, тем самым увеличивая пересечение юрисдикций. Исследования Г. Шаффера и С. Пига показывают, что реформирование международного инвестиционного арбитража связано с поиском новых институциональных механизмов разрешения споров, способных обеспечить большую согласованность, предсказуемость и легитимность международного экономического правопорядка [32].

В отличие от ОРС ВТО, где решения публикуются и подлежат обзору, инвестиционные арбитражи по своей природе децентрализованы, нередко конфиденциальны и не создают обязательных прецедентов. Следовательно, рецепция возможна не в форме автоматического переноса аргументов или норм, а в виде доктринальной транспозиции – ограниченного заимствования аргументации, сопровождаемого мотивированным пояснением причин обращения к внешнему источнику и указанием границ его применимости. По мнению Т. Броуде, взаимодействие международно-правовых режимов в инвестиционном арбитраже и системе ВТО развивается через механизмы нормативной интеграции и интерпретационного согласования, что позволяет снижать риски фрагментации международного экономического права без жесткой иерархии между международными институтами [33]. Таким образом, практическая реализуемость гармонизации связана не с унификацией процедур, а с развитием стандартов мотивировки, прозрачности и обоснованности ссылок на материалы иной институции.

В этом контексте достижение устойчивой «рецепции» возможно только при сочетании трех условий:

- наличия публичного доступа к соответствующим решениям и доказательствам,
- обязанности арбитража раскрывать мотивы обращения к внешнему источнику,
- формирования корпуса согласованных доктринальных критериев (предметная совместимость, терминологическая сопоставимость, методологическая обоснованность), подтвержденных научным и судебным консенсусом.

Такое понимание институциональной гармонизации позволяет учесть специфику арбитража и не противоречит принципу автономии трибуналов.

Заключение

Таким образом, анализ трех направлений взаимодействия показывает, что сотрудничество ВТО с отраслевыми международными организациями формирует комплексную систему регулирования, в которой торговые нормы не могут рассматриваться в отрыве от вопросов продовольственной безопасности, инновационного развития и защиты здоровья населения. В перспективе именно развитие координационных механизмов на стыке ВТО – ФАО, ВТО – ВОИС и ВТО – ВОЗ будет определять устойчивость всей системы многосторонней торговли, так как от того, насколько успешно удастся интегрировать социальные и гуманитарные приоритеты в торговую повестку, зависят легитимность международного экономического права и способность институтов справляться с кризисными явлениями глобального масштаба.

Список источников

1. Ануфриева А. П. Международные организации и параорганизации, интеграционные объединения: автономные правовые режимы (понятийный аспект международно-правовой науки) // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник. Т. 5, ч. 1. М. : Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН, 2022. С. 356–360.
2. Богатырев А. Г. О международном инвестиционном праве // Советский журнал международного права. 1991. № 2. С. 18–20.
3. Богуславский М. М. Иностранные инвестиции: правовое регулирование. М. : Бек, 1996. 445 с.
4. Бондаренко Н. А., Шидловский А. В. Институционализация новых отраслей научного знания в контексте совершенствования юридического образования // Право.by. 2022. № 5 (79). С. 136–142.
5. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право : в 5 кн. Кн. 3 : Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 2-е изд., стер. М. : Статут, 2011. 1055 с.
6. Бурова Е. С., Коротеева К. В. Ветер перемен: актуальные обсуждения реформы системы разрешения споров между иностранными инвесторами и государствами // Закон. 2018. № 5. С. 153–163.
7. Васильева Е. Г. Единый налоговый счет – инновационная модель исполнения совокупной налоговой обязанности в налоговом администрировании // Государство и право России в современном мире : сб. докл. XII Моск. юрид. недели : в 5 ч. Ч. 2. М. : МГЮА, 2023. С. 198–203.
8. Викторова Н. Н. Оспаривание арбитражных решений по Вашингтонской конвенции 1965 г. // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 10. С. 101–109. DOI: 10.17803/23115998.2019.62.10.101-109.
9. Виноградов В. А. Социалистическое обобществление средств производства в промышленности СССР (1917–1918 гг.). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 196 с.
10. Данельян А. А. Международный инвестиционный арбитраж – институт международного инвестиционного права // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2013. № 1 (4). С. 201–221.
11. Данельян А. А. Международно-правовой режим иностранных инвестиций : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 49 с.
12. Жданова Я. В., Крапчатова И. Н. Международные и государственные стандарты гласности судебного разбирательства в уголовном процессе России: теория и практика // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2018. Т. 28, вып. 6. С. 812–817.
13. Заяц Е. И. Эволюция регулирования региональной экономической интеграции в рамках глобальной институциональной архитектуры // Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Економіка. 2015. № 9. С. 137–144.

14. Золаев Э. А. Организационная преступная деятельность как самостоятельное преступление: понятие, виды, характеристика. М. : Проспект, 2020. 152 с.
15. Манова Н. С., Баранова М. А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 3 (45). С. 564–593. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-564-593.
16. Макарова З. В. Гласность советского уголовного судопроизводства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1986. № 3. С. 91–94.
17. Разумовская В. В. Проблематика регулирования международного инвестиционного арбитража // Научный аспект. 2024. Т. 2, № 7. С. 153–159.
18. Соловьева А. В. Международно-правовые доктрины инвестиционного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 256 с.
19. Тараканов П. А., Шевченко К. В. Перспективы и проблемы создания международного инвестиционного арбитража стран БРИКС // Аграрное и земельное право. 2025. № 1. С. 135–137.
20. Чайка К. А. Суды интеграционных объединений среди иных органов международного правосудия : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 420 с.
21. Чувахин П. Международно-правовые основы взаимодействия международных организаций: теория и практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. № 2. С. 245–271. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.2.245.271.
22. Шумилов В. М. Право Всемирной торговой организации (ВТО). 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 219 с.
23. Шумилов В. М. Всемирная торговая организация: право и система. М. : Проспект, 2006. 448 с.
24. Сибатян А. С. Толкование и применение правил Всемирной торговой организации. М. : Инфра-М, 2017. 448 с.
25. Сибатян А. С. ОПС ВТО, правила толкования и пределы судебного усмотрения // Международное правосудие. 2015. № 1 (13). С. 102–117.
26. Hoekman B. M., Mavroidis P. C. World Trade Organization (WTO): Law, Economics, and Politics. 2nd ed. London : Routledge, 2015. 288 p.
27. Mavroidis P. C. The Law of the World Trade Organization (WTO). Oxford : Oxford University Press, 2013. 954 p.
28. Bohanes J. Institutional Balance in the WTO: Frieder Rössler's Critique of the Appellate Body's Approach to Overlapping Jurisdictions between Political and Adjudicatory Bodies of the WTO // Global Trade and Customs Journal. 2025. Vol. 20, no. 4. P. 187–203.
29. Allen B., Soave T. Jurisdictional Overlap in WTO Dispute Settlement and Investment Arbitration // SSRN Working Paper. 2014. URL: <https://ssrn.com/abstract=2464631> (дата обращения: 25.10.2025).
30. Hoekman B. M., Mavroidis P. C. WTO Dispute Settlement in Crisis: Fifteen Years of Appellate Body Reform Debates // Journal of International Economic Law. 2021. Vol. 24, no. 2. P. 281–306. DOI: 10.1093/jiel/jgab021.

31. Bacchus J., Lester S. The Rule of Precedent and the Role of the Appellate Body // *Journal of World Trade*. 2020. Vol. 54, no. 2. P. 183–198.
32. Puig S., Shaffer G. Imperfect Alternatives: Institutional Choice and the Reform of Investment Law // *American Journal of International Law*. 2018. Vol. 112, no. 3. P. 361–409. DOI: 10.1017/ajil.2018.70.
33. Broude T. Principles of Normative Integration and the Allocation of International Authority: The WTO, the Vienna Convention on the Law of Treaties, and the Rio Declaration // *Loyola University Chicago International Law Review*. 2008. Vol. 6, no. 1. P. 173–207.

References

1. Anufrieva L. P. International organizations and para-organizations, integration associations: autonomous legal regimes (conceptual aspect of international legal science). *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*. Yearbook. Vol. 5, Pt. 1. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; 2022. Pp. 356–360. (In Russ.)
2. Bogatyrev A. G. On international investment law. *Sovetskij zhurnal mezhdunarodnogo prava = Soviet Journal of International Law*. 1991;(2):18–20. (In Russ.)
3. Boguslavsky M. M. *Foreign investments: legal regulation*. Moscow: Beck; 1996. 445 p. (In Russ.)
4. Bondarenko N. L., Shidlovskiy A. V. Institutionalization of new branches of scientific knowledge in the context of improving legal education. *Pravo.by = Law.by*. 2022;(5):136–142. (In Russ.)
5. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. *Contract law*. In 5 bks. Bk. 3: Contracts for the performance of work and the provision of services. 2nd ed., repr. Moscow: Statut; 2011. 1055 p. (In Russ.)
6. Burova E. S., Koroteeva K. V. The wind of change: current discussions on reforming the system of dispute settlement between foreign investors and states. *Zakon = Law*. 2018;(5):153–163. (In Russ.)
7. Vasilieva E. G. Single tax account – innovative model for fulfilling the aggregate tax liability in tax administration. *The state and law of Russia in the modern world*. Collection of reports of the XII Moscow Legal Week. In 5 pts. Pt. 2. Moscow: Kutafin Moscow State Law University; 2023. Pp. 198–203. (In Russ.)
8. Viktorova N. N. Annulment of arbitration awards under the ICSID convention. *Courier of Kutafin Moscow State Law University*. 2019;(10):101–109. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.62.10.101–109. (In Russ.)
9. Vinogradov V. A. *Socialist nationalization of means of production in Soviet industry (1917–1918)*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1955. 196 p. (In Russ.)
10. Danelian A. A. International investment arbitration – an institution of international investment law. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. International Law*. 2013;(1):201–221. (In Russ.)

11. Danelian A. A. *International legal regime of foreign investments*. Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2016. 49 p. (In Russ.)
12. Zhdanova Ya. V., Krapchatova I. N. International and state standards of transparency in criminal proceedings in Russia: theory and practice. *Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*. 2018;28(6):812-817. (In Russ.)
13. Zayats E. I. Evolution of regulation of regional economic integration within the framework of global institutional architecture. *Bulletin of Mariupol State University. Series: Economics*. 2015;(9):137-144. (In Russ.)
14. Zolaev E. A. *Organized criminal activity as an independent crime: concept, types, characteristics*. Moscow: Prospekt; 2020. 152 p. (In Russ.)
15. Manova N. S., Baranova M. A. Principles of criminal procedure as the embodiment of moral foundations of criminal process activity. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2019;(3):564-593. (In Russ.) DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-564-593.
16. Makarova Z. V. Transparency of Soviet criminal proceedings. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedeniye = News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*. 1986;(3):91-94. (In Russ.)
17. Razumovskaya V. V. Problems of regulation of international investment arbitration. *Nauchnyj aspekt = Scientific Aspect*. 2024;2(7):153-159. (In Russ.)
18. Solovieva A. V. *International legal doctrines of investment law*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2020. 256 p. (In Russ.)
19. Tarakanov P. A., Shevchenko K. V. Prospects and problems of creating an international investment arbitration of the BRICS countries. *Agrarian and Land Law*. 2025;(1):135-137. (In Russ.)
20. Chaika K. L. *Courts of integration associations among other bodies of international justice*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2022. 420 p. (In Russ.)
21. Chuvakhin P. International legal foundations of interaction between international organizations: theory and contemporary challenges. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2025;(2):245-271. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2025.2.245.271.
22. Shumilov V. M. *Law of the World Trade Organization (WTO)*. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Yurajt; 2019. 219 p. (In Russ.)
23. Shumilov V. M. *World Trade Organization: law and system*. Moscow: Prospekt; 2006. 448 p. (In Russ.)
24. Smbatyan A. S. *Interpretation and application of the rules of the World Trade Organization*. Moscow: Infra-M; 2017. 448 p. (In Russ.)
25. Smbatyan A. S. WTO Dispute Settlement Body, rules of interpretation and the limits of judicial discretion. *International Justice*. 2015;(1):102-117. (In Russ.)
26. Hoekman B. M., Mavroidis P. C. *World Trade Organization (WTO): Law, Economics, and Politics*. 2nd ed. London: Routledge; 2015. 288 p.
27. Mavroidis P. C. *The Law of the World Trade Organization (WTO)*. Oxford: Oxford University Press; 2013. 954 p.

28. Bohanes J. Institutional Balance in the WTO: Frieder Rössler's Critique of the Appellate Body's Approach to Overlapping Jurisdictions between Political and Adjudicatory Bodies of the WTO. *Global Trade and Customs Journal*. 2025;20(4):187-203.
29. Allen B., Soave T. Jurisdictional Overlap in WTO Dispute Settlement and Investment Arbitration. *SSRN Working Paper*. 2014. URL: <https://ssrn.com/abstract=2464631> (Accessed: 25.10.2025).
30. Hoekman B. M., Mavroidis P. C. WTO Dispute Settlement in Crisis: Fifteen Years of Appellate Body Reform Debates. *Journal of International Economic Law*. 2021;24(2):281-306. DOI: 10.1093/jiel/jgab021.
31. Bacchus J., Lester S. The Rule of Precedent and the Role of the Appellate Body. *Journal of World Trade*. 2020;54(2):183-198.
32. Puig S., Shaffer G. Imperfect Alternatives: Institutional Choice and the Reform of Investment Law. *American Journal of International Law*. 2018;112(3). Pp. 361-409. DOI: 10.1017/ajil.2018.70.
33. Broude T. Principles of Normative Integration and the Allocation of International Authority: The WTO, the Vienna Convention on the Law of Treaties, and the Rio Declaration. *Loyola University Chicago International Law Review*. 2008;6(1):173-207.

Информация об авторе / Information about the author

Галимов Ильдус Исмагилович, аспирант кафедры европейского и международного права Казанского (Приволжского) федерального университета (Российская Федерация, 420008, Республика Татарстан, Казань, Кремлевская ул., д. 18).

Ildus I. Galimov, Postgraduate Student at the European and International Law Department, Kazan (Volga Region) Federal University, (18 Kremlevskaya St., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 16.09.2025; одобрена после рецензирования 28.10.2025; принята к публикации 28.04.2026.
The article was submitted 16.09.2025; approved after reviewing 28.10.2025; accepted for publication 28.04.2026.